

№ 2, Том 9
2018

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Социология управления:
проблемы реформирования**

/Информатизация
и электронная модернизация
управления

/Интерес молодёжи
к продолжению образования

/Шоу-технологии
в политической сфере

Состав Редколлегии

ГОРШКОВ Михаил Константинович – главный редактор, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – ответственный секретарь, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула);

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва);

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург);

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва);

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург);

КИВИНЕН МАРККУ – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хальсинки (Финляндия);

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Литва);

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Чехия);

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТЕЛ Сажата – профессор социологического факультета Университета Хидерабад (Индия);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл);

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея).

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KOZYREVA Polina M., Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KHALIY Irina A., Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PODYACHEV Kirill V., Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

BATANINA Irina A., Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia);

BARABANOV Oleg N., Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia);

DUKA Aleksandr V., Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia);

ZHELEZNYAKOV Aleksandr S., Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

ZABOROVA Elena N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia);

KIVINEN Markku, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland);

KAČERAUSKAS Tomas, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania);

KOSTELECKY Tomas, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic);

MIKHAILENOK Oleg M., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATRUSHEV Sergei V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATEL Sujata, professor of Sociology, University of Hyderabad (Hyderabad, India);

POKROVSKY Nikita E., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia);

PROKAZINA Natalya V., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department "Sociology and Informative Technology", The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia);

CHOI Wooik, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Hunkuk, South Korea).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	7
Тема номера: «Социология управления: проблемы реформирования»	10
<i>Тихонов А. В.</i> Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы	10
<i>Богданов В. С.</i> Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы	27
<i>Мерзляков А. А.</i> Субъектность регионов и её значение для реформирования системы управления.....	48
<i>Никонова О. В.</i> В поисках новой модели регионального управления	66
Социальные слои и группы: установки и действия	78
<i>Жукоцкая А. В., Васильев И. А.</i> Мотивационные позиции студенческой молодёжи на образовательном поле	78
<i>Караханова Т. М., Большакова О. А.</i> Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих	100
Политология: тенденции развития избирательного процесса	130
<i>Ежов Д. А.</i> Выборы в условиях шоуизации: технологии и социальные последствия.....	130
Научные форумы	145
<i>Орешкина Т. А.</i> XXI Уральские социологические чтения «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития»	145

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	7
The Theme of the Issue:	
“Sociology of Management: Problems of Reforming”	10
<i>Tikhonov A. V.</i> The Problem with Reforming Our Country’s System of Government: Addition to the History of Developing a Research Program	10
<i>Bogdanov V. S.</i> The Informatization of Regional Government: Issues and Prospects	27
<i>Merzliakov A. A.</i> The Phenomenon of Regional Subjectness in Solving the Issue of Reforming Russia’s System of Government.....	48
<i>Nikonova O. V.</i> Searching for a New Model of Regional Management	66
Social Strata and Groups: Attitudes and Activity	
78	
<i>Zhukotskaya A. V., Vasilyev I. A.</i> College Students’ Motivational Attitudes in the Educational Field.....	78
<i>Karakhanova T. M., Bolshakova O. A.</i> Everyday Household Activities: Essential and Indispensible Unpaid Labor Performed by Urban Workers.....	100
Political Science: Trends in the Development of the Electoral Process	
130	
<i>Ezhov D. A.</i> Show-Oriented Elections: The Technologies and Social Consequences	130
Scientific Forums.....	
145	
<i>Oreshkina T. A.</i> XXI Ural Sociological Readings «Social Space and Time of the Region: Problems of Sustainable Development»	145

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

На фоне утверждения премьер-министра, формирования нового состава правительства, но главное – майских указов вновь избранного и только что официально вступившего в должность Президента РФ В. В. Путина, вне всякого сомнения, особенно актуальной становится избранная нами тема номера [«Социология управления: проблемы реформирования»](#). Большую часть содержания этой рубрики (три статьи из четырёх) составляют материалы, представляющие результаты крупного проекта, посвящённого исследованию проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте социокультурной модернизации регионов.

Открывает рубрику статья [А. В. Тихонова](#) (Москва) [«Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы»](#), повествующая не только о сути проекта, но и дающая подробную картину того, как формировалась исследовательская программа. Автор подчёркивает, что актуальность исследования определялась именно тем, что в условиях осложнившейся геополитической ситуации обострилась и необходимость разработки стратегических решений одновременно на внутреннем и внешнем направлениях. Особое значение приобретает новое знание относительно возможностей регулирования отношений «власть – общество» с позиций теории «общественного договора», требующей своевременного и адекватного реагирования на вновь открывшиеся обстоятельства.

Некоторые результаты указанного проекта представлены в последующих двух статьях его молодых участников.

[В. С. Богданов](#) (Москва) в статье [«Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы»](#) рассматривает процесс электронизации управления в обществе, актуализированный совсем недавно как следствие широкого использования информационно-коммуникативных технологий в традиционной практике социального управления. Этот феномен анализируется в контексте изучения отечественной

системы управления через отношение населения к функционированию сложившейся в стране модели властно-управленческой вертикали. Размышления о проблемных и перспективных контурах информатизации и электронизации регионального управления предложены на основе апробации индексов измерения состояния и развития электронизации региональных систем управления в рамках онлайн-экспертизы функционирования региональных систем управления в 12 регионах РФ.

Статья [А. А. Мерзлякова](#) (Москва) [«Субъектность регионов и её значение для реформирования системы управления»](#) построена на материалах социологических замеров проявлений субъектности населения, проведённых в 2012–17 гг. в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации. Предметно рассматривается положение о том, что форма и характер проявления этого феномена определяются состоянием выполнения «общественного договора», в котором наиболее значимыми для общества являются его способность к самоорганизации и стремление к участию в управлении, а для органов власти – способность решения задач модернизации и поддержания приемлемого уровня социального порядка.

Завершающая рубрику статья [О. В. Никоновой](#) (Белгород) [«В поисках новой модели регионального управления»](#) важна тем, что она своим самостоятельным (отдельным от указанного выше московского проекта) исследованием выступает как некая верификация выводов, представленных в первых трёх статьях. Автор анализирует некоторые дисфункции во взаимодействии гражданского общества и власти, причинами которых являются непрозрачность государственного управления, громоздкость и некая отстранённость от общественных интересов. Главный вектор изменений – стремление к деbüroкратизации органов управления, поиск новой, ограниченной по функциям и подконтрольной гражданскому обществу модели, способной обеспечить результативное развитие государственного и регионального управления.

В рубрике [«Социальные слои и группы: установки и действия»](#) размещены две статьи, анализирующие мотивы выбора и деятельности представителей двух социальных групп – студентов и рабочих.

Статья [А. В. Жукоцкой](#) и [И. А. Васильева](#) (Москва) [«Мотивационные позиции студенческой молодёжи на образовательном поле»](#), представляющая результаты исследования, целью которого являлось определение взаимосвязей и взаимозависимостей, многообразных социальных и психологических мотивов, детерминирующих социально-познавательную деятельность абитуриентов и студентов-первокурсников различных ступеней и профилей образования. Авторы выявили доминирующие и периферийные факторы мотивации познавательно-интеллектуального, практико-ориентированного,

коммуникативного и иного характера и степень их влияния как на выбор абитуриентами конкретного вуза для продолжения образования, так и на выбор студентами бакалавриата и магистратуры.

Статья [Т. М. Карахановой](#) и [О. А. Большаковой](#) (Москва) [«Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих»](#) посвящена результатам исследования реального поведения рабочих в сфере бытовой деятельности в домохозяйстве, где формируется существенная часть всей трудовой нагрузки рабочего. Определена степень субъективной важности бытовой деятельности и различных видов входящих в неё занятий. Выявлены её объём и структура, выраженные в показателях времени, факторы, влияющие на вербальное и реальное поведение в сфере удовлетворения бытовых потребностей.

В рубрике [«Политология: тенденции развития избирательного процесса»](#) размещена статья [Д. А. Ежова](#) (Москва) [«Выборы в условиях шоуизации: технологии и социальные последствия»](#), в которой на примере кампании по выборам Президента Российской Федерации 2018 г. рассматриваются технологии сближения политики и шоу. Теоретической базой для авторских суждений и выводов является концепция шоуизации как установки современной цивилизации, обусловленной тотальным распространением средств массовой информации и коммуникации. Социальные последствия проникновения элементов шоу в политический и, в частности, избирательный процесс заключаются в том, что таким образом осуществляется попытка радикального влияния на массовое сознание посредством максимально упрощённой подачи объективной (а нередко и фальсифицируемой) реальности.

Рубрика [«Научные форумы»](#) содержит информацию [Т. А. Орешкиной](#) о XXI Уральских социологических чтениях «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития», состоявшихся 15–16 марта 2018 г. в Уральском федеральном университете. В конференции приняли участие 387 учёных из России, Казахстана, Украины, Беларуси и Армении.

Т е м а н о м е р а Социология управления: проблемы реформирования

Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы

Тихонов Александр Васильевич –
доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра социологии управления
и социальных технологий, Институт социологии
ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: alvast39@mail.ru

Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506

Аннотация. Статья¹ посвящена некоторым важным вехам в истории разработки коллективом Центра социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН собственного подхода к исследованию проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте социокультурной модернизации регионов. Всем известны общие требования к структуре программ эмпирического исследования: выделение проблемы, предмета, выдвижение гипотез, разработка методик их проверки, но довольно редко публикуются данные о процессе поиска научным коллективом адекватного теоретико-методологического подхода к комплексной социальной проблеме. Такая работа была начата нами более десяти лет назад. Она прошла несколько этапов: 1) специальную конференцию под эгидой РОС, где обсуждался вопрос о проблеме разработки социальных стратегий в развитии регионов, 2) повторную конференцию через три года, где была поставлена и обсуждена проблема модернизации развития регионов и роли в этом процессе властно-управленческой вертикали, 3) разработку инструментария массового опроса в форме «гражданской экспертизы» и его опробование на примере 4-х регионов с включением в оценку их развития критериев уровня социокультурной модернизации, 4) осуществление на основе 1, 2 и 3 этапов исследования в 2015–17 гг. в 12 регионах РФ, поддержанного грантом РФФ. В соответствии с заявкой на этот грант, оно относится к одному из приоритетных направлений в развитии критических технологий (Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 №899). Актуальность исследования определялась именно тем, что в условиях осложнившейся геополитической ситуации обострилась и необходимость разработки стратегических решений одновременно на внутреннем и внешнем направлениях. Особое значение приобретает новое знание относительно возможностей регулирования отношений «власть – общество» с позиций теории «общественного договора», требующей своевременного и адекватного реагирования на вновь открывшиеся обстоятельства. Ответом на новые вызовы и угрозы может стать упреждающее проведение реформы властно-управленческой вертикали, которой должен предшествовать комплекс согласованных междисциплинарных исследований. Наше исследование проводилось в предметной области такой дисциплины, как социология управления. При этом мы исходили из того, что среди обстоятельств, которые уже не раз приводили нашу страну на грань катастрофы, есть симптомы, которые можно и нужно своевременно устанавливать и эксплицировать методами социологии.

Ключевые слова: общество и власть, внешние и внутренние вызовы, проблема реформирования системы управления, властно-управленческая вертикаль, теоретико-методологический подход, социокультурная модернизация регионов, исследовательская программа, этапы разработки программы исследования

¹ Грант РФФ 15-18-30077.

Сегодня, когда прошло переизбрание В. В. Путина на новый президентский срок, появилась надежда, что тема реформирования вертикали власти и управления, сложившаяся в период его правления, войдёт в практическую повестку дня. Начало его президентского срока, как известно, было омрачено трагедией АПЛ «Курск», что заставило принять программу перевооружения армии и флота, а сегодня функцию тревожного звонка выполнила трагедия в Кемерово, где испытанию подверглись отношения власти и гражданского общества. Стало ясно, что оттягивать реформирование властно-управленческой вертикали больше нельзя.

Выстраивание такой вертикали в нулевые годы состояло в том, что региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным, были отменены прямые выборы губернаторов (глав регионов), что снизило роль и полномочия местного самоуправления. Налоговое и бюджетное законодательство было перестроено таким образом, что около 60% налогов стало концентрироваться в федеральном бюджете. Кроме того, для повышения эффективности централизованного управления Указом № 849 от 13 мая 2000 г. были введены 7 федеральных округов. Тем самым во имя сохранения целостности страны и повышения управляемости происходящих в ней процессов в стране была осуществлена сверхцентрализация власти или, по А. С. Ахиезеру, очередная победа монологахизации над диалогизацией в отношениях власти и российского общества [Ахиезер 2008: 793]. Практически это означало прямое увеличение роли государства во всех сферах жизни общества: а) в экономике – создание монополистов в виде госкорпораций (например, Росатом, Ростехнология, ВЭБ) и предприятий с контрольным пакетом акций у государства, начиная с Газпрома; б) в перераспределении доходов в пользу чиновников и властных групп, интерпретируемое гражданами как аппарат принуждения; в) как следствие, в усугублении социального неравенства в стране (увеличение коэффициента Джини с 0,395 до 0,422 и др.); г) в снижении доли ВВП, идущей на образование, здравоохранение, поддержку ЖКХ, и при этом значительное увеличение расходов на оборону и правоохранительные органы. В итоге в региональной политике только небольшая часть регионов стала финансово самостоятельной, а остальные в той или иной степени зависят от субсидий и дотаций из федерального центра. Анализ сложившейся таким образом роли нынешнего российского государства с позиции необходимости развития страны в соответствии с глобальными вызовами и необходимостью поддержания в обществе внутреннего социального порядка указывает, по мнению ряда авторов, на необходимость его радикальной реорганизации (см., например, [Гонтмахер 2013]). Со временем такое стремление стало пониматься в академической

среде как актуальная научно-исследовательская задача. Для её решения действительно нужна не только политическая воля, но и знания факторов, которые могли бы содействовать превращению самой системы управления в стране в эффективно работающий институт. Этим вопросом мы стали вплотную заниматься вместе Институтом народно-хозяйственного прогнозирования по программе Президиума РАН с 2005 г. Важный шаг в этом направлении был сделан ЦИСИ ИФ РАН (рук. Н. И. Лапин), когда была адаптирована к нашим условиям методика проф. Хэ (Китайская академия наук), направленная на исследование цивилизационных различий между субъектами РФ. ЦИСИ обосновал и исследовал существенные различия между российскими регионами по критерию уровня их социокультурной модернизации [Проблемы социокультурной... 2013; Атлас модернизации... 2016]. В частности, это означало, что сверхцентрализованная работа системы органов власти и управления в такой стране, как наша, объективно осложняет использование потенциала регионов для их же саморазвития.

Однако и в этой фундаментальной работе институционально-регулятивный аспект модернизации регионов, представленный властно-управленческой вертикалью, оставался слабо разработанным. Мы посчитали, что более тщательное изучение проблемы связи развития регионов и работы органов власти позволило бы полнее описать и объяснить стоящие перед страной проблемы адекватного ответа на внешние и внутренние вызовы. При этом нельзя было не учитывать, что в России, как, собственно, и в любой стране, есть оппозиция и что в её отношениях с органами власти традиционно работает конфронтационная логика. У нас она нередко приводит, как об этом свидетельствовал А. С. Ахиезер, к обострению вековечного социокультурного раскола [Ахиезер 2008: 905]. С особой остротой симптомы такого раскола проявляются на крутых поворотах истории. С позиций социологии управления не вполне ясно, при каких условиях эта логика способна придавать развитию социальных процессов в стране созидательно-творческий характер, а в каких – разрушительный: то ли когда оппозиция сама станет властью, то ли когда она научится быть конструктивной ещё до этого? На вопросы, как, когда и при каких условиях это возможно, нельзя ответить в общих словах. Они носят фундаментальный характер и для сохранения устойчивого развития страны. Исторический опыт показывает, что плохое управление само собой, самотёком, скорее сменится на ещё более худшее, чем предыдущее, если мы не будем принимать в расчёт закономерности, которые приводят к тем или иным результатам вмешательства в социальные процессы. Самым приемлемым вариантом перестройки системы управления в нашей стране могла бы стать постановка и решение этой проблемы в рамках комплексной государственной про-

Анализ роли нынешнего российского государства с позиции необходимости развития страны в соответствии с глобальными вызовами и необходимостью поддержания в обществе внутреннего социального порядка указывает на необходимость его радикальной реорганизации.

граммы с участием институтов РАН и регионов на основе отдельных исследований и экспериментов. Но кто согласится на такую программу без убедительных результатов эмпирических исследований, когда проще и легче при смене власти заселить управленческий аппарат «своими людьми» и создать удобную для Центра систему вертикального подчинения? Ниже мы расскажем об имеющемся у нас заделе обоснования социолого-управленческого подхода к решению такой задачи. В Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН накоплен некоторый опыт эмпирического измерения феноменов власти и управления, что в итоге позволило приступить к разработке нового исследовательского проекта на материалах 12 регионов, находящихся (согласно методике ЦИСИ ИФ РАН) на разных уровнях цивилизационного и, в частности, социокультурного развития. К этому выводу мы пришли в результате работы по гранту РФФИ (2015–17 гг.). Ему предшествовали три подготовительных этапа, в результате которых в коллективе Центра был выработан общий теоретико-методологический подход к социологическому исследованию проблемы реформирования системы управления в стране. Надеемся, что обращение к недавней истории его разработки может представить отдельный научный интерес.

Начало систематической работе в этом направлении было положено более 10 лет назад ещё на первом этапе осмысления сложившейся в стране (и в социологии) проблемной ситуации с системой управления. Первый результат нашёл отражение в материалах специально подготовленной конференции под названием «Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы развития» [Социальное обоснование... 2010]. На этой конференции были заслушаны и два моих доклада: 1) Модернизация по-российски и выбор стратегии теоретико-прикладного исследования возникающих проблем и 2) К обоснованию программы сетевого мета-проекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития». В последнем докладе были сформулированы некоторые элементы новой программы исследования и предложено региональным отделениям РОС включиться в её реализацию на добровольных началах. В итоге отдельные регионы действительно включились, а частичную финансовую поддержку оказал РФФИ. Результаты этой работы были подведены на следующей конференции под названием «Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития» 21–22 ноября 2013 г. [Модернизация отечественной... 2014], материалы которой были изданы тиражом в 120 экз., что, увы, не сделало её результаты достоянием широкой общественности. Подготовка

и проведение конференции стали вторым этапом нашей работы по проблеме реформирования системы управления в стране. Поэтому остановлюсь на некоторых результатах подробнее.

Центральную роль в организации конференции сыграл коллективный доклад Центра СУ и СТ ИС РАН по материалам мета-проекта под общим названием «Гражданская экспертиза сферы управления»¹ [Модернизация отечественной... 2014]. Опубликованный отчёт об этой конференции составил более 500 стр. Для представления о его содержании, которое стало предпосылкой наших дальнейших исследований, достаточно перечислить наименование секций: 1. «Методологическая организация исследования проблем модернизации отечественной системы управления»; 2. «Информационные технологии в практике регионального управления»; 3. «Проблемы трансформации коммуникативного пространства в процессе модернизации управления»; 4. «Участие граждан в принятии решений как основание модернизации систем управления»; 5. «Проблемы модернизации городского управления и местного самоуправления»; 6. «Стратегический поиск адекватных ответов на глобальные и внутренние вызовы»; 7. «Экоантропоцентрическая социология и социально обоснованное градостроительство» (XII Дридзеvские чтения).

Основным достижением этого этапа работы стало осознание возможности исследования проблемы социокультурного раскола в обществе с помощью специально разработанных социологических процедур. В этой связи в коллективном докладе демонстрировались возможности так называемого «триплекс-анализа», согласно которому обычное измерение отношения респондента к действиям социальных акторов рассматривается одновременно с трёх позиций: 1) поддержка этих действий, 2) нейтральное 3) отрицательное к ним отношение. Четвёртая позиция (вообще неответивших) рассматривалась как категория невключённых в общественную жизнь, что может представлять самостоятельный предмет исследования. Во-первых, за каждой из таких позиций стоят разные категории респондентов, а их количественное соотношение свидетельствует об особенностях социальной ситуации, что нас как социологов и интересует в первую очередь. Во-вторых, нейтральное отношение (ни «за», ни «против») в ситуации социокультурного раскола мы вправе интерпретировать как «воздержавшиеся от крайних оценок», что становится существенным признаком «медиативного поведения» респондентов [Давыдов 2014: 35]. Значит, при определённых обстоятельствах допускается возможность превращения сегодняшнего нейтрального отношения респондентов

¹ В качестве соавторов выступили: Е. А. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова и В. В. Щербина.

к той или иной ситуации во вполне определённое – позитивное или протестное. Отсюда был сделан важный теоретико-методологический вывод о том, что с помощью триплекс-анализа можно эксплицировать соотношение социальных сил с позиций их поддержки всех звеньев властно-управленческой вертикали. Это открывало новые возможности для изучения всего диапазона социальных отношений с позиций эксплицирования социокультурного раскола в обществе и более глубокого понимания феномена предстоящих в нём изменений [Модернизация отечественной... 2014]. Добавим к этому, что пробные замеры проводились в 2011–12 гг. (до событий на Украине) на массиве в 3365 анкет, собранных в Башкортостане, Удмуртии, Татарстане, Ямало-Ненецком АО и в Белгородской области (плюс 285 анкет из Казахстана) и носили предварительный характер (в смысле проверки работы методик). При этом 40% данных из этого массива были получены в порядке опробования возможностей опросных методик через интернет.

Приведём несколько примеров описания проблемной ситуации в общественном сознании по результатам триплекс-анализа. Общая картина отношения респондентов к деятельности звеньев властно-управленческой вертикали (по схеме «сторонники–медиаторы–противники») на российском подмассиве показал, что привычная властно-управленческая вертикаль имеет не совсем привычное очертание: на первом месте по уровню социальной поддержки органов власти и управления оказались администрации предприятий и организаций (41,0–32,1–26,9); второе место у Президента РФ (32,0–34,4–34,6); третье место у администрации регионов (28,9–32,5–39,5); четвёртое – у Правительств РФ (28,0–35,1–36,8); пятое – у администрации городов, посёлков (26,1–35,8–38,1); шестое – у отраслевых министерств (21,6–34,9–43,5;7); седьмое – у Совета Федерации (19,9–35,4–47,7); восьмое, последнее место во властно-управленческой иерархии – у Государственной думы (18,6–35,1–49,8). При этом мы отметили, как от уровня к уровню растёт протестное настроение населения и как конкретно меняется соотношение «сторонников» органов власти и управления, «медиаторов» и «противников» [Модернизация отечественной... 2014]. Пример показывает, что тема раскола в российском обществе – не фигура речи, а социальная реальность: расколото население, расколото и сама властно-управленческая вертикаль, что меняет представления о месте и роли геометрически, казалось бы, выстроенной иерархии в нашей стране. Без особых комментариев хочется обратить внимание на два обстоятельства: на заметное в тот период времени превалирование «противников» системы власти и управления над «сторонниками» практически по всей

Тема раскола в российском обществе – социальная реальность: расколото население, расколото и сама властно-управленческая вертикаль, что меняет представления о месте и роли геометрически, казалось бы, выстроенной иерархии в нашей стране.

иерархии государственных органов и на значительный вес групп населения, которых мы относим к «неопределившимся» или к «медиаторам». Понятно, что достаточно относительно небольшой группе этих «медиаторов» (примерно около 10%) ситуативно поддержать ту или другую из противостоящих сторон, чтобы коренным образом изменить обстановку в стране.

Работа на третьем этапе по гранту РФ (15-18-30077) проводилась в два подэтапа. Результаты первого были опубликованы в Информационно-аналитическом бюллетене № 1 ИС РАН в 2016 г. [Проблемы реформирования... 2016]. Целью этого подэтапа было отработать на малых выборках аналитический аппарат и установить творческий интерфейс между исследовательскими направлениями и группами по проверке выдвинутых гипотез. В этом бюллетене были представлены и результаты пилотного исследования проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в связи с особенностями протекания процессов социокультурной модернизации в регионах России. Содержание бюллетеня построено на материалах исследований 2015 г. в четырёх регионах: Московская и Белгородская области, республики Башкортостан и Калмыкия, ранжированных по уровням социокультурной модернизации. Здесь же были откорректированы и элементы программы исследования: проблема, объект и предмет; выдвинуты гипотезы, поставлены задачи; разработаны методы сбора, обработки и анализа данных. Полевой этап исследования продолжался и в 2016 г. (ещё в восьми субъектах РФ). Обобщённые итоги подведены на специально организованной международной конференции в октябре 2017 г. в Москве. В результате были доработаны такие элементы программы исследования, как социальная и научная проблемы, объект и предмет изучения, выдвинуто шесть проверяемых гипотез, разработана блок-схема эмпирических показателей на основе репрезентативного массового опроса, на основе опроса экспертов из регионов, а также изучения аудитории СМИ и массивов сетевых данных по отдельным регионам. В общем плане социальная проблема стала пониматься нами как раскол между обществом и властью по критериям субстанционального отношения к внешним и внутренним вызовам. Эмпирически это должно было проявиться в весьма заметном разрыве между высоким уровнем поддержки населением внешней политики руководства страны и его значительным беспокойством относительно способности властно-управленческой вертикали в целом (и на уровне местных органов власти) успешно решать внутренние проблемы социально-экономического характера. Прежде всего, речь шла о повышении уровня и условий жизни в регионах, исторически находящихся на различных этапах цивилизационного и социокультурного развития. Сомнения в способности властно-управленческой вертикали успешно решать

одновременно внешнеполитические и внутренние проблемы страны подтвердились на этапе пилотного исследования нашего Центра социологии управления и социальных технологий ещё в 2012–14 гг. Здесь отметим, что голоса респондентов из различных регионов страны разошлись в вопросе необходимости реформирования отечественной системы власти и управления. Треть выступили за такое реформирование, треть – против и несколько больше трети воздержались, или, вернее, не приняли определённого решения ни в ту, ни в другую сторону [Проблемы реформирования... 2016: 62]. Научную проблему мы сформулировали в итоге как необходимость выяснения способности властно-управленческой вертикали регулировать уровень напряжённости в обществе, которая возникает в отношениях между государством и гражданами, одновременно с решением проблем внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и влиять на процессы модернизации в стране и в регионах. Особое значение в этих условиях мы стали придавать разработке научно-методических возможностей прогнозирования развития ситуации в регионах и способов упреждения роста социальной напряжённости в отношениях между органами власти и населением. Объектом исследования стал противоречивый процесс взаимодействия органов власти с гражданским обществом в регионах с различными уровнями социально-экономического, социокультурного и цивилизационного развития и участия органов власти и управления в его регулировании. Предмет рассмотрения – закономерности реализации «гражданского договора» в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации. Они отражают реальные тенденции во взаимодействии органов власти и населения, знание о которых даёт основания для прогнозов и разработки стратегий, направленных как на реформирование властно-управленческой вертикали, так и на решение задач перехода регионов на характерный для каждого из них в отдельности более высокий уровень модернизации. Для выявления факторов и обстоятельств, определяющих эти закономерности, нами было выдвинуто несколько эмпирически проверяемых гипотез. В частности: 1) стиль и характер построения системы управления в регионе устанавливаются в зависимости от состава и интересов доминирующих социальных групп, которые либо деформируют отношения управления в свою пользу, подменяя их отношениями власти и собственности, либо всё же с разным успехом выполняют собственно управленческие функции в соответствии с реальными вызовами; 2) состав и активность доминирующих в регионе групп устанавливаются в зависимости от объективных тенденций социокультурной модернизации регионов и от их отношений с Центром либо независимо от состояния проблем с модернизацией, либо в каком-то их сочетании, что можно установить

эмпирическим путём и квалифицировать как степень «развитости системы управления»; 3) степень развитости системы управления проявляется в способности своевременно решать перспективные задачи развития страны с учётом культурных и исторических особенностей регионов и с участием населения. В стране от Правительства до федеральных округов и регионов всё ещё копируется западная система управления, известная как концепция «эффективных менеджеров». В то же время не используется в должной мере обобщение отечественного опыта управления (например исследование О. В. Аксеновой [Аксенова 2016]) и разработка нашей модели социального государства, предусмотренной Конституцией РФ. Уже можно твёрдо сказать, что социальная организация и, соответственно, социальное управление в регионах (субъектах РФ) могли бы быть более гибкими и разнообразными, как и у государств Европы, объединившихся в ЕС, но это потребовало бы адекватной политики со стороны федерального Центра. Пока же мы не видим даже осознания необходимости разработки такой политики. Тем не менее мы предположили, что переход на более эффективную систему управления всё же связан с более высоким уровнем социокультурной модернизации регионов.

Представляют интерес и другие выводы. Так, например, реальная система управления в стране с её подсистемами обладает низкой сензитивностью к спонтанным процессам социокультурного группообразования в регионах (например, этническим, религиозным, миграционным, протестным, волонтерским, политическим, культурно-творческим и т. п.), и при этом сопровождается завышенными ожиданиями чиновников относительно организации работы с отдельными группами населения. Это видно и на примере отсутствия своевременной реакции региональных органов власти и управления на инициативы отдельных групп населения в СМИ и в сетях, что зафиксировано в нашем исследовании. Обнаружено, что застойное состояние пирамид территориального управления (властной, экономической и административной) связано с тем, что они строятся сверху вниз в интересах сохранения господствующего положения органов власти и не способны поддерживать самоорганизацию территориальных общностей, принижая тем самым её фундаментальную роль в местном самоуправлении. Например, у нас упорно игнорируется принцип субсидиарности в формировании МСУ, как и опыт дореволюционного земства.

Предполагается, что при определённой политике федерального центра повышение статуса региона в связи с переходом к более высокому уровню модернизации может положительно сказываться на общей тенденции. Но это утверждение требует подтверждения в деталях. Это и другие, более конкрет-

Реальная система управления в стране обладает низкой сензитивностью к спонтанным процессам социокультурного группообразования в регионах (например, этническим, религиозным, миграционным, протестным, волонтерским, политическим, культурно-творческим и т. п.).

ные предположения учитывались нами при разработке общей блок-схемы предмета исследования, что привело к построению системы данных на основе связанных между собой задач отдельных эмпирических исследований со свойственными им методами сбора, обработки и анализа первичной информации. В частности, речь идёт об использовании на одних и тех же массивах данных четырёх методических подходов: I. Анализ отношения населения к условиям жизни и работе властно-управленческой вертикали в отдельных регионах на материалах массового репрезентативного опроса (А. В. Тихонов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков); II. Оценка общественно-политических ситуаций в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации на основе оценок со стороны высококвалифицированных местных специалистов, экспертов (В. С. Богданов); III. Оценка общественно-политических позиций населения в отношении условий жизни и работы органов власти и управления в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации на основе анализа печатных средств массовой информации – условно «провластных» и «оппозиционных» (В. А. Шилова); IV. Экспликация позиций интернет-пользователей в отношении условий жизни и работы органов власти и управления в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации на основе исследования сетевых коммуникаций (Г. В. Градосельская). Соединение эмпирических данных в рамках общего предмета и возможность их взаимно дополнительного анализа обеспечивала единая шкала одних и тех же переменных, характеризующих степень удовлетворённости респондентов уровнем своей жизни и отношениями с органами власти и управления по месту жительства. В соответствии с такой блок-схемой переменных были подготовлены инструменты сбора, обработки и анализа первичных данных: базовая анкета массового опроса; бланк экспертного опроса специалистов из регионов; досье на включённые в исследование регионы в форме информационной карты; методика триплекс-анализа данных массового опроса для одновременного учёта позиций населения в качестве сторонников, противников и медиаторов в оценке отдельных сторон жизни в регионе и работы всех звеньев властно-управленческой вертикали; взаимно дополняющие методики анализа СМИ (как лояльных, так и оппозиционных) и, наконец, методика контент-анализа интенций интернет-сетей, их влияния на формирование отношения сетевой аудитории к деятельности звеньев властно-управленческой вертикали и к проблемам местного уровня.

В связи с конкретизацией инструментов исследования нами были уточнены и заявленные ранее элементы общей программы исследования. Повторим их в новой редакции. Социальная проблема на последнем этапе уточнения была сфор-

мулирована как раскол между обществом и государством, проявившийся в разрыве между оценками населением работы различных звеньев властно-управленческой вертикали и их способности одновременно решать внешние и внутренние проблемы социально-экономического развития в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации. Мы учли, что Совет Федерации в марте 2017 г. решил законодательно ввести в региональную политику такой критерий, как «стандарт благополучия». По нашим опросам 2014 г. в двух регионах, точка зрения респондентов на необходимость коренного реформирования органов власти и управления сводилась примерно к следующей пропорции: 30% «за», 30% «против» и 40% «воздержались». Трудно сказать, куда качнётся маятник «воздержавшихся» завтра. Научная проблема стала рассматриваться как недостаток теоретико-методологических и эмпирических данных в предметной области социологии управления относительно способности вертикали решать проблемы согласия в обществе в условиях раскола, успешно отвечать на внешние и внутренние вызовы и обеспечивать модернизацию регионов, находящихся на разных уровнях социокультурного развития. Объектом выступает процесс социально-культурного и цивилизационного развития российских регионов в конкретно-исторической и социально-экономической ситуации по критерию уровня социокультурной модернизации. Предметом стало выяснение типа и характера социальных закономерностей в рамках теории «гражданского договора», отражающих степень социальной поддержки населением работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации и, в конечном итоге, степень управляемости самого процесса модернизации. Вместе с тем мы стали измерять и проявления социальной субъектности различных групп населения, их прямую или оппозиционную роль в отношениях обратной связи с органами власти и управления и в выражении степени солидарности с малыми (в т. ч. протестными) группами в регионах (как со своей территориальной общностью, так и с РФ как большим обществом). Однако поначалу эта постановка проблемы и формулирование гипотез не вполне учитывали новые обстоятельства, описанные в «Атласе». Это, прежде всего, спонтанность модернизационных процессов в России (1992–98 гг. – децентрализация, 1998–99 гг. – начало стабилизации и восстановления экономики), а вместе с тем и обострение потребности модернизации общества в целом как способа цивилизационной эволюции современной России, что привело к необходимости их отдельной интерпретации при обработке первичных данных.

По «Атласу», в 2000–2008 гг., до вхождения в экономический кризис в России происходил быстрый рост индексов первичной модернизации. В 2010–12 гг. закрепились вторичная модернизация (на подготовительной фазе). Но, как

пишет Н. И. Лапин, этот «прорыв» соответствовал (прошу обратить внимание – А. Т.) состоянию модернизированности развитых стран мира в начале 60-х гг. XX столетия. При этом поразительно, но факт: неравномерность развития между регионами России оказалась в 2,5 раза острее, чем аналогичная неравномерность между некоторыми странами мира. Стало ясно, что процесс модернизации в нашей стране является скорее спонтанным, чем управляемым (обратим внимание, что управляемость процессов – это предмет социологии управления) и происходящим нередко вопреки противодействию коррумпированных верхов. В итоге оказалось, что принятие федеральных программ на самом деле не обеспечивает сбалансированности взаимодействия между основными социальными составляющими модернизации: технико-технологическими, социально-экономическими и социально-культурными регулятивными переменными. В «Атласе» выявлены факторы торможения модернизации: структурно-социальные, материальные и ценностно-культурные [Атлас модернизации... 2016]. Вывод: необходимо целенаправленное регулирование модернизации. И дело не только в инвестициях в экономику, а в социальной политике – в реальном повышении уровня и качества жизни населения. Эта политика сегодня даже не требует роста культурного потенциала населения, не озабочена его качеством. В этом и есть социокультурный диссонанс современного этапа российской цивилизации. У нас недооценены две фундаментальные сферы: социокультурная (нет, например, квалифицированных инженеров, техников, рабочих, но зато в большом количестве есть экономисты, юристы, менеджеры) и инновационно-стратегическая (не востребованы отечественные изобретения и разработки, в том числе и в социально-управленческой сфере: опыт социального планирования, например), которые быстрее находят применение за рубежом, чем у нас.

Таким образом, как оказалось, начало нашего исследования по гранту РФФИ пришлось на этап проявления в жизни российского общества не прогресса, а своеобразного спада, социогуманитарной рецессии, проявляющейся в некоторой неопределённости в отношении цивилизационного выбора страны и её регионов и в непонимании необходимости изменения отношений между населением и властью на основе более адекватного реальности «общественного договора». Пришлось делать вывод, что актуальные проблемы в российском обществе не только решаются с трудом, но и с трудом осознаются. Они, скорее, воспроизводятся. Мы находимся в ситуации обоснования цивилизационного выбора: либо самотёчная модернизация, либо протестная (снизу), либо авторитарная (сверху). Авторитарная, как мы уже говорили, быстро превращается в свою противоположность. Выход из этого положения Н. И. Лапин видит в спонтанной модернизации со стратеги-

ческой поддержкой государства. Что-то вроде бы похожее начинает проявляться у нас на практике, но пока не очень отчётливо. Исследование «Атласа» – это, конечно, огромный вклад научного коллектива ЦИСИ ИФ РАН в практику осуществления стратегического планирования на всех уровнях: федеральном, макрорегиональном, региональном, муниципальном. В дополнение к этому мы определяем роль властно-управленческой вертикали в целом, на уровне макросистемы, регионов, муниципальных образований, и роли местного самоуправления как фактора развития в «правильном», с позиций модернизации, направлении. Плюс к этому мы говорим о необходимости решения проблемы субъектности в цепи обратной связи на основе мониторинговых исследований и о непродуктивности рассмотрения регионов как чьих-то вотчин. Это не просто административные единицы, а общности со своей спецификой и моделями социальной жизни и к тому же политические субъекты Федерации. Эти модели и есть суть реальных социальных отношений. Прежде чем что-то конструировать сверху, их нужно тщательно изучать. В этой связи в процессе работы над нашим проектом, по сравнению с заявкой в РНФ, были обсуждены и включены в разработку инструментов новые идеи. В частности:

- в политике необходимо делать акцент не на глобальной, а на среднесрочной стратегии в рамках концепции интегрирующей модернизации;

- нельзя недооценивать прослойку «медиаторов» в тактике и в стратегическом развитии регионов, иначе это приведёт к появлению социальных барьеров, к непродуктивной борьбе «левых» и «правых»;

- нужно отказываться от решения проблем одним махом, по всей стране, через Приказы, Указы и Постановления, а делать эксперименты в отдельных регионах с их участием и обобщать передовой опыт;

- нужно учитывать историко-культурные условия и тренд цивилизационного развития каждого региона и переходить к локализации региональной политики и де-юре, и де-факто;

- необходимо проводить в регионах мини-максную стратегию, направленную на обеспечение поэтапной разработки и реализации «стандарта благополучия» по критерию уровня социокультурной модернизации и на основе опыта социального планирования;

- нужно организовать конструктивную разработку и реализацию принципов правового социального государства как оснований для оценки состояния и перспектив развития регионов.

Опросы показывают, что население в регионах выступает «за» такие инициативы. В частности, сюда входит: контроль перераспределения финансовых ресурсов между центром и регионами, муниципальными и региональными бюджетами; реализация федерального закона № 683 от 31.12.2015 г. о стратегии национальной безопасности (включающего в том числе вопросы качества жизни граждан, защищённости прав и свобод [Атлас модернизации... 2016]); долгосрочное целеполагание гуманистической модернизации (ответ на вопрос, в каком обществе мы живём и какое строим), показывающее, как можно ликвидировать диссонанс евразийско-этатистской и российско-европейской культур.

В итоге нами была выработана общая позиция коллектива исследователей, которая находит осуществление и в планах работы Центра социологии управления и социальных технологий на ближайшие четыре (2018–21) года: российская модернизация является острой социально-политической проблемой и для общества, и для государства, решение которой требует её осознания гражданским обществом и социологического сопровождения её решения при реформировании системы управления, начиная с регионов и местного самоуправления.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.

Ахиезер А. С. 2008. Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф. 938 с.

Гонтмахер Е. Ш. 2013. Российская исполнительная власть: реальная и необходимая // Государство. Общество. Управление: Сб. статей. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР. 271 с.

Давыдов А. П. 2000. Проблема медиации в европейской культуре: Запад и Россия // Общественные науки и современность. № 6. С. 82–93.

Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития // Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Институт социологии РАН, 2014. 548 с.

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов. ИНАБ. № 1. [Электронное издание] / Отв. ред.

А. В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с. DOI: 10.19181/inab.2016.1. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2016_1.pdf [Дата посещения: 22.04.2018].

Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2013. 415 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований // Материалы IX Дридзеvских чтений / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2010. 520 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506

The Problem with Reforming Our Country's System of Government: Addition to the History of Developing a Research Program

Tikhonov Alexander Vasilyevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Center of sociology of management and social technologies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: alvast39@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to certain important milestones in the history of IS RAS' "Sociology of Management and Social Technologies Center's" staff developing a bespoke approach to researching such an issue as reforming the current vertical government power structure within the context of regional socio-cultural modernization. Everyone is aware of the general structural requirements for empirical research programs, whether they are for highlighting an issue, a subject, for putting forward hypotheses, or for developing methods of verifying the latter. However, it isn't often that anyone publishes information regarding the process of a group of scientists searching for a suitable theoretical-methodological approach towards a complex social issue. We initiated such a task over ten years ago. So far it has undergone a few stages: 1) a dedicated conference under the authority of the Russian Society of Sociologists, where such a matter as the problem with developing social strategies in regional development was discussed; 2) another conference three years later, dedicated to establishing and discussing such an issue as modernizing regional development, as well as the vertical government power structure's role in this process; 3) developing the toolset for mass surveys in the form of "civic examination", and using the latter based on the example of four regions, while including in the evaluation of their development criteria for socio-cultural modernization; 4) carrying out research in twelve Russian regions throughout the years 2015–2017, based on the first three stages, and with support from a Russian Science Foundation grant. According to the application for said grant, this issue is to be considered a prioritized area for developing critical technologies (presidential order number 899 from July 7th 2011). The relevance of such research is defined specifically by the fact that, given conditions where the geopolitical situation is escalating, a need for developing strategic solutions has risen on both interior and exterior fronts. Special significance is gained by new knowledge concerning opportunities for regulating relations between government and society from the position of the "social contract" theory, which demands a timely and suitable reaction to newfound circumstances. Starting a proactive reform of the vertical government power structure can serve as an answer to new challenges and threats, which must be preceded by an array of coordinated interdisciplinary studies. Our research was conducted within the subject domain of such a discipline as management sociology. Meanwhile we come from the fact that, among

the circumstances which have brought our country to the brink of disaster multiple times, certain symptoms can be observed which can and should be established and explicated in a timely manner using sociological methods.

Keywords: society and power, external and internal challenges, the problem of reforming of the management system, power-management vertical, theoretical and methodological approach, socio-cultural modernization of the regions, the research program, stages of development of the research program

References

Aksenova O. V. 2016. Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossijskoy modernizatsii: [monografiya]. M.: Institut sotsiologii RAN. 304 s.

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves' Mir, 2016. 360 p. (in Russ.).

Ahiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: criticism of historical experience]. Moscow, Novy khronograf, 2008 (in Russ.). Davydov A. P. Problema mediatsii v evropeyskoy kul'ture: Zapad i Rossiya [The problem of mediation in European culture: the West and Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2000, no 6, pp. 82–93 (in Russ.).

Davydov A. P. 2000. Problema mediatsii v evropeyskoy kul'ture: Zapad i Rossiya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. № 6. S. 82–93.

Gontmakher E. S. Rossiyskaya ispolnitel'naya vlast': real'naya i neobkhodimaya [Russian Executive power: real and necessary]. Gosudarstvo. Obschestvo. Upravlenie. Moscow, 2013 (in Russ.).

Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya Modernization of the national management system: analysis of trends and forecast of development]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii i XII–XIII Dridzevskih chteniy (21–22 November 2013). Ed. by A. V. Tikhonov and oth. Moscow, IS RAS publ., 2014 (in Russ.).

Problemy reformirovaniya vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte protsessov sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Problems of reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, IS RAS publ., 2016. 348 p. (in Russ.) DOI 10.19181/inab.2016.1

Problemy sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov Rossii [Problems of socio-cultural modernization of Russian regions]. Ed. by N. I. Lapin, L. A. Beliaeva. Moscow, Academia, 2013 (in Russ.).

Rossiia: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Russia: reforming of the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 432 p. (in Russ.).

Sotsial'noe obosnovanie strategiy gorodskogo, regional'nogo i korporativnogo razvitiya: problemy i metody issledovaniy [Social justification of urban, regional and corporate development strategies: problems and research methods]. Materialy IX Dridzevskih chtenij. Ed. by A. V. Tikhonov, E. M. Akimkin, Ju. E. Duberman, E. I. Rabinovich, V. A. Shilova. Moscow, IS RAS publ., 2010 (in Russ.).

Т е м а н о м е р а Социология управления: проблемы реформирования

И н ф о р м а т и з а ц и я регионального управления: проблемы и перспективы

Богданов Владимир Сергеевич –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Центр социологии
управления и социальных технологий,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: valarf@mail.ru

Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.507

Аннотация. Ускорение социальных процессов в обществе, опосредованное быстрым развитием и внедрением информационных технологий, кардинально изменяет привычную картину социальной реальности, порождая всё больше новых феноменов на стыке гибридизации социальных отношений и инфокоммуникативных практик. Такие кентавр-феномены ставят перед социологией новые задачи по их изучению, осмыслению и интерпретации как в теории, так и в практике повседневности. К их числу можно отнести и процесс электронизации управления в обществе, который актуализирован совсем недавно как следствие широкого использования информационно-коммуникативных технологий в традиционной практике социального управления. Статья посвящена рассмотрению данного феномена в контексте изучения отечественной системы управления через отношение населения к функционированию сложившейся в стране модели властно-управленческой вертикали. Исследование было инициировано в Центре социологии и социальных технологий ИС РАН (рук. А. В. Тихонов) и сегодня имеет статус мониторингового исследовательского проекта, в котором задействован целый арсенал онлайн- и офлайн-методов сбора и анализа данных. Авторская позиция представлена с учётом разработки понятия электронного управления в широком и узком смысле, определения его роли и места в решении социально-значимых проблем регионов и информационной модернизации территорий. Размышления о проблемных и перспективных контурах информатизации и электронизации регионального управления предложены на основе апробации индексов измерения состояния и развития электронизации региональных систем управления в рамках онлайн-экспертизы функционирования региональных систем управления в 12 регионах РФ. В итоге эксплицированы перспективные контуры электронной модернизации управления в российских регионах, что позволяет сделать выводы о воспроизводстве инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонент как о проекте бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некоей данности для организации своей повседневности в отчуждённом состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.

Ключевые слова: информатизация регионального управления, электронное управление, электронное правительство, социокультурная модернизация, инфосоциальная модернизация управления

Сегодня активно меняются способы организации социальной действительности за счёт новых средств и регуляции её изменения, возникающих в гибридных практиках управления на стыке социальных и инфотехнологических отношений. В связи с этим на передний план в практике управления выходят вопросы, связанные с проблемами индустриальной и информационной модернизации, о чём активно говорит и пишет ЦИСИ ИФ РАН [Атлас модернизации... 2016], а также выделяет в качестве базовых её компонент следующие четыре модернизационные платформы: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную, институционально-регулятивную.

В проблемное поле социологии управления попадают как раз новые феномены и процессы, связанные с институционально-регулятивной компонентой управления этой модернизацией. Об этом, собственно, рассуждал профессор А. В. Тихонов на юбилейном круглом столе «Социология управления: вчера, сегодня, завтра» [Тихонов 2018]. Он заявил, что «... социология должна сегодня занять достойное место в решении проблем России в быстро меняющемся мире и, конкретно, в процессах управления модернизацией» [Тихонов 2018: 112]. Это, бесспорно, актуально, т. к. сегодня в научном поле возник дефицит знаний о мировых и отечественных тенденциях изменений проблемной ситуации в управлении, в том числе и о том, как происходит переход органов власти и управления на уровень инфокоммуникативных технологий подготовки и реализации решений.

К сожалению, мы пока можем констатировать, что верх взял инструментальный (технократический) подход к организации процессов управления, отчасти актуализированный в научной работе ещё в индустриальную эпоху. Тому подтверждением является и реальная практика государственного управления, которая оставляет на периферии внимания научно-исследовательские изыскания социальных наук (в этом направлении) и всё больше делает ставку на автоматизацию процессов управления как на панацею в виде тотального контроля над всем и вся. Т. е. власть планирует в перспективе предотвращать какие-либо риски на различных уровнях социальной организации жизнедеятельности только за счёт утилитарного электронного контроля, что на государственном уровне теперь обозначается как «умное регулирование»¹. В связи с этим на фоне складывающихся условий технократической модернизации назревает социальный и научный запрос на социально-контекстуальное проникновение в проблему сращива-

¹ Оценка регулирующего воздействия встанет на новую платформу // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depRegulatingInfluence/201727095> [Дата посещения: 22.04.2018].

ния социальных и инфотехнологических практик управления. Поэтому мы разводим и уточняем понятия информатизации и электронной модернизации управления регионами, придавая социокультурное детерминирующее значение второму определению. Так, под информатизацией региона мы понимаем модернизацию инфотехнологических средств, а в электронную модернизацию управления регионом вкладываем два смысла. В широком смысле – это рациональное воспроизводство комплекса инфосоциальных институционально-регулятивных компонент¹, обеспечивающих процесс электронной (инфосоциальной) модернизации управления в регионе и его общественных подсистем: экономической, социальной, культурной, государственно-политической, телекоммуникационной [Богданов 2017].

В узком смысле слова под электронной модернизацией управления понимается **переход региональных систем управления от концепции «электронного правительства» (e-government) с центральными доминантами открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайн-услуг к концепции электронного управления (e-governance), где центральными концептами становятся сотрудничество, участие, координация, т. е. организация горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу. Собственно, для построения социально ориентированного электронного управления в регионе должны разрабатываться и внедряться новые гибридные (инфосоциальные) механизмы регуляции в системах с управлением, которые призваны изменить поведенческие практики и все уровни общественных взаимодействий – от личностных до институциональных, от неформальных до формальных, от локальных до глобальных. На этой основе мы выдвигаем гипотезу, что во всех рассматриваемых регионах существует инфотехнологический и социоинфокоммуникативный ресурсный потенциал социокультурной модернизации, который должен быть направлен на организацию новых инфосоциальных форм взаимодействия региональных властей с активными региональными агентами по вопросам управления в регионе и перспектив его модернизации. Если такой ресурсный потенциал имеется и прослеживается активное взаимодействие населения и региональных органов власти, то**

¹ Под институционально-регулятивными компонентами подразумевается совокупность регулирующих институтов, т. е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Они могут и должны появиться в регионах как в гибридных саморазвивающихся системах («компьютерная сеть – человек – интернет» [Степин 2012]), но возможны только в ходе рациональной инфосоциальной модернизации, при которой требуется изучение спонтанных и преднамеренных инфосоциальных изменений, ведущих за собой разработку гибридных (инфосоциальных) институционально-регулятивных компонент.

мы можем считать, что в рамках построения электронного управления в субъектах РФ уже формируются институционально-регулятивные компоненты инфосоциальной модернизации регионов. Если же такого взаимодействия не происходит, то воспроизводство инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонент – всего лишь проект бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некой данности для организации своей повседневности в отчуждённом состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.

Характеристика исследования

Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН вот уже несколько лет проводится успешная разработка, апробация и внедрение дистанционных исследований проблем управления, позволяющих проследить процессы трансформации электронного управления, а также тенденции инфосоциальной модернизации в регионах РФ [Россия: реформирование... 2017].

Эта работа получила своё продолжение в рамках исследовательского проекта по изучению состояния функционирования органов власти и управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов. В данном исследовании был задействован целый методологический арсенал:

- опрос населения (онлайн, оффлайн),
- экспертный опрос (онлайн, оффлайн),
- анализ СМИ,
- анализ социальных сетей (онлайн),
- анализ текстов и документов.

Для нашего направления исследования был задействован экспертный онлайн-опрос, при помощи которого собраны экспертные оценки от 400 экспертов в 8 регионах, отобранных по версии рейтинга модернизации регионов ЦИСИ ИФ РАН [Атлас модернизации... 2016] (4 уровня: 1-ый – высокий, 2-ой – средний, 3-ий – ниже среднего, 4-ый – низкий).

Целью проведения экспертного онлайн-опроса является получение дополнительных к официальным источникам и к материалам полевого опроса данных о сложившихся в регионах социальных и экономических условиях, а также о степени и характере развития в них систем управления, об их способности обеспечить обустройство и модернизацию территорий.

Перед исследователями стояло несколько задач онлайн-экспертизы:

- научная, которая подразумевает теоретико-методологическое обоснование получения и применения экспертного знания в рамках комплексного диагностического исследования актуальных проблем функционирования властно-управленческой вертикали, в том числе на региональном и местном уровнях управления;

- методическая: обоснование, разработка и апробация методик онлайн-сбора, обработки и анализа экспертной информации, пригодной для объяснения сложившихся и необходимо достаточных социокультурных условий оптимальной организации систем управления на местах;

- практическая: получение недостающих данных о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов, использования их для последующей разработки и корректировки стратегий управления, разработки адекватных коммуникативных технологий.

Для получения экспертных оценок по проблемам динамично протекающих в регионах социокультурных процессов управления был выбран метод экспертного онлайн-опроса, который представляет собой синтез формы экспертного опроса должностных лиц и представителей профессиональных групп с возможностями интерактивных сервисов сбора и обработки первичной информации. Электронная анкета экспертного онлайн-опроса разрабатывалась на основе проекта рабочей анкеты, консолидированной по референтам с другими инструментариями (массовый опрос, анализ СМИ, анализ социальных сетей) сбора зондажной информации в рамках общего исследования.

Основаниями для разработки экспертной базы данных (БД) стали:

- географическая принадлежность экспертов в соответствии с отбором 8-ми регионов: Республики Дагестан и Саха (Якутия). Амурская, Вологодская, Нижегородская, Омская, Смоленская и Свердловская области;

- направление деятельности экспертов в конкретных сферах и областях производственной и непроизводственной деятельности;

- статусная характеристика экспертов, подразумевающая занятие либо руководящей должности в организации/предприятии, либо занятость в качестве эксперта-специалиста в определённой сфере деятельности (экологи, политики, депутаты, управленческие консультанты). В итоге на основе выделенных критериев были сформированы 10 квотных экспертных групп, в каждой из которых предполагалось опросить по 5 экспертов с достижением общего суммарного показателя – 50 экспертов.

Валидность полученных данных подтверждается профессионально-управленческими характеристиками компетентности экспертов:

1. **Управленческий опыт экспертов как подтверждающая характеристика включённости последних в управленческие процессы регионального управления, в частности:**

- **высокий уровень должностной ответственности: 74% – руководители высшего, среднего, низшего звена, 26% – специалисты-практики;**

- **практически половина экспертов имеют личный опыт руководства в органах управления предприятием, организацией, фирмой – 49%; ещё порядка 30% заявляют об опыте работы на руководящих постах в органах региональной власти и управления; 27% были заняты в качестве начальников отделов, цехов, бригад в производственной и непроизводственной сферах региона;**

- **80% экспертов оценивают свой управленческий опыт как положительный.**

2. **Уровень образования подтверждает компетентность экспертов: 66% имеют высшее образование, 20% – кандидаты и 8% – доктора наук.**

3. **Большая часть экспертов – представители образования (16%), науки (13%), аппарата управления регионом (13%), НКО (11%), промышленности (9%), остальная часть – представители непроизводственной сферы (38% – финансы, страхование, торговля, здравоохранение и др.), это высоко-ресурсная (статусная) группа с компетентным мнением о проблемах управления в регионе.**

4. **95% экспертной аудитории – жители городов (районных и краевых центров), что характеризует аудиторию как урбанистически ориентированную и включённую в основные социокультурные процессы цивилизационного развития региона.**

5. **63% – социально активная группа, занятая общественной работой (политической, конфессиональной, благотворительной и т. п.).**

6. **93% экспертов черпают информацию по важным проблемам общественной жизни из интернета, а 63% полагаются на личный опыт, личные наблюдения, что говорит об их высоком уровне информационной, личностной и профессиональной компетентности. Это подтверждается качеством и количеством ответов на открытые вопросы анкеты: диапазон ответов колеблется от 70 до 95% (практически 90% вопросов – открытые), что говорит и о высоком уровне заинтересованности экспертов в части вопросов жизнеобеспечения и управления регионом.**

7. Практически 91% экспертов дали оценку деятельности губернатора в рамках его рейтинга, 84% оставили свои комментарии по поводу представленной оценки, что даёт возможность говорить о небезразличности и понимании экспертами проблем разных уровней властно-управленческой вертикали.

8. 95% ежедневно, 4% несколько раз в неделю, 1% несколько раз в месяц используют интернет, что снимает какие-либо вопросы о барьерах и понимании в работе с электронной анкетой экспертного опроса. Во всяком случае вопросы появились только в момент обнаружения проблемы с безопасностью протокола https с «.com» в зоне рунета. Проблема была устранена путём перевода анкеты на адрес с префиксом http в зону «.ru».

Состояние транзакционных систем в регионах

Сегодня исследователи выделяют 16 индикаторов, при помощи которых происходит фиксация четырёх специфических характеристик информационного общества: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики [Атлас модернизации... 2016], плюс важное значение имеет валовой региональный продукт (ВРП) (как это принято считать с позиций экономической рациональности) на душу населения в эквиваленте производства и распределения общественных благ, произведённых за счёт цифровых и инновационных технологий. Представляется, что развитие указанных показателей должно происходить параллельно с осознанием необходимости перехода от инструментального этапа их внедрения (техно-экономического понимания), где главная роль отдаётся технологиям, а не человеку, в сторону социально-контекстуального, на котором предусматриваются возможности организации информационно-коммуникативных связей (электронное управление на принципах обратной связи) как предпосылок для создания эффективных институционально-регулятивных механизмов реализации двухуровневой модернизации (индустриальной и информационной). Поэтому оценку состояния уровня информатизации инфраструктурных элементов региона мы рассматриваем в плоскости региональных возможностей воспроизводства инфосоциальных транзакционных структур, которые позволяют субъектам (агентам) управления с определённой частотой применения инфраструктурных и коммуникативных элементов организовывать практики обмена и распределения информационных и материальных благ, а также использовать и создавать инфосоциальные институционально-регулятивные компоненты для решения социально значимых проблем. Как уже было сказано, эти компоненты должны по факту обеспечивать гармоничное

протекание процессов электронной модернизации управления в регионах, определять состояние и потенциальные возможности вторичной (информационной) модернизации как перспективного этапа цивилизационного развития регионов. Если рассмотреть состояние инфраструктурных элементов регионов по данным Росстата, а именно – по наличию в домохозяйствах компьютеров и подключений к интернету в 2015 г., то можно считать, что практически каждая область из отобранных для нашего исследования (кроме Республики Дагестан) на 2/3 уже информатизирована (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Интегральные оценки модернизации транзакционных структур регионов, в средних баллах от средней в 95% интервале;
N опрошенных = 592**

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	Домохозяйства, имевшие в 2015 г. персональный компьютер, % (РОССТАТ)	Домохозяйства, имевшие в 2015 г. доступ к сети интернет, % (РОССТАТ)	Рейтинг регионов по уровню развития информационного общества (Минкомсвязь РФ, 2015 г.)
Высокий	Нижегородская область	2,2083	62,1	61,1	0,4698 (19 место)
	Свердловская область	2,1702	69,5	69,0	0,4967 (8 место)
Средний	Республика Саха (Якутия)	2,0208	70,2	75,5	0,4247 (53 место)
	Омская область	2,1042	71,7	73,3	0,4479 (39 место)
Ниже среднего	Амурская область	1,9400	65,6	67,1	0,3812 (75 место)
	Вологодская область	1,8679	64,0	62,9	0,4191 (57 место)
Низкий	Смоленская область	1,8824	70,4	71,6	0,4278 (51 место)
	Республика Дагестан	1,6000	54,0	61,0	0,3306 (82 место)
Итого		1,9893	65,9	67,6	-

*«Среднее»: 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо».

Судя по экспертным оценкам, такое положение дел в регионах позволяет им активно формировать инфосоциальную транзакционную систему для он-лайн-покупки транспортных билетов (авиа, ж/д), организовывать свой досуг при помощи специальных онлайн-сервисов продажи билетов в театр, на концерты, выставки, а также при помощи сети интернет организовывать повседневный быт домохозяйств путём онлайн-приобретения товаров народного хозяйства. Если обратиться к интегральным оценкам транзакционных систем

(см. таблицу 1), то высокие показатели характерны для регионов высокой и средней групп модернизации: Нижегородская, Свердловская, Омская области и Республика Саха (Якутия). С хорошими оценками транзакционной системы для обмена материальных благ выходят на лидирующие позиции и регионы из группы «модернизация ниже среднего» – Амурская и Вологодская области. Только в трёх из указанных территорий (Нижегородская область, Республика Саха (Якутия), Вологодская область) наблюдается удовлетворительная ситуация с информационными (консультационными) запросами, обменом и получением информации по факту обращения в различные службы, органы, учреждения через инфосоциальные формы взаимодействия в сети интернет. Набирают обороты и закрепляются в регионах технологии дистанционного образования, что, конечно же, актуально и перспективно в части формирования ресурсного потенциала социокультурной модернизации. По мнению экспертов, с организацией дистанционного образования достаточно неплохо обстоят дела в семи регионах, отстаёт Республика Дагестан.

Опираясь на данные анализа экспертных оценок и официальных рейтингов, можно констатировать, что в регионах (с учётом различных показателей информатизации) процессы становления информационных региональных сообществ протекают с разной динамикой. Наиболее активное внедрение инфраструктурных транзакционных элементов наблюдается на территориях с высокой и средней модернизацией, что подтверждается аналитическими материалами Минкомсвязи РФ, в частности – данными рейтинга регионов по уровню развития информационного общества (Минкомсвязь РФ, 2015 г.)¹. Немного выбивается Республика Саха (Якутия), занимающая 53-е место в рейтинге и приближающаяся по данному значению к Вологодской и Смоленской областям (51-е и 57-е место; ниже среднего и низкий уровень модернизации). По данным Росстата и на основе оценок опрошенных экспертов мы также можем говорить о том, что в целом наблюдается положительная динамика по формированию информационных региональных сообществ. Это прослеживается как раз в региональных процессах информатизации и становлении транзакционных структур в регионах. Но, конечно же, выражается это в первую очередь, как указано выше, в части обмена материальных благ при помощи онлайн-сервисов и инфотехнологических средств. С информационным обменом дела пока обстоят хуже, на что указывают достаточно низкие оценки экспертов в отношении организации обратной связи населения с различными службами, организациями и учреждениями.

¹ Минкомсвязь России представила рейтинг регионов по уровню развития информационного общества // Минкомсвязь России. Официальный сайт. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/35027/> [Дата посещения: 22.04.2018].

Наблюдается положительная динамика формирования информационных региональных сообществ. Это прослеживается в процессах информатизации, но в первую очередь в виде приобретения материальных благ при помощи онлайн-сервисов. С информационным обменом дела обстоят хуже.

Измерение региональной гражданской активности в сети интернет

Обратимся к ещё одному важному аспекту инфосоциальной модернизации регионов – информационной гражданской (политической) активности населения. Этот индекс мы разработали, опираясь на предыдущий опыт исследовательской работы учёных во главе с О. И. Шкаратаном [Конкурентоспособность отечественных... 2012]. В контексте изучения проблем функционирования современных типов организаций они изучили социально-профессиональный портрет информационных работников [Кастельс 2000] М. Кастельс именуует их информационными производителями и причисляет к группам нового среднего класса, обладающего специфическими функциями и капиталом в современном обществе и экономике). Эти группы включены в новые инфокоммуникационные поля социально-экономического взаимодействия. По такому же принципу мы составили портрет гражданской информационной активности населения (самоорганизации) в решении социально значимых проблем региона в электронном формате (интернет) и выделили два основания для нашей переменной фиксации. Первая – это активность социальной самоорганизации населения, т. е. фактическая активизация населения через осуществления конкретных мероприятий при помощи онлайн-сервисов, средств ИКТ с возможным переходом к реальным действиям в организационной и управленческой практике региона:

- организация общественно-политических мероприятий,
- организация мероприятий по улучшению имиджа региона,
- организация экологических мероприятий,
- организация религиозных мероприятий,
- организация культурно-досуговых мероприятий.

В качестве второго основания фиксации информационной гражданской активности мы выдвигаем социально-политическую активность населения в отношении обсуждения на форумах в интернете региональных и местных проблем, а также возможности выхода граждан в реальное поле их решений:

- обсуждение проблем региона в блогах,
- обсуждение проблем региона в социальных сетях,
- обсуждение проблем региона в комментариях региональных онлайн-СМИ,
- обсуждение проблем региона на официальных сайтах региональных и местных властей,
- обращения граждан при помощи сети интернет в региональные и местные органы власти и перспективы их решения.

Если рассматривать интегральный индекс (см. таблицу 2), то можно увидеть, что в большей степени гражданская информационная активность характерна для регионов высокой и средней модернизации. Чуть более, чем в других регионах, подобная активность приходится на Республику Саха (Якутия) (2,1), где эксперты ставят максимальные оценки населению за обсуждение социально значимых проблем региона на коммуникативных площадках интернета: на форумах (2,72), в блогах (2,6), в социальных сетях (2,7), в комментариях региональных онлайн-СМИ (2,52). С организацией же общественных мероприятий при помощи интернета в республике дела обстоят пока недостаточно хорошо. По заявлениям экспертов, положительную динамику имеют только мероприятия культурно-досугового характера (2,0). Что касается политической активности, частоты обращений в органы местной власти для решения личных вопросов и проблем, то она прослеживается только на уровне 21% от общего числа экспертов республики. Эта группа заявляет, что обратная онлайн-связь с органами местной власти – очень удобный инструмент для решения насущных вопросов и различных социально значимых проблем. Однако 31% экспертов из Якутии считают пока недостаточно развитым этот вид обратной связи, т. к. он не позволяет, по их мнению, решать большинство актуальных вопросов и проблем. В связи с этим 1/3 респондентов используют данный канал организации взаимодействия лишь время от времени. 45% вообще не используют его, и не видят перспектив решать таким способом какие-либо вопросы и проблемы. Можно предположить, что приведённый выше пример по Республике Саха (Якутия) является неким идеальным типом гражданской информационной активности, кроме Республики Дагестан и Смоленской области (регионы 4-й группы), хотя надо отметить, что и в этих регионах достаточно хорошо обстоят дела с политико-коммуникативной составляющей, а граждане охотно обсуждают в интернете социально значимые проблемы региона.

Теперь обратимся к значениям первого основания интегральной переменной, т. е. к организации мероприятий через интернет. Из 8-ми регионов в шести (кроме Республики Дагестан, Смоленской области) заметно выделяется организация культурно-досуговых мероприятий по сравнению с другими типами организационных взаимодействий. На втором месте, что характерно преимущественно для более модернизационных регионов (Свердловская, Нижегородская и Омская области – значение 2,0), а также для одного региона 4-й группы (Смоленская область – 2,0), прослеживаются положительные тенденции организации общественно-политических мероприятий через интернет. Хотя качество, содержание и результаты, к которым они привели, следует ещё исследовать и уточнять. Остальные типы организации онлайн-взаимодействий при-

сущи лишь единичным регионам. Так, о перспективности организации экологических мероприятий можно говорить только в отношении Омской области (2,0), а об организации мероприятий по улучшению имиджа региона лишь в случае с Вологодским регионом (2,1). На наш взгляд, последний указанный тип активности отражает в наибольшей степени качество обратной связи в регионах между органами власти и населением, а также указывает на недостаточную вовлечённость представителей региональных систем управления в процессы активизации населения и решение проблем в дистанционном и реальном режимах. По сути, этот вывод доказывает невысокий уровень развития региональных систем управления и невозможность реализации компетенций управленческого состава в условиях ужесточения властно-управленческой вертикали.

Таблица 2

Интегральные оценки уровня гражданской активности населения в решении социально-значимых проблем региона в сети интернет (в средних баллах от средней в 95% интервале; N опрошенных = 592)

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	N	Стандартное отклонение
Высокий	Нижегородская область	2,0204	49	0,66112
	Свердловская область	2,0833	48	0,49822
Средний	Республика Саха (Якутия)	2,1458	48	0,65199
	Омская область	1,9600	50	0,49322
Ниже среднего	Амурская область	2,0000	49	0,45644
	Вологодская область	1,9623	53	0,39038
Низкий	Смоленская область	1,8980	49	0,54943
	Республика Дагестан	1,9000	30	0,54772
Итого		2,0000	376	0,53666

*«Среднее»: 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо».

Состояние политической активности в регионах, реализуемой при помощи инфосоциальных средств, зафиксировано и посредством фактического обращения экспертов в местные органы власти с целью решения личных вопросов и социально значимых проблем. Более чем половина экспертной аудитории во всех регионах уже имела практику подобного включения. В итоге недоразвитость механизмов разрешения проблем констатируют в основном эксперты из слабо модернизационных регионов (Смоленская область 47% и Дагестан 57%), где, как уже было фиксировано, наиболее заметно происходит ужесточение властно-управленческой вертикали (см. таблицу 3). Это характерно и для Омской области (50%), в которой на сегодняшний день отмечен кризис функционирования региональных органов власти. В то же время и в других изучаемых регионах

онлайн-каналы принятия обращений жителей, и в частности региональные механизмы принятия решений по факту подобных заявлений, оставляют желать лучшего. Так, более трети экспертов из 8-ми регионов уже опробовали данные формы дистанционного взаимодействия с органами власти и по факту заявляют о неразвитости инфосоциальных средств, предназначенных для получения, рассмотрения и разрешения конкретных проблем.

Таблица 3

Онлайн-обращение в региональные органы власти и управления, %

Уровень модернизации региона*	Укажите, пожалуйста, регион, в котором Вы живёте	Если Вы лично обращались при помощи сети интернет в региональные и местные органы власти, то, пожалуйста, оцените предлагаемый онлайн-сервис обратной связи			
		Очень удобно, уже пользуюсь, помогает решать различные вопросы	Время от времени (слабо развито, не все вопросы можно решить)	Не пользуюсь	Всего
Высокий	Свердловская область	22	37	41	100
	Нижегородская область	25	32	43	100
Средний	Республика Саха (Якутия)	21	34	45	100
	Омская область	15	50	35	100
Ниже среднего	Вологодская область	24	33	43	100
	Амурская область	21	32	47	100
Низкий	Смоленская область	14	47	39	100
	Республика Дагестан	13	57	30	100
Всего		20	39	41	100

*«Среднее»: 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо».

В целом можно наблюдать активную позицию населения в обсуждении социально значимых проблем во всех 8-ми регионах, в том числе и Республике Дагестан, что указывает на готовность жителей к онлайн-взаимодействию и выработке новых инфосоциальных институционально-регулятивных инструментов. Конкретные стратегические и результативные взаимодействия местных органов власти и жителей регионов пока достаточно слабые, и требуют дополнительного изучения с целью мобилизации деятельности структур управления, направленной на активизацию гражданской информационной и политической инициативы населения и разработку средств социокультурной модернизации, включая и модернизацию самой системы управления.

Российские исследователи, в том числе и Ж. Т. Тощенко [Тезаурус... 2009], утверждают, что доступ к социальной информации как к возможности организации жизненных

преобразований становится актуальным в современном обществе. В связи с этим мы можем проанализировать сегодняшние возможности доступа населения к социально значимой информации в регионах, что, по сути, определяет возможности запуска и дальнейшее обеспечение социокультурной модернизации региона в целом, в том числе и инфосоциальной модернизации региональной системы управления. Под последней, как уже было сказано выше, мы подразумеваем инфосоциальную модернизацию электронного управления в регионах. В широком смысле она должна выполняться за счёт социолого-управленческих (логико-гносеологических программ) исследований и в итоге обеспечивать рациональный переход к преобразованиям на территории конкретного региона, определять векторы социокультурной модернизации за счёт разработки новых институционально-регулятивных компонент. Следует отметить, что это возможно лишь при комплексном глубинном исследовании отдельно взятой территории. В текущем же исследовании мы изучаем фоновую ситуацию, которая отражает инфосоциальное состояние региональных систем управления и их готовность к инфосоциальной модернизации.

Готовность власти к обсуждению населением социально значимых проблем региона в сети интернет

Выше мы раскрыли факторы готовности регионов к инфосоциальной модернизации управления и установили её частичное присутствие через технико-технологическое инфраструктурное состояние, а также через включённость населения в обсуждение и решение социально значимых проблем при помощи инфотехнологических средств и инфосоциальных каналов взаимодействия. Теперь мы рассмотрим открытость и готовность власти к такому виду взаимодействия и к инфосоциальной модернизации электронного управления в узком смысле её значения, а именно: к переходу региональных систем управления от концепции «электронного правительства» (e-government) с центральными доминантами открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайн-услуг к концепции электронного управления (e-governance), где центральными концептами должны стать не только открытость к информации, но и активное сотрудничество и координация в рамках совместного решения социально значимых проблем региона. Контуров такого перехода и готовность региональных органов власти к инфосоциальной модернизации электронного управления мы проверяем по двум критериям. Первый – доступ населения к обсуждению социально значимых проблем региона на официальных сайтах региональных и местных властей. И второй – состояние организации взаимодействия органов власти и управления реги-

Доступ населения к социально значимой информации в регионах определяет возможности запуска и дальнейшее обеспечение социокультурной модернизации региона в целом, в том числе и инфосоциальной модернизации региональной системы управления.

онов с гражданами в электронном формате, т. е. наличие тех инфосоциальных каналов (элементов), по которым сегодня просматривается активное взаимодействие региональных субъектов управления в контексте выборной системы, поддержание социальной инфраструктуры региона, организация дистанционного контроля субъектов государственных органов управления и субъектов политической сферы, а также деятельность властей по повышению эффективности системы управления в организациях и учреждениях за счёт внедрения современных информационно-компьютерных моделей. Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных инфосоциальных каналов (элементов) и его доступность для населения.

Таблица 4

Доступность для населения обсуждения социально значимых проблем региона на официальных сайтах региональных и местных администраций (в средних баллах от средней в 95% интервале; N опрошенных = 592)

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	N	Стандартное отклонение
Высокий	Нижегородская область	1,9231	26	0,74421
	Свердловская область	1,6129	31	0,71542
Средний	Республика Саха (Якутия)	2,0286	35	0,74698
	Омская область	1,3750	24	0,64690
Ниже среднего	Амурская область	1,7419	31	0,51431
	Вологодская область	1,8571	21	0,57321
Низкий	Смоленская область	1,7500	24	0,60792
	Республика Дагестан	1,8000	15	0,86189
Итого		1,7681	207	0,69278

*«Среднее»: 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо».

Как отмечалось выше, практически во всех изучаемых регионах эксперты фиксируют активную позицию населения, выражаемую на форумах в интернете, в социальных сетях и т. д. А вот региональные власти, по данным экспертов, закрывают доступ населению к социально значимой информации и предоставляют слабые возможности для обсуждения проблем на официальных сайтах региональных и местных властей. Более или менее удовлетворительно с этим обстоят дела в Республике Саха (Якутия), Нижегородской и Вологодской областях, т. е. по одному региону из групп высокой, средней и ниже среднего модернизации (см. таблицу 4). Важно отметить, что Вологодская область, по данным рейтинга РИАБ официальных сообществ регионов РФ в социальной сети «ВКонтакте»¹, является удобной

¹ Эксперты из Российского исследовательского агентства блогеров проанализировали официальные сообщества регионов России в социальной сети «ВКонтакте» и изучили активность их подписчиков в период с 1 января по 30 июня 2017 г. По итогам исследования был составлен рейтинг официальных групп регионов (см.: <http://riabloggers.ru/researches/17>).

коммуникативной площадкой для местных жителей (48 тыс. подписчиков), где имеется даже «прямая линия» с губернатором Вологодской области. Жители региона могут написать жалобу или выдвинуть свои предложения по развитию региона. Однако неизвестно, в каком порядке рассматриваются обращения, так как ответы на них в группе не публикуются. Вообще наши эксперты отмечают в Вологде положительные сдвиги во взаимодействии с властью через инфосоциальные каналы, но пока отсутствуют реально работающие инструменты дистанционного контроля над органами региональной и местной власти. В нашем общем исследовании мы установили, что на сегодняшний день в некоторых регионах (чем выше уровень модернизации, тем ниже интерес к выборам) наблюдается низкий интерес к выборам в органы представительной власти, что является неким отражением отчуждения населения от реальных процессов управления и отсутствия культуры выработки совместных (во взаимодействии) управленческих решений в условиях усиления бюрократических форм реализации власти. На этом фоне во всех регионах мы видим критически низкую заинтересованность и востребованность возможности голосования через интернет на выборах всех уровней (1,1–1,6). Также во всех изучаемых областях отсутствуют возможности организации дистанционного контроля работы территориальных органов власти (местных, региональных и т. д.), а также работы государственных органов управления (здравоохранения, образования и т. п.). Это же подтверждают экспертные данные о том, что в исследуемых регионах органы власти и управления пока всерьез не задумываются о повышении эффективности системы управления в организациях и учреждениях за счёт внедрения современных информационно-компьютерных моделей. Только в 6-ти регионах, т. е. кроме слабомодернизационных (Республика Дагестан и Смоленская область), эксперты отмечают некоторые сдвиги в вопросах организации инфосоциальных каналов по взаимодействию населения с местными органами власти. На всех территориях, и в большей степени в высоко- и среднемодернизированных областях, видны пока только зачатки организации инфосоциальных каналов дистанционного общения с органами здравоохранения и образовательными учреждениями (с дошкольными и общеобразовательными, с учреждениями высшего и профессионального образования). В целом экспертные оценки указывают на то, что органы власти и управления во всех изучаемых субъектах РФ ориентированы на воспроизводство скорее экономических и юридических каналов обмена информацией для реализации бюрократических задач и интересов, чем социально-политических для выработки общих стратегий решения социально значимых проблем регионов. Это подтверждают и оценки экспертов из всех исследуемых регионов (независимо от уровня модернизации) в отношении развитости инфосоциальных фискальных и планово-экономических

Практически во всех восьми регионах эксперты фиксируют активную позицию населения, выражаемую на форумах в интернете, в социальных сетях и т. д.

элементов транзакционных систем, воспроизводимых федеральными и региональными системами управления. Если в целом рассмотреть интегральные оценки уровня инфосоциальной модернизации региональных систем управления в соответствии с уровнем модернизации регионов (по шкале ЦИСИ ИФ РАН [Атлас модернизации... 2016]), то мы не увидим какой-то особой разницы в развитии. Везде этот процесс находится в зачаточном состоянии без особой заинтересованности в нём органов местной власти и управления. Наименьшая готовность к инфосоциальной модернизации характерна для регионов с низким уровнем модернизации (Республика Дагестан и Смоленская область) (см. таблицу 5), а также в регионе со средним уровнем развития (Омская область). Сдвиги в положительную сторону, по мнению экспертов, наблюдаются чаще в Нижегородской, Амурской и Вологодской областях, т. е. в группах с высоким и ниже среднего уровнем модернизации.

Таблица 5

**Интегральные оценки уровня инфосоциальной модернизации
региональной системы управления**

(в средних баллах от средней в 95% интервале; N опрошенных = 592)

Уровень модернизации региона*	Укажите, пожалуйста, регион, в котором Вы живёте	Интегральный индекс инфосоциальной модернизации региональной системы управления, среднее (1-3)	Уровень модернизационного развития региона по интегральным показателям исследования Н. И. Лапина [Атлас модернизации... 2016]
Высокий	Нижегородская область	2,0816	6
	Свердловская область	1,9565	5
Средний	Республика Саха (Якутия)	1,9130	4
	Омская область	1,8000	3
Ниже среднего	Амурская область	2,0417	2
	Вологодская область	2,0400	2
Низкий	Смоленская область	1,8600	2
	Республика Дагестан	1,7667	2
Итого в среднем по 8 регионам		1,9404	-

*«Среднее»: 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо».

Заключение

В итоге, исходя из полученных и проанализированных данных, мы можем сделать следующие выводы. Проникновение средств компьютеризации и интернетизации в регионах состоялось, и прежде всего на различных уровнях властно-управленческой вертикали, т. е. прослеживается гибридизация отношений управления с информационными технологиями.

Однако региональные системы управления в условиях усиления властно-управленческой вертикали демонстрируют низкую готовность к инфосоциальной модернизации электронного управления на местах.

Осуществляется скорее технико-технологическая модернизация инструментальных средств и отношений в части развития информационных и материальных услуг (покупка билетов, получение справок и документов через электронные госуслуги и т. п.), чем включение населения в реальное управление региональными процессами при помощи модернизации инструментальной (сервисной) стороны информатизации.

Такие условия явно не могут способствовать информационной (вторичной) модернизации, в частности – формированию новых институционально-регулятивных механизмов и вовлечению в модернизацию региона более широкого круга заинтересованных субъектов управления. Всё это наглядно продемонстрировано на основе оценок экспертов. Население политически активно на коммуникативных просторах интернета и постепенно формирует инфосоциальный коммуникативный ресурсный потенциал региона. А вот власти, наоборот, имея инфотехнологический ресурс, сегодня неохотно интегрируют свои каналы связи и обмена (транзакционные элементы) для активизации социокультурной и политической активности населения. Данный факт, на наш взгляд, указывает скорее на стагнацию развития региональных систем управления и слабые возможности запуска инфосоциальной модернизации электронного управления (в узком смысле). Эти выводы дают нам право говорить о подтверждении нашей генеральной гипотезы общего исследования: при наличии инфотехнологических (транзакционных элементов) и социально-политических компонент (активность населения в интернете) система управления в регионах (стиль, характер) зависит от социальной организации регионов, от иерархии сформировавшихся вокруг власти и управления социальных групп, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации. Воспроизводство инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонентов в регионах – это пока всего лишь проект бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некой данности для организации своей повседневности в отчуждённом состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.

Библиографический список

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.

Региональные системы управления в условиях усиления властно-управленческой вертикали демонстрируют низкую готовность к инфосоциальной модернизации электронного управления на местах.

Население политически активно на коммуникативных просторах интернета и постепенно формирует инфосоциальный коммуникативный ресурсный потенциал региона. Власти, наоборот, неохотно интегрируют свои каналы связи и обмена для усиления активности населения.

Богданов В. С. 2017. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы: монография / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Университетская книга. 320 с.

Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования). ИНАБ. 2012. №1. М.: Институт социологии РАН. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01. ISBN 978-5-89697-212-9 [Дата посещения: 22.042018].

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: Экономика, общество культура / Пер. с англ. А. Н. Субачева. М.: ГУ ВШЭ. 606 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Степин В. С. 2012. Научная рациональность в социокультурном контексте // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД. С. 273-283.

Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.

Тихонов А. В. 2018. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. № 2. С. 102-113. DOI: 10.7868/S0132162518020113.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.507

The Informatization of Regional Government: Issues and Prospects

Bogdanov Vladimir Sergeevitch

Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: valarf@mail.ru

Abstract. The acceleration of social processes, while mediated by rapid development and the implementation of information technologies, radically changes familiar social reality, giving birth to more and more new phenomena where a hybridization of social connections meets with info-communication practices. Such centaur-phenomena pose new tasks for sociology – having to do with their study, comprehension and interpretation both in theory and in everyday life practices. Such a process as the electronization of government can be considered one of them, it having been actualized fairly recently as a result of widespread use of info-communication technologies in traditional management sociology practices. This article is dedicated to examining said phenomenon, within the context of studying Russia's system of government through popular attitudes towards the manner in which our country's vertical government power structure functions. This study was initiated by IS RAS' "Sociology and Social Technologies Center" (under the guidance of A. V. Tikhonov), and it currently bears monitoring research project status. This project utilizes a wide array of online and offline methods for collecting and analyzing data. The author's point of view is presented while considering the development of such a concept as "electronic management" (in the broad and narrow sense of the term), the definition of its role and place in resolving critical regional social issues and in the informational modernization of certain territories. Thoughts on the problematic

and prospective outlines of the informatization and electronization of regional management are presented based on the validation of certain indexes. These indexes measure the current situation and the state of development when it comes to electronizing regional management systems, within an online assessment of how regional management systems function in 12 Russian regions. As a result, the prospective outlines for electronically modernizing Russian regional government have been explicated, which brings us to certain conclusions concerning the reproduction of info-social, infrastructural and communicative components, with them being a joint project between business and authorities, offered to the public as some sort of given reality so that the people can sort their everyday life while being removed from actual processes of regional management and socio-cultural modernization in particular.

Keywords: informatization of regional government, electronic control, electronic government, sociocultural modernization, infosocial modernization of management.

References

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves' Mir, 2016. 360 p. (in Russ.).

Bogdanov V. S. Elektronnoe upravlenie v obschestve: sotsial'nye i poznavatel'nye problem [Electronic governance in society: social and cognitive problems: monograph]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Universitetskaya kniga, 2017. 320 p. (in Russ.).

Konkurentosposobnost' otechestvennykh IT-kompaniy (po materialam interaktivnogo issledovaniya) [Competitiveness of domestic IT companies (based on interactive research)]. INAB, 2012, no. 1. Moscow, IS RAS publ., 2012. 53 p. (in Russ.).

Castels M. Informatsionnaya epoha: Ekonomika, obschestvo, kul'tura [The information age: economy, society and culture]. Moscow, SU HSE publ., 2000. 606 p. (in Russ.).

Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Russia: reforming the power-management vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 432 p. (in Russ.).

Stepin V. S. Nauchnaya ratsional'nost' v sotsiokul'turnom kontexte . Chelovek i ego budushee: novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka [Scientific rationality in the sociocultural context]. Ed. by G. L. Belkina. Moscow, LENAND, 2012, pp. 273-283 (in Russ.).

Tikhonov A. V. Sotsiologiya upravleniya: vchera, segodnya, zavtra [Sociology of management: yesterday, today, tomorrow]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no 2, pp. 102-113. DOI: 10.7868/S0132162518020113 (in Russ.).

Tezaurus sotsiologii: tematicheskii slovar'-spravochnik [Thesaurus of sociology: thematic dictionary-reference]. Ed. by J. T. Toschenko. Moscow, YUNITI-DANA, 2009. 487 p. (in Russ.).

Т е м а н о м е р а Социология управления: проблемы реформирования

С у б ъ е к т н о с т ь р е г и о н о в и её значение для реформирования с и с т е м ы у п р а в л е н и я

Мерзляков Андрей Александрович –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Центр социологии
управления и социальных технологий,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: merzliakov@mail.ru

Субъектность регионов и её значение для реформирования системы управления

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508

Аннотация. Статья построена на материалах социологических замеров проявлений субъектности населения, проведённых Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН в рамках программы исследования проблем реформирования системы управления 2012–17 гг. в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации. Предметно рассматривается положение о том, что форма и характер проявления этого феномена определяются состоянием выполнения «общественного договора», в котором наиболее значимым для общества являются его способность к самоорганизации и стремление к участию в управлении, а для органов власти – способность решения задач модернизации и поддержания приемлемого уровня социального порядка. В статье отмечается, что ключевыми признаками формирования субъектности выступают, во-первых, готовность отдельных категорий населения к участию в управлении, а во-вторых – их соотнесение себя с определённой социальной общностью: от местного самоуправления до региона и страны. Основным признаком проявления субъектности считается жизненная позиция индивида, которая проявляется, во-первых, в общественной деятельности и в электоральной активности; во-вторых, в уровне коммуникативной активности и, в-третьих, в пользовании современными информационными технологиями (интернет и социальные сети). Субъектность населения фиксируется через самооценку им своего участия в общественной жизни, через оценку деятельности органов власти и её способности решать существующие в регионе проблемы, а также через фиксацию общественных настроений на взаимодействие с органами власти и управления в регионах. Проявление субъектности в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации имеет свою специфику и может служить маркером складывающейся в них социальной организации.

Ключевые слова: субъектность. взаимодействие общества и власти. реформирование системы управления. социокультурные особенности развития регионов. готовность населения к участию в управлении

В исследованиях Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН (2012–17 гг.) особое место занимает изучение отношения населения к работе органов власти и управления в регионах, движущихся с различными «цивилизационными скоростями». Плюс к этому был предусмотрен выход на проблемы и возможности реформирования властно-управленческой вертикали с учётом региональной специфики. Это означало, что используемый нами инструментарий должен был претендовать на постановку и решение задач совершенствования самой системы управления на основе оценки тенденций социокультурной модернизации и экспликации реальной модели социальной организации жизни в регионе. Теоретически он строится на постнеклассической методологии субъект-полисубъектного исследования процессов функционирования властно-управленческой вертикали в противоречивой среде различных историко-культурных и социально-экономических пространств [Лепский 2015]. Помимо однозначно выделяемых субъектов в виде органов власти и управления в исследовании предполагалось фиксировать субъектность большого числа социальных групп населения по их гражданской позиции, в том числе субъектов, относящихся к уровню местного самоуправления и к квалифицированным специалистам (представителям интеллектуальной элиты регионов).

Предметом исследования стало выяснение типа и характера социальных закономерностей в рамках теории «гражданского договора», отражающих степень социальной поддержки населением работы тех или иных звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации. При этом измерялись проявления активности различных групп населения в отношениях с органами власти и управления, а также с малыми (в т. ч. протестными) группами в регионах.

В этой связи важно было выделить такой аспект данной проблематики, как оценка проявления населением свойств субъектности (как непосредственно, так и через своих представителей) с позиций их способности оказывать реальное влияние на существующую систему управления. Как отмечает А. В. Тихонов, «Проявления субъектности населения важны уже тем, что они указывают на новый качественный уровень отношений между традиционными субъектами линейного социального действия и взаимодействия (в данном случае взаимодействия между властью и населением – прим. автора). Их проявления означают, что происходит повышение роли спонтанных нелинейных связей в традиционных процессах организации и самоорганизации» [Проблемы реформирования... 2016: 9].

Методика исследования

Вышеизложенные предположения учитывались при разработке общей блок-схемы предмета исследования и построении системы данных на основе анализа отношения населения к работе властно-управленческой вертикали в отдельных регионах по материалам массового опроса. Данный опрос был проведён Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН в рамках программы исследования проблем реформирования системы управления 2012–17 гг. в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации.

Исследование проводилось в два этапа в двенадцати регионах Российской Федерации: Республики Калмыкия, Башкортостан, Дагестан и Саха (Якутия), а также Белгородская, Московская, Смоленская, Омская, Вологодская, Амурская, Нижегородская и Свердловская области. На пилотном этапе были опробованы методики сбора, обработки и анализа первичных данных четырёх регионах (в 2015 г.). Объём первого замера, после исключения выбранных в процессе приёмки и проверки документов, составил 2001, а второго (в 2016 г.) – 3451 документ. Всего было собрано 5452 полевых документа.

При разработке программы исследования проблем реформирования системы управления и для удобства анализа полученных результатов, в том числе и массового опроса¹, предварительно была произведена группировка регионов, попавших в выборку исследования. Основанием для формирования группировки послужила классификация регионов, предложенная Н. И. Лапиным в рамках многолетнего исследования, направленного на изучение различий между российскими регионами по критерию уровня их социокультурной модернизации [Атлас модернизации... 2016]. В нашем исследовании используется группировка по четырём уровням их социокультурного развития: первая группа – низкий уровень (Дагестан, Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего (Башкортостан, Омская область, Республика Саха), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвёртая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области), что позволило получить представительные статистические данные по каждому выделенному уровню с усреднённым показателем переменных.

¹ В рамках комплексного исследования помимо массового опроса были использованы и другие социологические методы: метод экспертного онлайн-опроса, контент-анализ региональных СМИ, а также исследование контента, полученного из социальных сетей в регионах, попавших в выборку исследования. Более подробно о программе исследования см. [Россия: реформирование... 2017].

Мы исходили из того, что наряду с цивилизационными различиями между политическими субъектами Российской Федерации существуют и различия в проявлении социокультурной субъектности каждого из них (что характерно не только для местных органов власти, но и для различных самоорганизующихся групп населения) в решении проблем выживания и развития. Эта субъектность, на наш взгляд, отражает реальный характер отношений государства и общества и может служить своеобразным маркером латентных механизмов степени отчуждения верхов от низов и проявления социального раскола на региональном уровне [Проблемы реформирования... 2016: 46–47].

В этой связи была сформулирована следующая гипотеза: проявление субъектности характеризует систему взаимодействий между обществом и властью, где для первых значимым является способность к самоорганизации и консолидации для участия в управлении, а для вторых – предоставление условий для этого, ограниченных рамками поддержания в регионе установленного социального порядка. Представляется, что социальная активность населения, его способность к самоорганизации, отношение к власти и сложившиеся возможности для проявлений спонтанных социальных действий и взаимодействий в регионах с разными уровнями социокультурного развития, являются базовыми условиями для проявления определённого характера субъектности в системах управления.

Второй гипотезой явилось предположение, что проявление субъектности в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации носит специфический характер и служит маркером исторически сложившегося типа их социальной организации с различными социальными, культурным и экономическими проявлениями, что во многом предопределяет потенциал их ускоренного развития.

Признаки формирования субъектности населения в регионах

Перед тем как приступить к анализу полученных эмпирических данных, сформулируем основные признаки формирования субъектности. По нашему мнению, это, во-первых, готовность индивида к участию в управлении, а во-вторых – его соотнесённость с определённой социальной общностью.

Субъектность той или иной общности людей есть способность оказывать влияние на существующую систему управления для решения определённых целей и задач, т. е. проявлять себя как коллективный субъект социального действия. Первоосновой для формирования такой субъектности является готовность представителей социальной общ-

Основные признаки формирования субъектности: готовность индивида к участию в управлении, соотнесённость индивида с определённой социальной общностью.

ности принимать участие в решении социально значимых проблем, в том числе во взаимодействии с органами власти и управления. Поэтому основной характеристикой субъектности можно считать её готовность включаться в управленческий процесс, т. е. участвовать в нём. В частности, в таком качестве может выступать и готовность населения участвовать в разработке программы реформирования самой системы управления (см. таблицу 1).

Таблица 1

Готовность респондентов к участию, %

Готовность участвовать в разработке программы реформировании отечественной системы управления	Годы		
	2012*	2014	2015–16
Готов	40,3	40,7	39,0
Не готов	48,9	42,6	46,3
Затрудняюсь ответить	10,8	16,7	14,7

*Анализ полученных результатов сделан на основе репрезентативного социологического исследования на материале Мета-проекта «Гражданская экспертиза состояния и перспектив развития сферы управления в РФ», проведённого в 2012 и 2014 гг. Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН (руководитель – д. соц. н., проф. А. В. Тихонов) [Социология управления... 2014]. Всего за это время было опрошено около 3,5 тыс. респондентов.

Результаты трёх этапов мониторингового исследования позволили выявить весьма высокий уровень готовности респондентов участвовать в разработке программы реформирования системы управления. Этот показатель стабилен и находится на уровне 40%. За четыре года (с 2012 по 2016) было проведено три замера уровня готовности к участию, и за это время он практически не менялся. Полученные в нашем исследовании данные вполне соотносятся с мировыми показателями [Прозрачность и участие... 2013]. Это позволяет говорить о вполне серьёзной готовности населения участвовать в реформировании отечественной системы управления. Далее для удобства изложения эту группу населения, проявившую готовность к участию в подготовке программы реформирования системы управления, мы будем называть активистами. Теперь свяжем эту готовность с уровнем социокультурной модернизации регионов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Готовность населения к участию в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации (2015–16 гг.), %

Готовность участвовать в реформировании отечественной системы управления	Уровень развития региона			
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Высокий
Готов	50,4	43,3	35,2	38,0
Не готов	35,2	42,8	48,9	48,5
Затрудняюсь ответить	14,5	14,0	16,0	13,5

В регионах с различными уровнями социокультурной модернизации и величина данного показателя оказалась различной. Проявилась следующая тенденция: чем ниже уровень развития региона, тем выше готовность к участию в разработке программы. Так, при переходе от низкого к высокому уровню развития региона уровень готовности падает на 12 пунктов – с 50,5 до 38%, а отказ от участия, наоборот, вырастает на 13 пунктов – с 35,2 до 48,5%.

Вторым ключевым признаком формирования субъектности населения является социальная идентификация: соотнесение индивидов с определённой социальной общностью. В нашем исследовании объектом такого соотнесения выступает регион как социальная общность. Важно было выяснить, как в регионах с различными уровнями модернизации происходят процессы социальной сплочённости и осознания индивидами принадлежности к своему региону.

В целом подавляющее большинство респондентов идентифицировали себя с регионом, в котором они живут (81–83%). Это весьма высокий уровень региональной самоидентификации. При этом мнения активистов, т. е. готовых к участию в реформировании системы управления, и остальных опрошенных оказались примерно равны. Разница в ответах составила не более 2–3 пунктов. При сравнении оказалось, что наиболее высокий уровень региональной самоидентификации проявился в регионах с низким уровнем развития, при переходе к более высокому уровню этот показатель постепенно снижается – с 89,9 до 78,2%.

Значительный уровень самоидентификации подтверждается весьма высокой эмоциональной привязанностью: в среднем 73–74% испытывают положительные эмоции в отношении своего региона. Нужно отметить, что активисты несколько более патриотичны, чем остальные респонденты, но разница в пределах погрешности и составляет 2 пункта. При сравнении регионов с различными показателями социокультурной модернизации при переходе с низкого к среднему уровню происходит снижение эмоциональной привязанности к своему региону (с 79,4% до 69,8%). В регионах с высоким уровнем модернизации наблюдается незначительный всплеск данного показателя (74,5%).

Несмотря на высокий уровень региональной самоидентификации и привязанности к своему региону, в случае необходимости часть опрошенных респондентов готовы переехать жить в другой регион. При этом уровень такой готовности среди активистов выше почти в два раза (20,1 против 12,6%). Чаще всего такую готовность проявили регионы с переходным уровнем развития (в нашем исследовании в качестве таковых выступают регионы со средним уровнем социокультурной модернизации и уровнем ниже среднего). Но данные колебания незначительны и составили всего 5–6 пунктов.

Готовность к участию в подготовке программы реформирования системы управления связана с уровнем социокультурной модернизации регионов: чем ниже уровень развития региона, тем выше готовность к участию в разработке программы.

Несмотря на высокий уровень региональной самоидентификации и привязанности к своему региону, в случае необходимости часть опрошенных респондентов готовы переехать жить в другой регион. При этом уровень такой готовности среди активистов выше почти в два раза.

Таким образом, в регионах сформированы исходные предпосылки, которые мы относим к формированию субъектности населения: в целом примерно 40% готовы к участию, а уровень региональной сплочённости выше 80%. Однако проявление субъектности населения в зависимости от уровня развития региона изменяется. Наиболее ярко этот показатель выражен в регионах с низким уровнем развития и снижается при переходе на более высокий уровень. Он носит частично линейный (социальная идентификация и эмоциональная привязанность), а частично нелинейный характер (готовность к участию).

Показатели проявления субъектности населения в регионах

Проявление субъектности в системе «власть – общество» в социальных практиках связано, как мы уже указывали, с соблюдением всеми сторонами так называемого «общественного договора». После распада Советского Союза условия общественного договора претерпели сильные изменения [Карачаровский, Шкаратан 2017], которые были болезненными и сопровождались социальными возмущениями и конфронтациями, перераспределением власти и ресурсов, что приводило к проявлению феномена спонтанной субъектности. Ярким примером такой субъектности может служить общественный отклик на печально известную реформу льгот 2005 г., так называемую монетизацию. В качестве более современных примеров можно отметить недовольство от введения платы за проезд грузовиков по федеральным трассам (установка системы «Платон») и общественный резонанс на широкий прокат художественного фильма «Матильда». Во всех этих случаях были нарушены негласные условия «общественного договора», не были учтены интересы одной из сторон, что привело к определённым конфликтным ситуациям.

Однако, как показывает практика, проявление субъектности в самих регионах происходит по-разному. Чем же можно объяснить эти различия? С этой целью в ходе исследования было осуществлено объединение ряда характеристик в единый агрегированный показатель – «активная жизненная позиция индивида». В качестве характеристик, которые были объединены в единый показатель, выступили, во-первых, электоральная активность (участие в выборах) и общественная деятельность (участие в работе различного рода общественных организаций); во-вторых, уровень коммуникативной активности (широкий круг лиц для обсуждения проблем); в-третьих – использование различных источников для получения информации, в особенности с помощью современных информационных технологий (интернет и социальные сети).

В результате соотнесения сформированного нами показателя активной жизненной позиции индивида с показателем готовности населения к участию в реформировании отечественной системы управления проявилась следующая тенденция (см. таблицу 3): респонденты с высоким уровнем жизненной позиции в два раза чаще готовы к участию в разработке программы реформирования управления (58,5%), чем те респонденты, у которых данный показатель слабо выражен (29,5%). И наоборот, индивиды с низким уровнем активности чаще отказывались от потенциального обсуждения проблем реформирования управления (58,8%), интерес к такого рода взаимодействию в этой группе был зафиксирован в гораздо меньшей степени (22,8%). Однако в регионах набор характеристик по данному показателю различается. Этим можно объяснить различия в готовности к участию в зависимости от особенностей региона. Остановимся подробнее на каждом из выделенных показателей.

Таблица 3

Уровень проявления активной жизненной позиции индивида, %

Готовность участвовать в реформировании отечественной системы управления	Уровень активности			Итого
	Низкий	Средний	Высокий	
Готов	22,8	38,9	58,5	39,0
Не готов	58,8	46,8	29,5	46,4
Затрудняюсь ответить	18,4	14,3	12,0	14,7

Как уже было сказано, определённой единицей субъектности выступает индивид с активной жизненной позицией. Исследование подтвердило, что активисты чаще других участвуют в общественно-политической жизни региона. Во многом они характеризуются более высокой электоральной активностью, участием в работе общественных организаций и большей частотой обращений в органы власти.

Электоральная активность является наиболее институционализированной формой проявления гражданской позиции. В регионах с низким уровнем развития активисты чаще ходят на различные выборы, по сравнению с другими регионами. При сравнении регионов между собой серьёзных различий выявлено не было. Единственным исключением явились выборы депутатов в органы местного самоуправления. В регионах с высоким уровнем развития электоральная активность заметно ниже (49,7%), чем в регионах с переходным уровнем 53,8%.

Следующий показатель социальной активности – участие в деятельности общественных организаций. В целом активисты чаще остальных являются членами общественных движений, участвуют в их деятельности. Сложилась следующая

Единицей субъектности выступает индивид с активной жизненной позицией. Активисты чаще других участвуют в общественно-политической жизни региона: они характеризуются более высокой электоральной активностью, участием в работе общественных организаций и большей частотой обращений в органы власти.

ситуация: данный показатель в регионах с высоким и низким уровнями развития оказался выше (33 и 35% соответственно), чем в регионах с переходным уровнем развития (28%).

Ещё один показатель – обращения в органы власти, что более характерно для готовых к участию. При этом не имеет значения, какова цель обращения. В целом во всех регионах оказалось примерно одинаковое количество обращений (34–37%). Исключением являются регионы со средним уровнем развития – здесь активисты реже контактировали с властью (24,3%).

Итак, можно сделать вывод, что в регионах по-разному проявляются отдельные признаки активности жизненной позиции: в одних регионах выше показатели деятельности участия в общественных организациях, а в других сильнее уровень политической активности. Этим можно объяснить, что единый показатель жизненной активности не носит линейного характера, а должен быть исследован для каждого региона в отдельности с учётом специфики его развития.

Прогресс в информационных технологиях, как известно, способствует ускорению коммуникативных процессов и оказывает непосредственное влияние на возможности проявления субъектности в регионах. Наше исследование показало, что люди с развитой коммуникативной активностью и высоким уровнем пользования информационными технологиями в большей степени готовы к участию в реформировании отечественной системы управления. Они используют большее число источников для получения информации, в том числе местные и региональные газеты. Население в регионах с низким уровнем развития чаще читает местные газеты (55%). Далее по убыванию идут регионы с переходным уровнем развития (46,7–47%), реже всего читают местные газеты в регионах с высоким уровнем развития (43,6%).

Одним из наиболее заметных проявлений уровня информатизации в регионах является пользование интернетом. Чаще им пользуются готовые к участию в реформировании системы управления. Ещё выше этот показатель среди тех, кто использует интернет ежедневно. В регионах сложилась следующая ситуация: чаще всего пользуются интернетом в регионах с низким уровнем развития (56,4%), в регионах с переходным уровнем происходит снижение данного показателя до 42,4%. В регионах с высоким уровнем развития этот показатель немного повышается (49,5%).

Ещё одним отличительным свойством субъектности является высокий уровень пользования социальными сетями. В регионах с переходным уровнем развития удельный вес пользователей оказался выше (87%), чем в регионах с высоким и низким уровнями развития (79 и 76% соответственно).

В регионах по-разному проявляются отдельные признаки активности жизненной позиции: в одних выше показатели деятельности участия в общественных организациях, в других сильнее уровень политической активности. Это означает, что показатель жизненной активности не носит линейного характера, а должен быть исследован для каждого региона в отдельности.

Таким образом, развитость информационных технологий оказывает заметное влияние как на общее развитие региона, так и на расширение возможностей для проявления субъектности населения.

Влияние взаимодействия населения и власти на формирование субъектности в регионах

Выше была сделана попытка выявить различия и факторы проявления субъектности населения. Далее остановимся на характере их проявления. Характер проявления субъектности можно оценить на основе анализа особенностей взаимодействия власти и населения. Ниже рассмотрено проявление субъектности через призму следующих показателей: самооценка деятельности населения как субъекта социального участия; общественная оценка деятельности органов власти и её способности решать существующие проблемы, а также общественный настрой на взаимодействие и коммуникацию с органами власти.

Важной характеристикой проявления субъектности является оценка характера взаимодействия населения с органами власти и степень общественного влияния на выработку управленческих решений. Данная оценка подразумевает выявление степени активности населения в выражении мнения о существующих проблемах по показателям уровня компетентности, откровенности и конструктивности таких высказываний.

Полученные данные позволяют говорить о достаточно высокой самооценке населением своего участия в решении социально значимых проблем в регионах и взаимодействии с властью. Наблюдается превалирование средних оценок с небольшим перевесом в сторону положительных. В целом все указанные формы общественной активности проявились в одинаковой степени. Несколько выделяется такая форма, как «откровенность в выражении своего мнения». Здесь оценка оказалась несколько выше остальных примерно на 4–6 пунктов. Сравнительный анализ выявил, что по всем показателям оценки активистов несколько выше: они реже ставили негативные оценки и чаще положительные. Разница небольшая, составила примерно 2–6 пунктов. По-разному выглядят оценки в регионах с различными уровнями социокультурной модернизации: при переходе с низкого на более высокий уровень происходил рост числа положительных оценок.

Но это оценка общественной активности, выставленная самим населением. Для сравнения мы попросили экспертов оценить активность населения по тем же самым показателям¹.

¹ Параллельно с массовым опросом был проведён экспертный онлайн-опрос в тех же 12 регионах РФ. О методике такого опроса подробнее см. [Россия: реформирование... 2017: 63–68].

Полученные данные позволяют говорить о достаточно высокой самооценке населением своего участия в решении социально значимых проблем в регионах и взаимодействии с властью.

Сравнительный анализ результатов экспертного и массового опросов показал, что эксперты оказались более скептически настроены в отношении степени участия населения в управлении. Они поставили больше отрицательных и меньше положительных оценок. Разница в оценках оказалась значительной: эксперты примерно в полтора-два раза ниже, чем население, оценивают общественную активность. Это касается практически всех форм социального участия. Единственным показателем, по которому наблюдается перевес положительных оценок над отрицательными, стала откровенность в выражении своего мнения.

Относительно различий в оценках экспертов и респондентов в регионах с различными социокультурными уровнями модернизации прослеживается схожая тенденция: при переходе к более высокому уровню доля негативных отзывов снижалась, а положительных, наоборот, возрастала. Такая тенденция прослеживается от низкого к среднему уровню развития. В регионах с высоким уровнем развития наблюдается незначительный всплеск повышения отрицательных оценок и снижение положительных. Полученные результаты позволяют говорить о релевантности и сопоставимости использованных методик.

Ещё одним способом фиксации проявлений субъектности является оценка населением деятельности всей иерархии органов власти и управления по решению различного рода внешних и внутренних проблем. Она может формироваться как ответная реакция на эти действия. Общественная оценка действий властей складывается из множества аспектов, к которым можно отнести, например, оценку проводимой внутренней политики. Сравнительный анализ показал, что в целом активисты менее озабочены проводимой властями внутренней политикой: в среднем уровень их тревожности ниже на 3–5 пунктов по сравнению с респондентами, которые не готовы к участию в обсуждении проблем реформирования системы управления в стране. Единственным исключением стали регионы с низким уровнем модернизации. Здесь, наоборот, активисты чаще остальных ставили низкие оценки сформировавшейся внутренней политике в регионе. Особенно это касается проблемы безработицы, всё более усиливающегося расслоения на богатых и бедных, а также демографической проблемы (убыль населения). Относительно различий в оценках активистов в регионах с различными уровнями развития сложилась следующая ситуация: в целом налицо линейная зависимость – при переходе от низкого к более высокому уровню развития регионов наблюдается снижение негативных оценок и повышение положительных.

Общественная оценка может формироваться и на основе группировки по отношению к отдельным уровням властной вертикали: федеральной, региональной, местной. Поэтому далее остановим своё внимание на общественной оценке работы властей на каждом из этих уровней.

Различия в оценках экспертов и респондентов в регионах с различными социокультурными уровнями модернизации позволяют выявить существующую тенденцию: при переходе к более высокому уровню доля негативных отзывов снижалась, а положительных, наоборот, возрастала.

На федеральном уровне респонденты ставят самые высокие оценки работе исполнительной власти – более половины респондентов высоко оценивают её работу. Законодательная власть оценена несколько ниже, но в целом превалируют средние оценки – респонденты удовлетворены её работой. Такая же ситуация сложилась и в отношении судебной власти – доминируют средние оценки с небольшим перевесом положительных над отрицательными. Следует отметить незначительный перевес и в уровне тревожности в оценках активистов для всех ветвей власти. При сравнении регионов с различными уровнями модернизации прослеживается тенденция снижения негативных оценок и повышения положительных в пределах от низкого к среднему уровню, а в регионах с высоким уровнем развития наблюдается некоторый всплеск отрицательных оценок.

В целом респонденты удовлетворительно оценивают работу региональных и местных властей – превалируют средние оценки. Характерно, что активисты, по сравнению с респондентами, отказавшимися от участия в реформировании отечественной системы управления, ставят более низкие оценки региональным и местным органам власти: разница составляет примерно 3–4 пункта. Удивительно, но и положительных оценок активистами было поставлено тоже больше. Самые негативные оценки от активистов в отношении деятельности региональных и местных властей были получены в регионах с низким уровнем развития – разница составила 10–15 пунктов. В остальных регионах оценки сопоставимы. По-разному оценивают активисты деятельность властей и в регионах с различными уровнями развития. Для регионального уровня при переходе с низкого к среднему снижается доля негативных оценок – с 40,9 до 17,6%, но повышается доля положительных – с 21,5 до 45%. Такая же ситуация характерна для местного уровня – повышение положительных оценок – с 18 до 36,7% (местная администрация), и с 18,1 до 38,3% (органы местного самоуправления).

Для полноценного формирования субъектности социальной общности необходим не только поиск способов взаимодействия с властью, но и предмет такого рода взаимодействия. Логично, что им становится комплекс проблем, существующих в регионе. Исследование показало, что чем выше острота проблемы, тем чаще население видит неспособность властей её разрешить. В этом случае субъектность проявляется как свидетельство этой неспособности.

Далее остановимся на оценке населением способности властей разрешать конкретные проблемы в регионе. В ходе исследования был проанализирован перечень 24-х проблем, вызывающих тревожность местного населения.

Для анализа общественной оценки способности властей решать социально значимые вопросы мы используем группировки проблем, сформулированные А. В. Тихоновым [Россия:

При сравнении регионов с различными уровнями модернизации прослеживается тенденция снижения негативных оценок деятельности органов власти и повышения положительных в пределах от низкого к среднему уровню, а в регионах с высоким уровнем развития наблюдается некоторый всплеск отрицательных оценок.

реформирование... 2017: 77], но с акцентом на выявление потенциальных точек напряжённости, способствующей формированию групповой активности как субъектности. В этой связи каждая рассматриваемая проблема была оценена, во-первых, с точки зрения сравнения оценок активистов и «отказников», т. е. тех, кто отказался от участия в разработке программы реформирования системы управления в стране; во-вторых, сопоставлением полученных оценок в регионах с различными уровнями социокультурной модернизации.

Результаты такой оценки показали, что наибольшую тревогу относительно положения дел в регионах вызывает комплекс проблем социально-экономического характера. При этом в целом не наблюдается серьёзных различий в оценках активистов и остальной части населения в отношении способности властей решать существующие проблемы – их оценки оказались сопоставимы. Однако прослеживается тенденция, при которой активисты более положительно оценивают действия власти по решению существующих проблем, особенно это касается блока социально-экономических (например, возможность найти работу, решение жилищных проблем, оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства и уровень обеспеченности продовольственными и промышленными товарами) и гуманитарных проблем (работа больниц и поликлиник, учреждений культуры, деятельность органов правопорядка и профилактика борьбы с пьянством, хулиганством и наркоманией). В качестве исключения можно выделить проблему окружающей среды – здесь доля активистов, недовольных существующей ситуацией, выше остальной части опрошенных.

Относительно сравнительного анализа оценок в регионах с различными уровнями социокультурной модернизации прослеживается следующая тенденция: в регионах с низким уровнем развития оценка активистами способности властей решать проблемы оказалась наиболее низкой практически по всем направлениям. Исключениями являются решение проблем социокультурной солидарности (проблемы национальности, вероисповедание, отношение к истории и политические взгляды) и проблемы соблюдения условий гражданского договора (способность власти предоставлять качественные государственные услуги, информационная открытость власти, состояние разработки стратегии развития региона и уровень защищённости прав и свобод от произвола чиновников). При переходе от низкого к среднему уровню развития региона прослеживается тенденция линейного снижения недовольства способностью власти решать проблемы. В регионах с высоким уровнем социокультурной модернизации ситуация оказалась неоднозначной: относительно проблем социально-экономического характера уровень удовлетворённости действиями властей выше, чем в остальных регионах, однако при оценке вопросов соблюдения гражданского договора доля негативных оценок сопоставима с другими типами регионов.

В регионах с низким уровнем развития оценка активистами способности властей решать проблемы оказалась наиболее низкой практически по всем направлениям.

Важным пунктом готовности к участию является настрой, с которым активисты собираются взаимодействовать с властью и обсуждать волнующие их проблемы. Это своего рода интенциональные характеристики. В качестве таковых оказались: уровень конфликтности взаимодействия, ориентация на инновационный путь решения проблем, нацеленность на решение проблемы. Выявление данных характеристик позволяет говорить о характере потенциальной коммуникации населения и власти.

Анализ результатов позволяет утверждать, что в отношениях с властью респонденты выбирают две противоположные стратегии – либо бескомпромиссность в отстаивании своей позиции, либо попытку нахождения консенсуса. При переходе от низкого к более высокому уровню развития региона показатель бескомпромиссности снижается (с 47,5 до 39,2%), а нацеленность на компромисс повышается (с 49,4 до 54,5%).

В целом большинство опрошенных выбирают умеренный путь развития, но активисты (по сравнению с респондентами, отказавшимися от участия в обсуждении накопившихся в системе управления проблем) чаще остальных ратуют за радикальные пути решения проблем – 19,9 против 13,7%, уровень консерватизма среди них ниже – 11,1 против 14,3%. При этом активистов-консерваторов больше в регионах с высоким уровнем развития, а активистов-инноваторов – в регионах с низким уровнем.

Уровень оптимизма и вера в положительный исход в решении проблем могут стать важными составляющими в ходе взаимодействия. Стоит отметить, что активисты более позитивно настроены на решение проблем – 26,8%. Среди отказавшихся участвовать в реформировании отечественной системы управления этот показатель ниже и равен 19,8%. Здесь особых зависимостей в отношении регионов с разными уровнями развития выявлено не было.

Заключение

Выделим основные моменты, характеризующие проявления субъектности на каждом из предложенных уровней социокультурной модернизации. В регионах с низким уровнем можно проследить высокую степень субъектности, при этом она носит протестный характер и во многом является реакцией на то, что власть не способна решать поставленные перед ней задачи. Сформировавшаяся информационно-коммуникативная среда недостаточно развита и, что главное, не отвечает социальным потребностям населения. Количество и разнообразие существующих социально-значимых проблем в регионах заставляют активистов использовать все возможные каналы доступа к власти, но при этом их позиция в большинстве случаев нацелена на жёсткий (бескомпромиссный) диалог.

В регионах с переходным уровнем развития (уровни ниже среднего и средний) проявление субъектности характеризуется более лояльным отношением как к самой власти, так и к её действиям. Несмотря на то, что уровень готовности к участию в этих регионах ниже, сформировавшаяся в этих регионах субъектность носит более конструктивный характер и нацелена на поиск компромиссного решения. Здесь есть и другие способы проявления субъектности – это информационно-коммуникативные каналы, которые в большей степени способствуют диалогу населения и власти и всё более широко используются.

Отличительной чертой регионов с высоким уровнем развития является смещение акцентов с социально-экономических проблем на гражданско-правовые. При этом уровень удовлетворённости деятельностью властей несколько ниже, чем в регионах с переходным уровнем, но само взаимодействие с ними ориентирует на диалог и поиск компромиссного решения.

Результаты исследования показали, что проявление субъектности в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации является весьма неоднородным. Это касается как базовых её признаков – готовности к участию и самоорганизации, так и признаков, проявляющихся через отдельные её формы – электоральной активности, участия в общественной деятельности, обращения в органы власти и т. д. При сравнении регионов с различными уровнями социокультурной модернизации эти различия носят линейно-нелинейный характер. Эта же тенденция характерна и для оценки существующей системы взаимодействия между населением и властью в целом. Показано, что различные проявления субъектности населения в регионах с разными уровнями социокультурного развития детерминированы различными факторами. Важно, что мы опробовали возможность их измерения на репрезентативном материале. Дальнейшая работа по реформированию системы управления в регионах потребует более предметного изучения динамики этих факторов в режиме мониторинга, что может создать благоприятные предпосылки разработки социологически обоснованной системы обратной связи.

Библиографический список

Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. 2017. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению // Мир России. № 2. С. 6–37.

Отличительной чертой регионов с высоким уровнем развития является смещение акцентов с социально-экономических проблем на гражданско-правовые.

Лепский В. Е. 2015. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр. 107 с.

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов. ИНАБ. № 1 / Отв. ред. А. В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объём 6,14 Мб) М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2016_1.pdf [Дата посещения: 22.04.2018]. DOI: [10.19181/inab.2016.1](https://doi.org/10.19181/inab.2016.1).

Прозрачность и участие: общественный контроль 2.0 в США и Европе. Аналитический доклад. М.: Фонд открытой новой демократии, 2013 // Веб-сайт «Фонд открытой новой демократии» URL: <http://2014.oprf.ru/candidates/person/455/download/file/536/> [Дата посещения: 22.04.2018].

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. 560 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508

The Phenomenon of Regional Subjectness in Solving the Issue of Reforming Russia's System of Government

Merzliakov Andrey Alexandrovitch

Candidate of sociological sciences, leading research fellow, Center of Sociology of Management and Social Technologies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: merzliakov@mail.ru

Abstract. This article is based on materials from a sociological evaluation of the expression of the population's subjectness, which was conducted by FSRSC RAS' "Sociology of Management and Social Technologies Center" during 2012–2017 in regions of various degree of socio-cultural modernization, as part of a research program studying the reformation of the system of government. It contains a substantial evaluation of a certain statement, according to which the form and nature of the manifestation of said phenomenon is defined by compliance with a "social contract", under which society views its own ability to self-organize and its own pursuit for government participation as the most important aspect, while governing bodies prioritize their ability to resolve issues related to modernization and maintaining an acceptable level of social order. This article indicates the following key attributes when it comes to the formation of subjectness: 1) certain categories of the population being ready to participate in government; 2) their correlation with a certain social unity – from municipal level all the way up to regional and national. An individual's life attitude is considered to be the main attribute in the expression of subjectness, the former revealing itself in: 1) his/her public and electoral activity; 2) their level of communicative activity; 3) their use of modern information technology (the internet, social networks). The population's subjectness is registered via self-evaluation of people's participation in social life, through evaluating government activities and the latter's ability to solve problems inherent to a certain region, as well as through registering regional social attitudes when it comes to interacting with public authorities. The expression of subjectness in regions of various socio-cultural modernization levels bears its own specificity, and can serve as a marker for the social order emerging within them.

Keywords: subjectivity; society and government interaction; system of management reforming; socio-cultural features of the development regions; the readiness of the population to participate in the decision making process.

References

Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves' Mir, 2016. 360 p. (in Russ.).

Karacharovsky V. V., Shkaratan O. I. Obschestvennaya tsena sotsial'nykh izmeneniy i poisk podkhodov k ee izmereniyu [The social cost of social changes and the search for approaches to its measurement]. Mir Rossii, 2017, no 2, pp. 6–37. (in Russ.).

Lepskiy V. E. Evolyutsiya predstavleniy ob upravlenii (metodologicheskii i filosofskiy analiz) [Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis)]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2015. 107 p. (in Russ.).

Problemy reformirovaniya vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte protsessov sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Problems of reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, IS RAS publ., 2016. 348 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2016_1.pdf [date of visit: 22.04.2018] DOI: [10.19181/inab.2016.1](https://doi.org/10.19181/inab.2016.1) (in Russ.).

Prozrachnost' i uchastie: obschestvenny kontrol' 2.0 v SShA i Evrope [Transparency and participation: public control 2.0 in the USA and Europe]. Analiticheskiy doklad Fonda otkrytoy novoy demokratii. Moscow, 2013. OND Foundation Official website. URL: <http://2014.oprf.ru/candidates/person/455/download/file/536> [date of visit: 22.04.2018] (in Russ.).

Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontexte problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Russia: reforming of the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 432 p. (in Russ.).

Sotsiologiya upravleniya: fundamental'noe i prikladnoe znanie [Sociology of management: fundamental and applied knowledge]. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 560 p. (in Russ.).

Т е м а н о м е р а Социология управления: проблемы реформирования

В поисках новой модели регионального управления

Никонова Олеся Владимировна –
аспирант, ассистент кафедры социальных
технологий, Белгородский государственный
национальный университет, Белгород

E-mail: germanova@bsu.edu.ru

В поисках новой модели регионального управления

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.509

Аннотация. В статье исследуется проблема повышения требований к результативности регионального управления. Современное общество требует от государства не только экономической эффективности, но и обеспечения сервисных и полезных результатов деятельности. Автор анализирует некоторые дисфункции во взаимодействии гражданского общества и власти, причинами которых являются непрозрачность государственного управления, громоздкость и некая отстранённость от общественных интересов. Главный вектор изменений – стремление к деbüroкратизации органов управления, поиск новой, ограниченной по функциям и подконтрольной гражданскому обществу модели, способной обеспечить результативное развитие государственного и регионального управления. В противном случае правительства (как на государственном, так и на региональном уровне) потеряют управленческую способность. В статье представлены некоторые результаты авторского межрегионального социологического (экспертного) опроса, посвящённого выявлению и анализу факторов, препятствующих результативной деятельности региональных органов власти и управления. Исследование выявило механизмы нейтрализации основных деструкций в системе регионального управления.

Ключевые слова: государственное управление, гражданский контроль, дисфункции власти, открытость власти, полезность власти, результативность государственного управления, парадигма антрепренёрского государства

В современных условиях для преодоления кризисных явлений и реализуемости стратегических планов национального развития необходимо повышение требований ко всем институтам государственного управления. Должен быть создан эффективный государственный аппарат, обеспечивающий сбалансированное развитие экономики и социальной сферы. Конечно, повышение эффективности правительства (как на федеральном, так и на региональном уровне) и оптимизация управления – процессы, начатые не в последнее время; однако на современном этапе деятельность органов государственной и региональной власти не отличается высокой результативностью.

В рейтинге Всемирного Банка, учитывающем качества государственной политики и предоставляемых услуг, а также намерения повышать это качество, Россия имеет показатель 35% при максимальном значении 100% (2014 г.). В рейтинге конкурентоспособности государственных институтов ВЭФ

2015–16 гг. РФ занимает 103 место из 144 стран [Барабашев 2016]. А в рейтинге по развитию институтов, включающих систему государственного управления, РФ занимает 88 место¹.

Таким образом, Россия имеет довольно низкие позиции, причём не только в сравнении с развитыми западными странами, но и в сравнении с некоторыми странами группы БРИКС и СНГ, что говорит о наличии ряда институциональных дисфункций, организационных патологий или «проблемных зон».

Конспективно, не углубляясь в сюжеты, «проблемные зоны» в государственном управлении, опираясь на работы некоторых авторов, можно изложить следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Проблемы в государственном управлении

№	И. В. Понкин	А. Г. Барабашев
I	Дисбаланс между реальными публичными интересами и теми интересами, которые позиционируются в качестве таковых	Управленческие решения слишком часто выглядят бесчеловечными, не учитывающими сложность и новизну социальной жизни
II	Квантофрения государственного управления (<i>чрезмерная заикленность на количественных показателях эффективности</i>)	Негибкие инструменты управления
III	Институциональные пороки	Увеличение объёма и усложнение административных процедур
IV	Разбалансированность систем контроля и ответственности в государственном управлении	Организационная деятельность ширится, становится самодовлеющей и подменяет собой реальные действия по решению управленческих проблем.

Источники: [Понкин 2016; Барабашев 2016].

Следует констатировать, что одной из примет последних лет стала всеобщая неудовлетворённость действующими системами государственного и регионального управления, говорящая о падении их эффективности.

Совершенствование государственного управления входит в число ключевых задач развития Российской Федерации в настоящее время. Российские проблемы реформирования государственного аппарата имеют двойственную природу: с одной стороны, это ответ на вызовы наступившего XXI века; с другой – насущная необходимость решения вопросов, связанных с приведением в соответствие новых реалий в сфере рыночной экономики и принципов демократизации общественной жизни в России с новациями государственного устройства страны [Ирхин 2007].

¹ См.: <http://docplayer.ru/45759263-Gosudarstvo-kak-platforma.html> [Дата посещения: 22.04.2018].

Необходимость анализа и оценки результативности государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровнях актуализирует проблему поиска оптимальной модели управления, которая бы соответствовала тенденциям современной реальности и запросам общественности.

Метод и организация исследования

Общеметодологическим основанием для проведения исследования по выявлению факторов, препятствующих результативности регионального администрирования, являются структурно-функциональный, синхронно-сравнительный, системный анализ с моделированием организационно-управленческих процессов, а также индексный, графический, аналитико-информационный, метод группировок, прогнозирование и другие методы. Из специальных методологических подходов использованы социологический, синергетический и системный. В частности, в ходе сбора эмпирических данных применены репрезентативные данные социологических исследований федерального, межрегионального и регионального уровней.

В связи с упомянутой выше проблемой неудовлетворённости системой управления в государственном и региональном масштабе (речь идёт об органах власти), А. Г. Тюриков ставит вопрос: «Что нам мешает развиваться и реформироваться, изменять реальность в желаемое будущее?». И предпринимает попытку на него ответить [Материалы... 2017: 567].

В конце 2016 г. экспертное сообщество обсуждало 25-летние итоги гайдаровской экономической реформы. По мнению участников дискуссии, реформа позволила преодолеть системную угрозу распада России, заложила фундамент новой российской государственности и рыночной экономики. Вместе с тем, одним из выводов о том, что реформа была бы более успешна и вывела бы Россию на более устойчивую прогрессивную траекторию развития, является признание факта, что власть не смогла объяснить населению суть реформы и включить его в процесс изменений. Для успеха был необходим другой уровень и качество контакта между властью и народом. Необходимо было не только взять ответственность на себя, но и разделить, поделиться ею с обществом. Речь идёт о солидарном капитале, доверии и солидарности в обществе по поводу цели, ресурсов, рисков, процедур и результатов реформ [Материалы... 2017].

Оглянувшись на несколько лет назад, можно проанализировать успешность той или иной стратегии, принятой в государстве. Эффект тот же: имитация обсуждения с претензией на всестороннюю экспертность, но опять без общества, без задействования социального капитала, без включения всех

Гайдаровская экономическая реформа была бы более успешна, если бы власть смогла объяснить населению суть реформы и включить его в процесс изменений.

заинтересованных акторов. Это подтверждается следующими эмпирическими результатами. Эксперты Центра стратегических разработок (ЦСР) провели исследование в 2016 г., по результатам которого озвучены главные причины провала прежних стратегий России. Главная проблема – имитация их исполнения: стратегия-2020 выполнена на 29,5%, а стратегия-2010 – на 39%, национальные проекты – до 30%¹. Барьерами, которые обусловили такую провальную ситуацию, являются, по мнению экспертов, неверные цели и формальное исполнение стратегий. Мы же отметим ещё и слабую социально-технологическую восприимчивость системы государственного управления.

Характерной чертой государственного и муниципального управления в России, затрудняющей внедрение социально-технологических процедур, является недостаточная целесообразность действий, дефицит стратегического мышления, ориентация в большинстве случаев на ситуацию, но не на перспективу [Бабинцев 2007].

Для более детального анализа изучения вопроса нами было инициировано межрегиональное социологическое исследование на тему «Анализ факторов, способствующих либо препятствующих результативной деятельности региональных органов власти и управления (2016–17 гг.)». Цель исследования – выявить факторы, в той или иной мере влияющие на результативность деятельности региональных органов власти и управления. В ходе социологического исследования было проведено анкетирование 100 экспертов из 5-ти регионов ЦФО (Белгородская, Курская, Липецкая, Брянская и Орловская области). В основе полученных данных лежат субъективные оценки экспертов. Большинство вопросов анкеты сформулированы в виде 5-ти балльной шкалы. Подбор экспертов начался в ноябре 2016 г. К участию в опросе были приглашены прежде всего руководители структурных подразделений региональных органов власти и управления.

В поисках новой модели государственного управления

Необходимость анализа и оценки результативности государственного управления, как на федеральном, так и на региональном уровнях вызвана поиском оптимальной модели управления.

Согласно результатам экспертного опроса, практики регионального управления отмечают, что результативная деятельность управленческих кадров может выражаться в таких

¹ Ведомости // URL <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/27/671369-provalu-prezhnih-strategii> [Дата посещения: 22.09.2018].

характеристиках, как: правильная постановка стратегических целей (4,3 балла), принятие обоснованных управленческих решений в интересах граждан (4,2), улучшение качества жизни населения (4,1) (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о том, в чём может выразиться результативная деятельность управленческих кадров региональных органов власти

Полученные данные свидетельствуют о переходе от традиционной бюрократии (governance) к менеджеристской концепции New Public Management. Это означает, что в условиях ограниченности ресурсов функционирования и развития публичный сектор должен обеспечить консолидацию возможностей в стратегически значимых направлениях деятельности.

«В отличие от традиционного государственного администрирования, для государственного менеджмента, если он собирается достичь успеха, неизбежно требуется чувство стратегии» – пишет специалист в области управления Барри Боземан [Bоземан 1991]. Один из подходов к управлению эффективностью и средство стратегического планирования – это форсайт или перспективный анализ. Форсайт полезен для деятельности госорганов, он способствует формированию общего представления о развитии приоритетных направлений системы государственно управления, позволяет мобилизовать интеллектуальный потенциал внешних экспертов. К слову говоря, одной из основных особенностей форсайта является привлечение ключевых экспертов и заинтересованных сторон к реализации форсайт-проекта.

Эксперты подтверждают, что улучшение качества жизни населения как один из базовых приоритетов регионального управления означает необходимость фокусирования на индивидуализированности услуг. Таким образом, гражданин всё в большей мере начинает рассматриваться как клиент и потребитель услуг. И здесь нарастает актуальность смены парадигмы от «нового публичного менеджмента» к «менеджменту публичных ценностей». Менеджмент публичных ценностей по сути является клиентоориентированным подходом, ставящим на первый план степень удовлетворённости «потребителя» качеством оказываемых услуг.

В настоящее время значительно усиливается роль гражданина как заявителя и получателя государственных услуг (customers role). Гражданин всё в большей мере начинает рассматриваться как клиент и потребитель услуг: «правительство не правит, а предоставляет услуги населению», то есть оно берёт на себя роль производителя общественных благ. Само понятие «клиент государственной организации» означает необходимость обеспечить индивидуализированность услуг, повысить их качество, а, следовательно, качество управления [Тютин 2014].

В последнее время стало актуальным говорить о «клиентоориентированном» (сервисном) государстве как о некотором новом этапе развития современного государства, отвечающего самым высоким требованиям развития общества и социальных отношений между населением и правительством. Это подтверждается данными нашего исследования, т. к. эксперты указывают на наличие связи между результативностью регионального управления, принятием обоснованных управленческих решений в интересах граждан и улучшением качества жизни населения.

Одним из факторов успешности движения к желаемой модели взаимодействия государства и общества является «движение навстречу». В частности, государству надлежит освободиться от непомерного бремени всеобъемлющих задач, которые должны (или могут) целиком либо отчасти быть предметом заботы институтов гражданского общества. Сегодня гражданам важно понимать, что государственные органы не только

Менеджмент публичных ценностей по сути является клиентоориентированным подходом, ставящим на первый план степень удовлетворённости «потребителя» качеством оказываемых услуг.

В последнее время стало актуальным говорить о «клиентоориентированном» (сервисном) государстве как о некотором новом этапе развития современного государства, отвечающего самым высоким требованиям развития общества и социальных отношений между населением и правительством.

знают о проблемах и потребностях населения, но и стремятся их оперативно решать. Прежде всего, именно региональным органам власти необходимо реагировать на определённые жизненные ситуации человека – выдачу паспорта, лицензии и т. д. – и пытаться понять, как сократить сроки предоставления таких услуг в несколько раз.

За последние десятилетия российский опыт наглядно показывает зависимость воплощения целей и задач государственного управления от уровня компетентности и профессионализма государственных служащих. Так, согласно проведённому исследованию Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук «Компетентностные профили чиновников в современной России» востребованными (без учёта уровня власти и других факторов) оказались не только узкопрофессиональные компетенции, но и профессионально-социальные, то есть связанные со служением обществу и социальной ответственностью, в том числе ответственностью за принимаемые решения¹. Среди самых невостребованных компетенций оказались те, что связаны с научно-исследовательской активностью или знанием международных аспектов государственного управления (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Профессионально значимые компетенции
государственных и муниципальных служащих**

Компетенция	% респондентов, присвоивших компетенции наибольший балл (5)
Наиболее востребованные профессионально-значимые компетенции гос.и мун. служащих	
Оценивает последствия своих решений и несет за них ответственность	84,6
Поступает в соответствии с требованиями профессиональной этики	77,1
Способен принимать обоснованные управленческие решения, основанные на действующей нормативной базе	72,9
Умеет искать информацию и проверять ее подлинность	68,7
Умеет структурировать и анализировать информацию	67,8
Умеет работать в команде и взаимодействовать с другими членами коллектива	67,3
Умеет вести документооборот	66,8
Имеет чувство общественного долга и социальной ответственности	65,5
Способен к конструктивному взаимодействию с гражданами, общественными институтами и сообществами	64,4

¹ Научно-образовательный портал Высшей школы управления // URL <https://iq.hse.ru/news/206810612.html> [Дата посещения: 22.04.2018].

Продолжение таблицы 2

Компетенция	% респондентов, присвоивших компетенции наибольший балл (5)
Наименее востребованные профессионально-значимые компетенции гос. и мун. служащих	
Ориентируется в вопросах международной конкуренции	30,4
Владеет методикой анализа экономики общественного сектора	29,7
Применяет методы общественных наук в процессе экспертно-аналитических работ	26,0

Источник: [Кутергина, Санина 2017: 118].

Заключение

Конечно, степень многообразия объекта государственного управления снизить невозможно (из-за территориальных особенностей России), поэтому необходимо совершенствовать, но не перегружать реформами субъект (органы государственной власти и управления), а искать новые модели.

Но возникает вопрос как это делать? А. В. Кузнецов выделяет три основных пути приведения системы органов государственного управления к необходимой (т. е. оптимальной, подходящей под запросы и ожидания граждан в современных социально-экономических условиях – прим. автора) [Кузнецов 2009]:

- экстенсивный – на основе укрупнения и расширения органов государственного управления;
- интенсивный, приводящий к увеличению объёмов полномочий и нагрузки на органы власти, исполнение которых должно возлагаться на более квалифицированных чиновников;
- сетевой подход, предполагающий перестройку системы вертикального администрирования, основанного на иерархиях, в систему горизонтального управления, а также участия гражданского общества в разработке управленческих решений и обмене знаниями.

Считаем наиболее подходящим третий вариант.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в процессе проектирования результативности государственного (регионального) управления необходимо выделить несколько взаимосвязанных уровней его функционирования.

Институционально-административный уровень, на котором прослеживаются особенности государственного (регионального) управления посредством реализации умного стратегического управления, форсайт-проектов и компетентного подхода.

Социально-технологический уровень, на котором особое значение приобретает возможность делегирования некоторых государственных функций по оказанию государственных и муниципальных услуг частному сектору в целях реализации концепции менеджмента публичных ценностей.

И, главное, – ценностно-мотивационный уровень, на котором крайне важно создать механизмы респонсивного (от англ. «responsiveness» – способность «отвечать» на изменения) восприятия властью сигналов на оперативное решение жизненно важных проблем граждан.

Библиографический список

Бабинцев В. П. 2007 Противоречия и проблемы процесса технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. № 1 (33). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/protivorechiya-i-problemy-protsessatehnologizatsii-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-upravleniya-v-regione> [Дата посещения: 20.10.2017].

Барабашев А. Г. 2016. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/krizis-gosudarstvennogo-upravleniya-i-ego-vliyanie-na-osnovnye-administrativnye-paradigmy-gosudarstva-i-byurokratii> [Дата посещения: 27.03.2017].

Ирхин Ю. В. 2007. Новое государственное управление и проблемы эффективности госслужбы в современной России // Государственное управление в XXI веке: традиции и новации. 4.1. М.: РОССПЭН, 2007; Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: [dissercat http://www.dissercat.com/content/institut-gosudarstvennoi-sluzhby-v-usloviyakh-transformatsii-sovremennoi-rossii#ixzz53rnJ7eIZ](http://www.dissercat.com/content/institut-gosudarstvennoi-sluzhby-v-usloviyakh-transformatsii-sovremennoi-rossii#ixzz53rnJ7eIZ) [Дата посещения 22.04.2018].

Кузнецов А. В. 2009. Рост многообразия общественных интересов и проблемы государственного управления в информационном обществе // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия: Социология. Политология. Вып. 2. С. 110–114.

Кутергина Е., Санина А. 2017. Компетентностные профили чиновников в современной России // Журнал исследований социальной политики. Т. 15. № 1. С. 113–128. DOI: [10.17323/1727-0634-2017-15-1-113-128](https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-113-128).

Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. 1886 с.

Понкин И. В. 2016. Теория девиантологии государственного управления: Неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. М.: Буки-Веди. 250 с.

Тютин Д. В. 2014. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей // Теория и практика общественного развития. № 5. С. 179–181.

Bozeman B., Straussman J. 1991. Public Management Strategies: Guidelines for Managerial Effectiveness. San Francisco. 214 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.509

Searching for a New Model of Regional Management

Nikonova Olesia Vladimirovna

Postgraduate student, assistant of the Department of Social Technologies, Belgorod State National University, Belgorod, Russia. E-mail: germanova@bsu.edu.ru

Abstract. This article examines such an issue as increasing demands towards the efficiency of regional management. Modern society demands not only economic efficiency from the government, but also for its activities to provide serviceable and useful results. The author analyzes certain dysfunctions within the interactions between civic society and authorities, which are a result of non-transparent government, the latter's clumsiness and a certain degree of detachment from the public's interests. The main vector for change is aspiring to debureaucratize governing bodies, and searching for a new model, which would be restricted in its functionality, under full control by civic society, and able to ensure productive development of government and regional management. Otherwise administrations (both on federal and regional levels) will lose their management capacity. This article presents certain results of the author's interregional sociological (expert) survey, dedicated to revealing and analyzing the factors which hamper the effective operation of regional authorities and management. This study exposes mechanisms for neutralizing the main destructive tendencies within the regional management system.

Keywords: state administration, civil control, power dysfunction, openness of authority, utility of power, effectiveness of state administration, paradigm of the entrepreneurial state.

References

Babintsev V. P. Protivorechiya i problemy processa tehnologizatsii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v regione [Contradictions and problems of the process of technological development of state and municipal management in the region]. Nauchnye vedomosti BelGU (Seriya: Philosophiya. Sotsiologiya. Pravo), 2007, no. 1 (33) (in Russ.).

Barabashev A. G. Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye administrativnye paradigmy gosudarstva i biurokratii [The crisis of public administration and its impact on the basic administrative paradigms of the state and bureaucracy]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya, 2016, no. 3 (in Russ.).

Bozeman B., Straussman J. Public Management Strategies: Guidelines for Managerial Effectiveness. San Francisco, 1991. 214 p.

Irhin Y. V. Novoe gosudarstvennoe upravlenie i problemy effektivnosti gossluzhby v sovremennoy Rossii [New state management and problems of efficiency of civil service in modern Russia]. Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke: traditsii i novatsii. Moscow, Rosspen, 2007 (in Russ.).

Kutergina E., Sanina A. 2017. Kompetentnostnye profili chinovnikov v sovremennoy Rossii // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. T. 15. № 1. S. 113–128.

Kuznetsov A. V. Rost mnogoobraziya obschestvennykh interesov i problemy gosudarstvennogo upravleniya v informatsionnom obschestve [Growing diversity of public interests and the problems of public administration in the information society]. Izvestiya Saratovskogo universiteta, 2009, vol. 9 (Seriya: Sotsiologiya. Politologiya). Release 2, pp. 110–114 (in Russ.).

Materialy VII mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii «Navstrechu buduschemu. Prognozirovaniye v sotsiologicheskikh issledovaniyakh» [Materials of the VII international sociological Grushin conference “Towards the future. Forecasting in sociological research”], march 2017. Ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, WCIOM (RCRPO) publ., 2017. 1886 p. (in Russ.).

Ponkin I. V. Teoriya deviantologii gosudarstvennogo upravleniya: Neopredelionnosti, riski, defekty, disfunktsii i provaly v gosudarstvennom upravlenii [Theory of deviantology of public administration: uncertainties, risks, defects, dysfunctions and dips in public administration]. Moscow, Buki-Vedi, 2016. 250 p. (in Russ.).

Tiutin D. V. Evoliutsiya novogo gosudarstvennogo upravleniya: logika effektivnosti, rezul'tativnosti i menedzhmenta publichnykh tsennostey [Evolution of New Public Administration: The Logic of Efficiency, Efficiency and Management of Public Values]. Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya, 2014, no 5. pp. 179–181 (in Russ.).

Социальные слои и группы: установки и действия

Мотивационные позиции студенческой молодёжи на образовательном поле

Жукоцкая Александра Васильевна –
доктор философских наук, профессор,
заведующий общеуниверситетской кафедрой
философии и социальных наук,
Московский городской педагогический
университет, Москва

E-mail: azhuk1@mail.ru

Васильев Игорь Аркадьевич –
кандидат философских наук, доцент,
руководитель лаборатории мониторинга
результатов научно-исследовательских
работ и проектов, Московский городской
педагогический университет, Москва

E-mail: via0707@mail.ru

Мотивационные позиции студенческой молодёжи на образовательном поле

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.511

Аннотация. Постсоветское молодое поколение существенно отличается от поколения своих родителей. Оно другое. У него другие условия жизни, иные установки, мотивы поведения. Несмотря на неблагоприятные социально-экономические условия, сложившиеся в стране в последние годы, не снизился интерес молодёжи к продолжению образования. Как показали ранее проведённые нами исследования, свыше 80% выпускников московских школ были мотивированы на поступление в вуз. В то же время трансформации, происходящие в жизни человека и общества, формирующий рынок труда выдвигают всё более конкретные требования к формированию образовательных отношений в вузе, к содержанию и качеству высшего образования. Исследование, о ключевых результатах которого идёт речь в статье, выполнено в 2017 г. в рамках Государственной программы города Москвы на среднесрочный период (2012–18 гг.) «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)). Целью выполнения данного научно-исследовательского проекта являлось определение взаимосвязей и взаимозависимостей, многообразных социальных и психологических мотивов, детерминирующих социально-познавательную деятельность абитуриентов и студентов-первокурсников различных ступеней и профилей образования. Свою задачу исследователи видели в том, чтобы определить доминирующие и периферийные («фоновые») факторы мотивации познавательно-интеллектуального, практико-ориентированного, коммуникативного и иного характера; проанализировать степень их влияния как на выбор абитуриентами конкретного вуза для продолжения образования, так и на выбор студентами бакалавриата и магистратуры первого года обучения предпочтительных для них направлений подготовки; разработать структуру образовательных мотиваций обучающихся. В исследовании приняли участие N=1972 респондента. Выборка носила случайный характер. Между тем, доля проанкетированных студентов бакалавриата первого года обучения составила 76% от генеральной совокупности данной категории обучающихся (по состоянию на 24.04.17); доля респондентов, обучавшихся на тот же период на первом курсе магистратуры составила 68% от генеральной совокупности студентов этой категории. Спектр мотивационных отношений респондентов к обучению в вузе подразделяется на конструктивно-прагматические, пассивно-уклончивые, конформистско-оптимистические и неконструктивно-пессимистические. Наиболее значимыми побуждающими факторами, повлиявшими на выбор абитуриентами конкретного вуза выступили: самостоятельный выбор; возможность обучения на бюджетной основе; интересная образовательная программа, высокое качество преподавания; государственный статус вуза и ряд других. В ходе исследования был выявлен комплекс факторов, затрудняющих образовательный процесс и оказывающих определённое негативное влияние на формирование мотивационных позиций обучающихся: неумение хорошо планировать своё время; чрезмерная учебная нагрузка; не вполне удовлетворительное качество преподавания ряда дисциплин и др. В завершение сформулирован развёрнутый прогноз дальнейшего формирования и развития позитивных мотивационных отношений у потенциальных и реальных студентов конкретной образовательной организации.

Ключевые слова: студенты, мотивы, образовательные отношения, доминирующие факторы, периферийные факторы, структура мотивации

Интерес молодёжи к продолжению образования не ослабевает, несмотря на то, что государственная политика в сфере образования оставляет желать лучшего и что на протяжении вот уже без малого десятилетия государственные инвестиции в приумножение и развитие человеческого капитала сокращаются. По этому поводу в заключении экспертов РЭУ им. Г. В. Плеханова отмечается, что в период с 2011 по 2017 гг. бюджетные расходы на образование упали с 3,7 до 3,5 ВВП, но при этом расходы на оборону выросли с 2,5 до 3,1 ВВП [Копалкина 2017].

Не снизился интерес молодёжи к продолжению образования и в связи с ростом цен на платное (внебюджетное) образование, которое, как известно, было обусловлено неблагоприятными инфляционными процессами в финансово-экономической сфере государства. Наши недавние исследования в общеобразовательных организациях московского мегаполиса показали, что свыше 80% выпускников московских школ вопреки этим негативным тенденциям были мотивированы на поступление в вуз. Данные коллег также «свидетельствуют о весьма высокой степени мотивации молодёжи к образованию». Д. Л. Константиновский подтверждает приведённые нами данные тезисом о том, что «основная установка молодёжи, которая заканчивает обучение в школе, среднем специальном учебном заведении или профессиональном училище, техническом лицее и т. п. – продолжать обучение» [Константиновский 2016: 19, 18].

Механизм формирования мотивационных позиций – процесс неоднородный, полифакторный и носит как социальный, так и психологический характер. Термин «мотивация» представляет собой более широкое понятие, чем термин «мотив». Этим термином в современной психологии обозначаются как минимум два психологических явления:

а) совокупность побуждений, вызывающих активность и детерминирующих поведение индивида (куда входят потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и т. д.);

б) процесс формирования мотивов, характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определённом уровне. В социологии принято рассматривать мотивацию как осознанную потребность субъекта в достижении позитивных, удовлетворяющих его условий жизнедеятельности. Чтобы не проводить жёсткую демаркационную линию между двумя научными подходами, мы охарактеризовали этот феномен как социально-психологический. Сразу заметим, что в данной статье мы не ставили перед собой задачу провести теоретико-методологический анализ подходов

к проблеме мотивации. Тем паче, что с научно-теоретических позиций проблема эта была глубоко проанализирована в работах отечественных и зарубежных учёных-исследователей¹.

Ценностно-ориентационное сознание молодёжи, родившейся в конце XX – начале XXI вв., кардинально изменилось по сравнению с предшествующим поколением: позитивные установки на активную общественно-политическую деятельность сменились более индифферентными; заметно снизился престиж политической карьеры и власти. Выпускники школ в абсолютном большинстве ориентированы на получение высшего профессионального образования, а студенты ещё на начальной ступени обучения в вузе стремятся более обстоятельно подходить к вопросам построения своего профессионального будущего, карьеры.

Между тем, преобразования, происходящие в различных сферах жизнедеятельности человека и общества, детерминируют всё более новые, более конкретные требования к формированию образовательных отношений в вузе, к содержанию и качеству высшего образования. Для того, чтобы быть востребованным на рынке труда, современный выпускник высшего образовательного учреждения должен владеть специальными знаниями, конкретными компетенциями, ощущать потребность в успехе. В этой связи в процессе обучения в вузе необходимо прививать студентам интерес к познанию, к самостоятельной образовательной деятельности и непрерывному самообразованию, формировать критическое мышление, воспитывать культуру несогласия. Это важно для того, чтобы в дальнейшем выпускник вуза стал профессионалом, т. к. «профессии в нашем обществе занимают важное место, при любой сопоставимой степени развития исторически уникальные... занятия наукой и просвещением... и их применение происходят преимущественно в профессиональном контексте» [Парсонс 2015: 153,154]. И потому научно и практически значимым является вопрос анализа стимулов, установок, мотивов, которыми руководствуются абитуриенты, поступающие в вуз на первый курс бакалавриата, и студенты, решившие продолжить своё образование в магистратуре, выбирая конкретные направления подготовки.

¹ Выделим лишь некоторые из них: Рубинштейн С. Л. «Основы общей психологии»; Леонтьев А. Н. «Деятельность. Сознание. Личность»; А. Маслоу «Мотивация и личность»; Лазурский А. Ф. «Классификация личностей»; Асеев В. Г. «Мотивации поведения и формирование личности»; Божович Л. И. «Изучение мотивации поведения детей и подростков»; Шадриков В. Д. «Психология деятельности и способности человека»; И. Н. Ефимова «Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза»; Крылова М. Н. «Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза» и многие другие.

Методология исследования

Исследование, с основными итогами которого нам бы хотелось познакомить не только коллег-социологов, а также и представителей педагогического сообщества школ и вузов, выполнено в 2017 г. в рамках Государственной программы на среднесрочный период (2012–18 гг.) «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)». В выполнении этого государственного задания приняли участие научные сотрудники лаборатории мониторинга результатов научно-исследовательских работ и проектов и члены временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК)¹ Московского городского педагогического университета (МГПУ). Ещё одна из задач, которые нам хотелось бы решить в результате публикации данной статьи, это инициировать дискуссию в сообществе исследователей и научно-педагогических работников по рассматриваемым проблемам, т. к. «конкурентная дискуссия, критический диалог и т. п. ... на деле стремятся способствовать сочетанию и проверке знаний» [Бурдые 1994: 55].

Одной из ключевых целей выполнения данного научно-исследовательского проекта являлось определение взаимосвязей и взаимозависимостей, «ансамбля связей» [Бурдые 1994: 220] многообразных социальных и психологических мотивов, детерминирующих социально-познавательную деятельность абитуриентов и студентов-первокурсников различных ступеней образования.

Мотивы эти, как мы полагаем, играют ориентирующую и направляющую роль в решении вопросов получения обучающимися качественного образования в вузе как гуманитарно-педагогического, так и иного профиля.

В качестве основных задач исследования нами были выделены:

- определение доминирующих и периферийных («фоновых») мотиваций познавательного-интеллектуального, практико-ориентированного, коммуникативного и иного характера, анализ их взаимосвязей и взаимозависимостей, степени их влияния как на выбор абитуриентами конкретного вуза для продолжения образования, так и на выбор студентами бакалавриата и магистратуры первого года обучения предпочтительных для них направлений подготовки;

- разработка структуры мотивации абитуриентов на поступление и структуры образовательных мотиваций студентов;

¹ В сборе и обработке социологической информации наряду с авторами участвовали Л. Г. Лигай, В. В. Земченкова, А. А. Сахно и др.

– разработка спектра предложений и рекомендаций по совершенствованию образовательных отношений в вузе и формированию устойчивой мотивации на получение качественного образования у студентов-первокурсников бакалавриата и магистратуры в вузе гуманитарно-педагогического профиля.

Методика проведения исследования предполагала использование метода научно-теоретического анализа научных публикаций по исследуемой проблеме, аналитических, обзорных и иных материалов; социолого-диагностических методов сбора социологической информации (наблюдение, анкетирование, интервьюирование); статистической обработки эмпирических данных; контент-анализа; метода квантификации социологической информации и др. В данном исследовании анкетирование проводилось в электронном формате.

Мы полагаем, что на формирование мотивационных позиций обучающихся оказывает влияние спектр факторов (мотивов), детерминирующих структуру образовательной мотивации (СОМ). Причём, в зависимости от социально-демографических и иных характеристик конкретных категорий (групп) студентов, от факторов (мотивов), которым акторы образовательных отношений отдают наибольшее или наименьшее предпочтение, структура эта может в определённых диапазонах видоизменяться.

Выборочная обследованная совокупность, включая контрольную группу абитуриентов, подавших в период приёмной комиссии документы на поступление, составила 1972 респондента. Выборка носила случайный, стратифицированный характер. В неё вошли студенты бакалавриата и магистратуры первого года очной формы обучения. Доля респондентов первой группы составила 76% от всего контингента обучающихся по программе бакалавриата (по состоянию на 24.04.17); доля второй группы информантов – 68% от всего контингента магистрантов указанной категории. Исследование, по нашему мнению, позволило получить репрезентативный, валидный массив социологической информации. Это, в свою очередь, дало возможность осуществить аналитическую функцию, сформулировать научно и практически обоснованные выводы и предложения.

В связи со спецификой вуза (гуманитарно-педагогический профиль), абсолютное большинство респондентов представляли девушки (свыше 80%). Фактически равной была доля участников исследования по возрастным параметрам: от 17 до 19 лет (49%), старше 19 лет (50%).

Небезынтересным для дальнейшего корреляционного анализа был вопрос о том, работают ли (или работали) в сфере образования близкие родственники информантов (см. таблицу 1).

Таблица 1

Связь деятельности близких родственников с образовательной сферой, %

Категория респондентов	Родственники работают (работали) в сфере образования	Родственники работают в других сферах
Абитуриенты	55	45
Студенты бакалавриата	41	49
Студенты-магистранты	49	51

Постановка этого вопроса была обоснована также нашим предположением о том, что студенты, чьи близкие родственники в настоящее время (или в прошлом) связаны с образовательной сферой, наиболее мотивированы на обучение в гуманитарно-педагогическом вузе.

Характер мотивационных отношений

Контент-анализ и квантификация массива неформализованных ответов респондентов на открытый, прожективный вопрос о том, что может сделать вуз более привлекательным (по сравнению с другими, близкими по профилю обучения) в плане поступления и продолжения образования в нём, позволил сформировать обобщённые спектры мотивационных отношений конкретных групп респондентов (см. таблицу 2). В данном случае открытый вопрос, по нашему мнению, снижает степень навязывания «опрашиваемому проблемы спрашивающего» [Бурдые 2005: 12].

Таблица 2

Спектр мотивационных отношений респондентов к обучению в вузе, %

Характеристика отношений	Абитуриенты	Обучающиеся по программе бакалавриата	Обучающиеся по программе магистратуры
Конструктивно-прагматические	95	79	84
Пассивно-уклончивые	–	14	9
Конформистско-оптимистические	5	6	6
Неконструктивно-пессимистические	–	1	1

Под конструктивно-прагматическими нами понимаются такие отношения, при которых акторы этих отношений, а в нашем случае и респонденты, формулируют конкретные предложения, направленные на повышение качества, потенциала образовательного процесса во всех его проявлениях. С нашей точки зрения, подобная позиция участников образовательных отношений могла бы способствовать формированию у них более устойчивой мотивации на поступление и обучение по конкретной образовательной программе в данном вузе.

Пассивно-уклончивые мотивационные отношения проявляются в основном в уклонении респондентов от формулирования конкретных предложений.

К конформистско-оптимистическим были отнесены такие позиции информантов, в которых они полностью принимают и одобряют сложившиеся в вузе образовательные отношения, ничего не предлагая по их модернизации.

Неконструктивно-пессимистические отношения характеризуются полным отрицанием возможности что-либо изменить в образовательном процессе, функционирующем в вузе.

Мы полагаем, что пассивно-уклончивые и неконструктивно-пессимистические мотивационные отношения не будут способствовать формированию у участников образовательных отношений более устойчивой мотивации к поступлению и обучению по конкретной образовательной программе в данном вузе. Конечно же, приведённая типология мотивационных отношений не является окончательной и требует проведения дополнительных исследований, сфокусированных на этом аспекте проблемы.

Мотивы выбора вуза, направлений подготовки

Прежде чем акцентировать внимание на основных факторах, побудивших респондентов выбрать конкретный вуз и определённое направление подготовки, нам бы хотелось развеять некоторые «мифы» о том, что поступающие в вуз руководствуются чуть ли не в первую очередь удобным месторасположением вуза, что при выборе будущей профессии на них оказывают очень серьёзное влияние учителя школ и профориентационная работа в них.

Данные, которые мы получили в результате исследования, указывают на то, что «удобное месторасположение вуза» в качестве значимого фактора как мотива при выборе вуза назвали 26% абитуриентов, 29% обучающихся по программе бакалавриата и 19% – по программе магистратуры. Тот факт, что на их решение оказало влияние мнение учителей школ, подтвердили 11% абитуриентов и 10% студентов бакалавриата, а влияние профориентационной работы в школе отметили 4 и 5% соответственно. С нашей точки зрения, приведённые данные могут свидетельствовать, говоря корректно, о недостаточно высоком потенциале работы по профориентации в сфере гуманитарно-педагогического образования в общеобразовательных школах мегаполиса. Наш вывод подтверждается также тем, что всего лишь треть информантов-абитуриентов отметили в своих ответах, что школа помогла им в выборе будущей профессии. Между тем, 49% респондентов данной категории отрицательно ответили на этот вопрос.

Однако, как показал последующий анализ, и работа вуза по профессиональной ориентации учащихся школ города, к сожалению, оставляет желать лучшего. О том, что выездной День открытых дверей проводился преподавателями вуза в образовательных учреждениях, которые они закончили, подчеркнули всего лишь 6% студентов бакалавриата, а 90% респондентов этой категории отметили, что подобные мероприятия в их школах не проводились. В свою очередь, только 3% абитуриентов, принявших участие в анкетировании, указали, что информацию о вузе они получили при посещении выездных Дней открытых дверей в своих школах. Мы полагаем, что, как выездные Дни открытых дверей, так и Дни открытых дверей, проводимые в стенах вуза его учебными структурными подразделениями, не оказывают существенного влияния на формирование мотивационных позиций потенциальных и реальных студентов и далеко не в полной мере решают задачи, которые перед ними были поставлены. Всего лишь 13% абитуриентов отметили, что на принятие ими решения подать документы в данный вуз оказали влияние Дни открытых дверей и преподаватели вуза. Менее трети сегодняшних студентов-первокурсников бакалавриата (29%) и 31% магистрантов первого года обучения указали, что посещали Дни открытых дверей, организованные вузом.

Возникают закономерные вопросы: какие мотивы выбора конкретного вуза, направления подготовки, заинтересовавшего участников настоящего исследования, могут для них являться ведущими? Какие факторы могут в первую очередь формировать мотивационную структуру на поступление в вуз? Основными мотивами выбора данного вуза и направления подготовки респонденты назвали свой самостоятельный выбор, возможность обучения на бюджетной основе, государственный статус вуза и высокое качество образования (у абитуриентов выбор основывался на отзывах друзей и знакомых). Дифференцированные данные о степени значимости конкретных мотивов для той или иной категории респондентов представлены в таблице 3. В данном случае за базисные позиции были приняты мотивы абитуриентов.

Таблица 3

Спектр ведущих мотивов выбора данного вуза, %

Мотивы	Абитуриенты	Студенты бакалавриата	Магистранты
Мой самостоятельный выбор	78	58	63
Возможность обучения на бюджетной основе	72	43	50
Государственный статус вуза	47	32	26
Высокое качество образования	40	15	32

Наряду с ведущими, спектр побуждений включал в себя и ряд получивших меньшее число выборов, «второстепенных» мотивов, как например, «интерес к профессии, специальности», «привлекает работа педагога», «большой выбор направлений подготовки», «совет родителей, близких, друзей, знакомых», «приемлемая стоимость обучения».

Последующие анализ, синтез, квантификация полученной социологической информации дали возможность, предварительно сгруппировав комплекс мотивов, которыми руководствовались респонденты при поступлении в вуз (в том числе и в магистратуру), разработать структуру мотивации на поступление в вуз (см. таблицу 4). Процентные показатели в представленной таблице отражают значимость (весомость) для информантов конкретной группы мотивирующих факторов.

Таблица 4

Структура мотивации на поступление в вуз, %

Группа мотивирующих факторов	Абитуриенты	Студенты бакалавриата	Магистранты
Содержательного характера	56	24	28
Социального и организационного характера	32	25	25
Социально-психологического характера	29	24	23
Информационного характера	20	22	17

В группу мотивирующих факторов содержательного характера вошли, к примеру, «интерес к профессии», «получение современного и качественного образования», «интерес к специальности», «получение новых знаний по интересующей специальности» и ряд других.

Группа факторов социального и организационного характера включала в себя, в частности, «доступность обучения на бюджетной основе», «перспективы трудоустройства по окончании вуза», «престиж вуза», «государственный статус вуза», «возможность обучения на бюджетной основе» и т. п.

Социально-психологический характер мотивирующих факторов нашёл своё отражение в следующих позициях: «самостоятельный выбор», «совет родителей, друзей, знакомых», «получение диплома о высшем образовании», «совет преподавателей вуза» и т. п.

Информационный характер мотивирующих факторов проявился в том, из каких наиболее востребованных источников черпали респонденты информацию о вузе, например, сайт вуза, социальные сети, Дни открытых дверей и др.

По характеру образовательных побуждений обучающихся, мотивационные позиции нередко подразделяются на познавательно-интеллектуальные, практико-ориентированные,

социально-бытовые, организационно-технические, организационно-личностные, коммуникативные, прагматические, внутриличностные и др.

В более общем виде мотивационные позиции субъекта или половозрастной, профессиональной и иной группы могут характеризоваться как доминирующими, так и периферийными («фоновыми») факторами. Данный подход позволил сформировать структуру образовательной мотивации (СОМ) для студентов, обучающихся по программе бакалавриата, и для магистрантов (см. таблицу 5).

Структура образовательной мотивации обучающихся в вузе может быть представлена следующим образом (факторы и мотивационные позиции/побуждения представлены в порядке убывания их значимости/весомости).

Таблица 5

Структура образовательной мотивации обучающихся, %

Факторы образовательной мотивации	Студенты бакалавриата	Магистранты
Доминирующие	51	60
<i>Содержание, качество образовательного процесса</i> (практико-ориентированный характер мотивационных позиций: «больше практики в учебном процессе»)	27	38
<i>Предметная область</i> (познавательный-интеллектуальный характер мотивационных позиций: «образование должно стать более современным, проектным, качественным, интерактивным, творческим»; «больше внимания к профильным предметам по специальности»; «сокращение (исключение из) в образовательной (учебной) программе общеобразовательных дисциплин, не интересных «сухих, бесполезных» предметов»)	27	20
<i>Организация образовательного процесса</i> (организационный характер мотивационных позиций: «разработка (составление) корректного расписания»; «снижение учебной нагрузки, объёма домашнего задания»; «рациональное распределение учебного и внеучебного времени»)	25	21
<i>Кадровый (научно-педагогический) потенциал образовательного процесса</i> (познавательный-коммуникативный характер мотивационных позиций: «совершенствование преподавательского состава, привлечение к преподаванию известных, интересных педагогов, экспертов, молодых преподавателей»; «увольнение неквалифицированных педагогов»; «формирование лояльного, уважительного, объективного отношения к студентам»; «улучшение качества преподавания»)	21	21

Продолжение таблицы 5

Факторы образовательной мотивации	Студенты бакалавриата	Магистранты
Периферийные, «фоновые»	28	24
<i>Материально-техническое сопровождение (обеспечение) образовательного процесса (организационно-технический характер мотивационных позиций: «современное техническое оснащение аудиторий»)</i>	25	22
<i>Совершенствование административно-управленческой деятельности, структур управления вуза (организационно-управленческий характер мотивационных позиций: «изменение условий приёма, в т. ч. увеличение бюджетных мест, снижение платы за обучение»; «совершенствование стиля (форм и методов) работы со студентами, больше внимания к студентам, в том числе в плане их информирования»; «поступательное развитие университета, повышение его престижности, известности, популярности»)</i>	24	45
<i>Развитие (совершенствование) студенческой жизни, досуга обучающихся (коммуникативный характер мотивационных позиций: «расширение спектра студенческих мероприятий»)</i>	23	4
<i>Личностный (внутриличностный характер мотивационных позиций)</i>	16	22
<i>Совершенствование социально-бытовых условий (социально-бытовой характер мотивационных позиций: «улучшение санитарно-гигиенических и других условий в блоках питания: студентам нужна чистая, удобная, дешёвая столовая/буфет»; «совершенствование материального обеспечения студентов (достойная стипендия»)</i>	12	7

Представленная структура образовательной мотивации, конечно же, не является догмой, чем-то окончательным и неоспоримым. В ней, во-первых, нашла отражение специфика вуза гуманитарно-педагогического профиля. И что самое важное: представляя данную структуру, мы видели свою задачу в освещении методических подходов к изучению проблемы мотивационных отношений.

На данном этапе мы рассмотрели ключевые моменты анализа формирования мотивационных отношений. В целом же анализ охватывал более широкий спектр вопросов, характеризующих процесс функционирования и развития образовательных отношений в вузе. Далее, руководствуясь классической формулой социологического познания – анализ, диагноз, прогноз, сформулируем основные позиции диагноза исследуемой проблемы.

Диагноз

С научно-практической точки зрения, феномен процесса формирования мотивационных позиций обучающихся и структуры образовательной мотивации студентов было бы некорректно рассматривать как нечто устоявшееся и закреплённое в пространстве и во времени. Социально-психологический характер мотивации говорит о непосредственном, определяющем влиянии на этот процесс микро- и макро-, внешних и внутренних факторов и условий.

Социально-демографические характеристики респондентов выборочной обследованной совокупности в целом отражают социально-демографические характеристики генеральной совокупности – всех студентов бакалавриата и магистратуры первого года очной формы обучения. Это даёт основания говорить о репрезентативности, объективности, достоверности и валидности социологических данных, полученных в результате исследования.

Многофакторный анализ полученной социологической информации показал, что наиболее значимыми побуждающими факторами, повлиявшими на выбор абитуриентами конкретного вуза, выступили: самостоятельный выбор; возможность обучения на бюджетной основе; интересная образовательная программа, высокое качество преподавания; государственный статус вуза; удобное месторасположение института; меньший конкурс, чем в другие вузы.

В то же время к факторам, оказавшим наименьшее влияние на выбор вуза, в первую очередь следует отнести Дни открытых дверей, проводимые преподавателями вуза на своей территории и в школах города; советы учителей, рекомендации преподавателей; учёбу в профильных классах, профориентационную работу школы и вуза.

Не оказали серьёзного мотивационного воздействия на респондентов общегородские мероприятия, посвящённые образованию и отражающие преимущества обучения в конкретных вузах столицы. Абсолютное большинство (81%) будущих студентов-бакалавров не посещали ни выставку «Образование и карьера», ни «Московский день профориентации».

Ведущими мотивами, побудившими бакалавров-первокурсников поступить именно в данный вуз, выступили: «получение знаний по интересующей специальности»; «получение диплома о высшем образовании, утверждение в качестве дипломированного специалиста». Такие позиции, как «стать выпускником престижного гуманитарно-педагогического вуза», «повысить свой социальный статус» оказались для них наименее значимыми.

Анализ полученной информации показал, что наиболее значимыми побуждающими факторами, повлиявшими на выбор абитуриентами конкретного вуза, выступили: самостоятельный выбор; возможность обучения на бюджетной основе; интересная образовательная программа, высокое качество преподавания; государственный статус вуза; удобное месторасположение института; меньший конкурс, чем в другие вузы.

Известно крылатое выражение – «проинформирован – значит вооружён». Мы уверены, что информационный фактор может оказывать определённое влияние на формирование мотивационных позиций. В данном случае респонденты были более проинформированы преподавателями учебных структурных подразделений вуза о том, как организована студенческая жизнь в университете; как будет проходить учебный процесс (предметы, формы и методы обучения). В меньшей степени до бакалавров первого года обучения была доведена информация о преимуществах, которые даёт учёба в вузе при трудоустройстве по окончании вуза.

В свою очередь, значительное большинство респондентов-магистрантов было информировано о том, какие направления исследований могут быть ими выбраны в рамках подготовки выпускной квалификационной работы; какие преимущества даёт учёба в магистратуре вуза; как будет организован учебный процесс (предметы, формы и методы обучения).

В ходе исследования выявлен ряд факторов, затрудняющих образовательный процесс и оказывающих определённое негативное влияние на формирование мотивационных позиций обучающихся (см. таблицу 6).

Таблица 6

Факторы, затрудняющие образовательный процесс, %

Факторы	Студенты бакалавриата	Магистранты
Неумение хорошо планировать своё время	45	29
Чрезмерная учебная нагрузка	32	16
Не вполне удовлетворительное качество преподавания ряда дисциплин	24	17
Недостаточная подготовка, полученная ранее	21	19
Не всегда корректное отношение к обучающимся некоторых преподавателей и сотрудников вуза	21	7
Недостаточно практико-ориентированных занятий	19	18
Неудовлетворительная организация учебного процесса	–	18

Корреляционный анализ, проведённый в рамках исследования, позволил выявить корреляцию высокой силы по ряду позиций, детерминирующих формирование мотивационных отношений респондентов (см. таблицу 7).

Для определённого, относительно небольшого по сравнению с генеральной и даже выборочной обследованной совокупностью контингента респондентов (как студентов бакалавриата, так и магистрантов) характерен «синдром» дефицита формирования мотивационных образовательных позиций. Данный «синдром» отражается в пассивно-уклончивых, конформист-

ско-оптимистических, неконструктивно-пессимистических позициях информантов относительно вопросов функционирования, развития и модернизации содержания и организации образовательных отношений в вузе.

Таблица 7

Корреляция высокой силы, коэффициент корреляции

Позиции	Студенты бакалавриата	Магистранты
Выбрали педагогический профиль обучения – работа родителей и/или близких родственников в сфере образования	0,89	–
Выбрали педагогический профиль обучения – планируют в дальнейшем работать в школе/колледже	0,93	0,95
Мотивировавшие своё поступление в вуз тем, что хотят получить диплом о высшем образовании (стать дипломированным специалистом); считают, что диплом позволит найти им работу, которая бы их устраивала	0,99	–
Планируют после окончания обучения заниматься педагогической деятельностью в школе/колледже – работа родителей и/или близких родственников в сфере образования	–	0,96
Наиболее важное качество современного преподавателя – умение объединить теорию и практику; мотив поступления в магистратуру – получить не только теоретические, но и практические знания по специальности	–	0,95

У нас есть достаточно оснований предполагать, что на данном этапе нами «поставлен» достаточно полный и вполне обоснованный диагноз состоянию проблемы формирования мотивационных отношений, позиций у представителей конкретных категорий обучающихся. Поэтому мы вправе перейти к прогнозу дальнейшего формирования и развития позитивных мотивационных отношений у потенциальных и реальных студентов конкретной образовательной организации – вуза гуманитарно-педагогического профиля.

Прогноз

Процесс формирования, укрепления мотивационных отношений следует, с нашей точки зрения, рассматривать как процесс, постоянно функционирующий и развивающийся. Для диалектики развития этого процесса характерно то, что под влиянием внешних и внутренних, доминирующих, периферийных («фоновых») и иных факторов мотивации процесс

этот может трансформироваться, видоизменяться, ускоряться и/или замедляться, приобретать позитивный и/или негативный характер.

Между тем, бесспорным является тот факт, что каждый вуз заинтересован в привлечении в свои аудитории оптимального числа мотивированных на обучение студентов и в итоге – выпуске абсолютного большинства дипломированных специалистов, профессионалов. При этом, как подчёркивал Т. Парсонс, «профессионал мыслится не как вовлечённый в погоню за личной выгодой, а как выполняющий услуги для своих пациентов или клиентов или ради безличных ценностей, таких как развитие науки» [Парсонс 2015: 155].

Для решения этой задачи образовательной организации в целом, её административно-управленческим структурам и конкретным учебным подразделениям следовало бы первостепенное внимание уделить вопросам разработки краткосрочной (на один–три года) вузовской политики, её стратегии и тактики, направленной на формирование и укрепление позитивной образовательной мотивации на обучение в вузе. Эта политика, с нашей точки зрения, должна носить комплексный характер. При этом она не должна терять из поля зрения «человеческое измерение», чтобы общее никогда не заслоняло собой частное и индивидуальное. Стратегия вузовской политики, направленная в данном случае на формирование устойчивой позитивной образовательной мотивации на поступление и обучение в вузе, призвана дать ответ на вопрос: «Что делать?». В свою очередь тактика деятельности в данном направлении могла бы содержать ответы на вопросы – «Как? Когда? В каких направлениях следует осуществлять эту деятельность?».

Можно спрогнозировать, что если своевременно не будут предприняты определённые шаги в данном направлении, то вуз в целом и входящие в него конкретные учебные подразделения рискуют не выполнить план по набору (приёму) обучающихся на первые курсы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры очной формы обучения по ряду направлений подготовки.

В целях формирования и укрепления образовательной мотивации (поступления и обучения в вузе) по программам бакалавриата и магистратуры мы бы предложили разработать новый формат проведения Дней открытых дверей (ДОД) с учётом запросов и интересов будущих студентов-бакалавров и магистрантов. При этом следовало бы размещать на сайте вуза и на стендах объявления не только о дате проведения ДОД, но и о его программе и участниках (представителях факультетов, кафедр и т. п.).

Научно-педагогические работники учебного подразделения могли бы разработать график проведения выездных Дней открытых дверей, например, с февраля по апрель включительно, который бы утверждался и контролировался руководителем этого подразделения.

Научно-педагогические работники учебного подразделения могли бы разработать график проведения выездных Дней открытых дверей, например, с февраля по апрель включительно, который бы утверждался и контролировался руководителем этого подразделения.

При проведении выездных Дней открытых дверей имело бы смысл осуществлять дифференцированный подход при разработке сценария проведения ДОД: для учащихся выпускных (старших) классов школ; для педагогов (учителей) школ; для родителей учащихся старших (9–10 классов) и выпускных классов. В этой связи состав делегаций представителей вуза, которые должны будут встречаться с конкретной категорией участников со стороны общеобразовательной организации, должен иметь определённые отличительные особенности. К примеру, на выездные Дни открытых дверей, организуемые для учащихся выпускных (старших) классов школ, было бы целесообразным включать в состав вузовской делегации молодых (не старше 35 лет) преподавателей, а также студентов бакалавриата старших курсов (студентов-волонтёров), подготовленных для участия в таких мероприятиях. Мы считаем, что было бы более продуктивным проводить ДОД в формате диалога. Для этого должен быть проработан детальный сценарий таких встреч, подготовлены наводящие, «провоцирующие», способствующие дискуссии вопросы.

С целью укрепления образовательной мотивации обучающихся, вузу имело бы смысл изучить вопросы о целесообразности подразделения курсов бакалавриата и/или магистратуры на «педагогические, научно-исследовательские, практико-ориентированные» и о возможности организации обязательной зарубежной стажировки для наиболее успешных студентов, обучающихся по программе бакалавриата и магистратуры. В первую очередь это имеет отношение к студентам, учёба которых связана с изучением иностранных языков.

Назрела, на наш взгляд, потребность в разработке программы элективного курса или курса по выбору по тайм-менеджменту – умению оптимально планировать своё время. Этот курс был бы полезен для студентов всех ступеней и курсов обучения.

В целях финансовой привлекательности обучения бакалавров и магистрантов на платной (внебюджетной) основе и минимизации финансовой напряжённости у студентов и их семей, оплачивающих обучение, рекомендуется рассмотреть вопрос о введении поэтапной оплаты в течение семестра (в два–три транша) за обучение по программам бакалавриата и магистратуры для определённого контингента обучающихся (к примеру, студенты из многодетных и малоимущих семей).

Мы уже отмечали значимость для формирования позитивной мотивации на поступление и обучение в вузе информационной составляющей. В данном случае было бы не лишним написать сценарии и на их основе подготовить к старту работы приёмной комиссии вуза рекламные видеоролики под условными названиями: «Почему стоит поступать в наш вуз?», «Вы сделаете правильный выбор, если поступите в наш вуз»,

В целях финансовой привлекательности обучения бакалавров и магистрантов на платной основе и минимизации финансовой напряжённости у студентов и их семей, оплачивающих обучение, рекомендуется рассмотреть вопрос о введении поэтапной оплаты в течение семестра (в два–три транша).

«Основные фрагменты из жизни нашего вуза», «Несколько эпизодов из жизни нашего вуза». Эти видеоматериалы могли бы демонстрироваться на Днях открытых дверей, проводимых как в вузе, так и в общеобразовательных организациях, а также в социальных сетях.

В период активной фазы работы приёмной комиссии вуза определённый интерес у абитуриентов могли бы вызвать встречи-диалоги с руководителями, заместителями руководителей по учебной работе, кадровыми и/или молодыми преподавателями, а также со студентами, особенно тех учебных структурных подразделений, где есть риск невыполнения плана набора обучающихся. Основными темами таких бесед (диалогов) могли бы стать, например, темы предложенных выше рекламных роликов и т. п.

При приёме в вуз, а также в процессе обучения следовало бы обратить более пристальное внимание на абитуриентов и студентов, чьи родители и/или близкие родственники работают (работали) в сферах, близких к профилю вуза.

Политика вуза в сфере формирования позитивных мотивационных позиций молодёжи, мы полагаем, должна непременно включать в себя систематическое проведение комплекса мониторинговых социологических исследований. Поскольку разовыми, спорадическими исследованиями вряд ли возможно выявить оптимальный спектр проблем, факторов, влияющих позитивно и/или негативно на формирование мотивационных позиций студенческой молодёжи. Основной акцент в этих исследованиях должен быть сделан на изучении проблемных зон и болевых точек в образовательных отношениях, функционирующих и развивающихся в вузе. В качестве участников этих исследований могли бы выступить как обучающиеся, так и научно-педагогические работники вуза.

На постсоветском этапе социально-экономического развития государства российского молодёжь выступает одним из важнейших объектов и субъектов этого развития. Задача общества – как можно более эффективно формировать, развивать и использовать те ресурсы, которыми располагает молодое поколение. Формирование и развитие этих ресурсов должно осуществляться в первую очередь за счёт повышения уровня образования молодёжи. При этом ведущую роль здесь может и призвано играть качественное высшее профессиональное образование.

Библиографический список

Асеев В. Г. 1976. Мотивации поведения и формирование личности. М.: Просвещение. 158 с.

Божович Л. И. 1972. Изучение мотивации поведения детей и подростков. М.: Педагогика. 352 с.

Политика вуза в сфере формирования позитивных мотивационных позиций молодёжи, мы полагаем, должна непременно включать в себя систематическое проведение комплекса мониторинговых социологических исследований.

Боровский В. М. 1927. Введение в сравнительную психологию. М.: Работник просвещения. 268 с.

Бурдые П. 1994. Начала / Пер. с фр. Шматко Н. А. М.: Socio-Logos. 288 с.

Бурдые П. 2005. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии. М.: Праксис. С. 9–13.

Гуськова Н. Д., Краковская И. Н. 2010. Инвестиции в человеческий капитал вуза: организационный аспект // Проблемы теории и практики управления. № 5. С. 53–58.

Ефимова И. Н. 2012. Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4 (1). С. 19–25.

Константиновский Д. Л. 2016. Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования // Вестник Института социологии. № 19. С. 13–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>.

Копалкина Е. Эксперты оценили долю бесполезных для экономики госрасходов в 70% // URL: http://www.rbc.ru/economics/13/10/2017/59dfa8f89a79471a6bc8a307?utm_source=pushc [Дата посещения: 17.12.17].

Крылова М. Н. 2013. Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза // Перспективы науки и образования. № 3. С. 86–95.

Лазурский А. Ф. 2000. Классификация личностей // Психология индивидуальных различий. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: АСТ. С. 472–491.

Леонтьев А. Н. 2005. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. Серия: Высшее образование. М.: Смысл, Академия. 352 с.

Маслоу А. 2017. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2017. 478 с.

Мельник Е. В., Боровская Н. И. Ведущий тип мотивации при выборе профессиональной деятельности спортивного психолога и тренера // Материалы международного психолого-педагогического симпозиума памяти профессора В. А. Родионова (26 апреля 2017 года). М.: Новая книга, 2017. С. 89–94.

Мормужева Н. В. 2013. Мотивация обучения студентов профессиональных учреждений // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф. (Челябинск, декабрь 2013 г.). Челябинск: типография «Два комсомольца». С. 160–163.

Немов Р. С. 2003. Психология: Учебник. В 3 кн. 4-е изд. М.: ВЛАДОС. 688 с.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова и др. М.: ЦСП, 2015. 232 с.

Орлов Ю. М. 2006. Оздоровляющее мышление. Издание 2-е, М.: Спайдинг. 90 с.

Парсонс Т. 2015. Профессии и социальная структура / Пер. с англ. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. РЖ. Сер. 11: Социология. М.: ИНИОН РАН. № 4. С. 153–170.

Рубинштейн С. Л. 2000. Основы общей психологии. СПб: Питер. 712 с.

Шадриков В. Д. 1996. Психология деятельности и способности человека: Уч. пос. 2-е изд. М.: Логос. 320 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.511

College Students' Motivational Attitudes in the Educational Field

Zhukotskaya Alexandra Vassilievna

Doctor of philosophical sciences, professor, head of the Department of philosophy and social sciences, Moscow Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: azhuk1@mail.ru

Vasilyev Igor Arkadievitch

Candidate of philosophical sciences, associate professor, Head of the laboratory of monitoring results of research works and projects, Moscow Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: via0707@mail.ru

Abstract. The post-Soviet generation of youths dramatically differs from the previous generation. They are not the same people. Youths now live in different conditions, they have different values and behavioral motives. Despite unfavorable socio-economic conditions, which have been prevalent in our country for the past few years, the young generation's interest in further pursuing education has not withered. As shown earlier by studies we conducted, over 80% of Moscow's school graduates were very much motivated to apply for college. Meanwhile certain transformations occurring within the lives of individuals and society in general (as well as an evolving labor market) lead to the emergence of ever more specific demands to college educational relations, and to the content and quality of higher education. This study, the key results of which are covered in this article, was conducted in 2017 within a state-coordinated medium term (2012–2018) Moscow city program called "Educational development in Moscow city" ("capital education"). The goal for this research project was to define the interconnections and interdependences, as well as multiple social and psychological motives which determine the social-cognitive activities of college applicants and freshmen students of various educational stages and profiles. The researchers saw their purpose in defining the dominant and peripheral ("background") factors for motivation of cognitive-intellectual, practice-oriented, communicative or any other nature; analyzing the degree to which they affect college applicants' choice of school, as well as choice among bachelor and master course students for their preferred training fields during their first year of study; developing a structure for students' educational motivations. The amount of respondents which partook in the study is N = 1972. This was a random sample. Meanwhile the proportion of surveyed bachelor course students on their first year of study amounted to 76% of the general totality for this specific category of students (as of April 24th 2017); the proportion of surveyed first year master course students for that same period amounted to 68% of the general totality for that category of students. The spectrum of motivational attitudes among respondents, in terms of their college education, can be divided into

constructive-pragmatic, passive-evasive, conformist-optimistic and unconstructive-pessimistic. The most significant motivating factors which affected applicants' choice of college are as follows: independent choice; possibility to receive a scholarship; interesting educational program, high-quality tuition; state college status, and a handful of others. During the course of the study we determined a complex of factors which hamper the education process and have a certain negative influence on the formation of students' motivational standings: inability to effectively plan time; excessive study load; insufficient quality when it comes to teaching certain subjects, etc. In conclusion, a comprehensive forecast was formulated for the further shaping and development of positive motivational attitudes among potential and active students of specific educational institutions.

Keywords: students, motives, the educational relations, the dominating factors, peripheral factors, structure of motivation.

References

Aseev V. G. Motivatsii povedeniya i formirovanie lichnosti [Motivations of behavior and formation of the personality]. M.: Prosveschenie. 1976. 158 p. (in Russ.).

Borovskiy V. M. Vvedenie v sravnitel'nyuyu psikhologiyu [Introduction to comparative psychology]. Rabotnik prosvescheniya. 1927. 268 p. (in Russ.).

Bourdieu P. Nachala [Beginnings]. Moscow, Sozio-Logos, 1994. 288 p. (in Russ.).

Bourdieu P. Vvedenie v sotsiologiyu sotsial'nykh nauk: ob"ektivatsiya sub"ekta ob"ektivatsii [Introduction to sociology of social sciences: objectivation of objectivation's subject]. Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoy perspektive. Moscow, Praxis, 2005, pp. 9–13. (in Russ.)

Bozhovich L. I. Izuchenie motivatsii povedeniya detey i podrostkov [Studying of motivation of children and teenagers behavior]. Moscow, 1972. 352 p. (in Russ.).

Efimova I. N. Sotsiologichesky analiz rynka obrazovatel'nykh uslug s tsel'yu vyiavleniya motivatsii abiturientov 2011 goda pri vybore vuza [The sociological analysis of education market for identification of motivation of entrants of 2011 at the choice of higher education institution]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2012, no 4 (1), pp. 19–25 (in Russ.).

Gus'kova N. D., Krakovskaya I. N. Investitsii v chelovecheskiy kapital vuza: organizatsionny aspekt [Investments into the human capital of higher education institution: organizational aspect]. Problemy teorii i praktiki upravleniya, 2010, no 5, pp. 53–58 (in Russ.).

Konstantinovskiy D. L. Formirovanie orientatsiy molodyozhi v sfere obrazovaniya [The Formation of Youths' Attitudes in the Educational Field]. Vestnik Instituta sotziologii, 2016, no 4 (19), pp. 15–24. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427> (in Russ.).

Kopalkina E. Experty otsenili doliu bespoleznykh dlia ekonomiki gosrashodov v 70% [Experts have estimated a share of state expenditure, useless for economy at 70 percents]. RBC Official website. URL: http://www.rbc.ru/economics/13/10/2017/59dfa8f89a79471a6bc8a307?utm_source=pushc [date of visit: 17.12.17] (in Russ.).

Krylova M. N. Sposoby motivatsii uchebnoy deyatelnosti studentov vuza [Ways of motivation of students' educational activity]. Perspektivy nauki i obrazovaniya, 2013, no 3, pp. 86–95 (in Russ.).

Lazurskiy A. F. Klassifikatsiya lichnostey [Classification of persons]. Psihologiya individual'nykh razlichiy. Khrestomatiya po psikhologii. Ed. by Y. B. Gippenreyter, V. J. Romanova. Moscow, Izd, 2000, pp. 472–491 (in Russ.).

Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Seriya: Vysshee obrazovanie. Moscow, Smysl, Akademiya, 2005. 352 p. (in Russ.).

Maslow A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. Saint-Petersburg, Piter, 2017. 478 p. (in Russ.).

Mel'nik E. V., Borovskaya N. I. Veduschiy tip motivatsii pri vybore professional'noy deyatelnosti sportivnogo psikhologa i trenera [The leading type of motivation at the choice of professional activity of the sports psychologist and

coach]. Materialy mezhdunarodnogo psikhologo-pedagogicheskogo simpoziuma pamiati professora V. A. Rodionova (26.04.2017). Moscow, Novaya kniga, 2017, pp. 89–94 (in Russ.).

Nemov R. S. Psikhologiya [Psychology]. Moscow, VLADOS, 2003. 688 p. (in Russ.).

Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodiozhi: 50 let issledovaniya [New meanings in the educational strategy of youth: 50 years of a research]. Moscow, TSSP, 2015. 232 p. (in Russ.).

Orlov Y. M. Ozdoravlivayushee myshlenie [The revitalizing thinking]. Second edition. Moscow, Spayding, 2006. 90 p. (in Russ.)

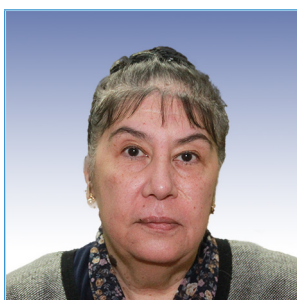
Parsons T. Professii i sotsial'naya struktura [Professions and social structure]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. RZh. Ser. 11: Sotsiologiya. Moscow, ISSS RAS publ., 2015, no 4, pp. 153–170 (in Russ.).

Rubinshteyn S. L. Osnovy obschey psikhologii [Fundamentals of the general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2000. 712 p. (in Russ.).

Shadrikov V. D. Psikhologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka [Psychology of activity and ability of the person]. Second edition. Moscow, Logos, 1996. 320 p. (in Russ.).

Социальные слои и группы: установки и действия

Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих

Караханова Татьяна Муртазаевна –
кандидат экономических наук,
руководитель сектора изучения повседневной
деятельности и бюджета времени,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Большакова Ольга Александровна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.512

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования реального поведения рабочих в сфере бытовой деятельности в домохозяйстве, где формируется существенная часть всей трудовой нагрузки рабочего. В качестве эмпирической базы анализа использовались данные комплексного исследования повседневной деятельности рабочих (включая информацию о бюджете времени), проведённого в 2014 г. на промышленных предприятиях в пяти областных центрах РФ (Брянск, Владимир, Киров, Омск, Псков). Определена степень субъективной важности бытовой деятельности и различных видов входящих в неё занятий. Выявлены её объём и структура, выраженные в показателях времени, факторы, влияющие на вербальное и реальное поведение в сфере удовлетворения бытовых потребностей. Проанализирована динамика и перспективы оптимизации бытовой деятельности. Показано, что субъективное восприятие рабочими (мужчинами и женщинами) необходимости бытовой деятельности в повседневной жизни свидетельствует, скорее, о высокой степени готовности тех и других заниматься домашними работами. Реальная практика (данные бюджета времени) также свидетельствует, что рабочие, независимо от гендерной принадлежности, участвуют во всех видах труда по дому и в основном одинаково выстраивают свои бытовые приоритеты в границах разного объёма времени, выделяемого ими для этих целей. Проведён анализ труда в саду, огороде, других работ на земельном участке, рассмотрены субъективные оценки городских рабочих и объективные показатели их поведения по этой группе занятий в быту, «отраслевая» структура производства сельскохозяйственной продукции. Показано отношение рабочих к важнейшему социально значимому виду деятельности «уход за детьми и их воспитание» (декларируемое и реальное). *Проанализирована также взаимосвязь затрат времени рабочих на домашний труд, включая посещение предприятий торговли и пользование услугами, сельскохозяйственный труд и уход за детьми и их воспитание, социальных характеристик (семейного статуса, размера семьи, дохода) рабочих и их ценностных ориентаций.* Сравнение за годы реформ (1986–2014 гг.) затрат времени рабочих на бытовую деятельность в составе недельного бюджета времени выявило, что у мужчин они выросли значительно, а у женщин несколько сократились. Удовлетворённость рабочих бытовой деятельностью в целом и по отдельным группам занятий ниже индекса, соответствующего оценке «хорошо»; женщины удовлетворены меньше, чем мужчины.

Ключевые слова: городские рабочие, домохозяйство, затраты времени, бытовая деятельность, домашний труд, уход за детьми, воспитание детей, труд в личном подсобном хозяйстве, неоплачиваемый труд

Один из подходов к анализу функционирования домашних хозяйств базируется на том, что вся их совокупность должна рассматриваться как «часть национальной экономической системы страны и крупнейший субъект экономики» [Кулькова 2011: 72]. Мы поддерживаем такой подход, и в этом контексте одним из важных сегментов деятельности домохозяйства продолжает оставаться бытовая деятельность его членов. По нашим расчётам, проведённым ещё в дореформенный период, в домохозяйствах страны ежегодно производилось продуктов и услуг для личного потребления в размере, равном примерно четверти валового продукта. Полагаем, что данная оценка изменилась несильно. Это означает, что трудовые стратегии домохозяйств, адаптирующиеся к реалиям, позволяют прежде всего экономить свои финансовые ресурсы [Артемов и др. 1982; Караханова 2014]. Очевидно, что путь такой «экономии» в определённом смысле легче, спокойнее, надёжнее, менее рискован, чем путь изменения трудовой стратегии в пользу увеличения оплачиваемого труда, финансовых возможностей домохозяйств для серьёзного изменения содержательной «конфигурации» бытовой деятельности. Вопрос «бытовых» стратегий всего спектра домохозяйств гораздо глубже и шире, чем может показаться на первый взгляд, и актуализирован в контексте эффективности национальной экономической системы, экономической и социальной политики.

Бытовая деятельность в домохозяйствах, среди которых преобладает семейный тип, распределяется между членами домохозяйства. Результаты наших многолетних исследований использования времени показывали, что значительный трудовой вклад вносили и вносят работающие женщины. Это и определяет угол зрения, под которым в социологических публикациях по настоящее время освещаются проблемы семейной хозяйственно-бытовой практики. Гендерные характеристики семейных отношений – это вопросы совмещения профессиональных и бытовых ролей работающих женщин. Актуальность этих вопросов и внимание к ним не снижаются. По мнению ряда авторов, гендерные стереотипы о дифференциации семейных ролей свидетельствуют о том, что домашняя работа воспринимается «как неотъемлемая часть женской идентичности» и является менее значимой, чем профессиональная деятельность, а доминирующая роль в профессиональной деятельности отводится мужчине [Задворнова 2014: 52; Римашевская 2006: 106.]. С позиции такого распределения ролей домашний труд рассматривается в плоскости соотношения властных возможностей супругов, главенства в семье, факторов, на это влияющих [Давыдова 2000; Лыткина 2004; Балабанова 2005]. Данные проведённых социологических исследований на тему соотношения семейных ролей в сфере бытовой деятельности

дополняют друг друга [Радаев, Барсукова 2001; Клецин 2003; Дадаева 2005; Дадаева, Беззубова 2006; Евстифеева 2013; Зимин, Морозова 2013; Савинская 2013 и др.]. Высказывается точка зрения, что в стереотипных способах распределения домашних обязанностей наиболее ярко проявляется «гендерная дискриминация в современной российской семье, препятствующая эмансипации женщин» [Задворнова 2014: 56]. Нужно заметить, что такие выводы звучали и 70–80 лет назад. По оптимистичному мнению этого автора, через десяток лет (получается, примерно к 2024–25 гг.) «использование специализированных служб и современных технологий (автоматизированная бытовая техника, доставка продуктов и еды на дом, интернет-покупки, клининговые услуги, использование наёмного труда для исполнения домашних обязанностей)» вызовет значительное сокращение затрат времени на домашнюю работу. Разделение домашних обязанностей перестанет быть проблемой [Задворнова 2014: 57]. Однако признаков таких кардинальных перемен в повседневной деятельности россиян за пределами мегаполисов и у средних слоёв городского населения пока мало, а в жизни сельских жителей – ещё меньше.

Отметим, что для исследователей в других странах актуальны те же проблемы, хотя этап использования специализированных служб и современных технологий в организации бытовой деятельности западные страны начали проходить задолго до того, как к этому приступили домохозяйства в России. О наличии похожих проблем в повседневной деятельности населения за рубежом свидетельствуют следующие направления исследований: анализ домашнего труда населения Великобритании по данным панельного исследования бюджета времени [Bond, Sales 1994]; теоретические и эмпирические результаты исследования распределения домашних обязанностей в семьях Дании [Bonke, McIntosh 2005], Швейцарии [Souza-Poza и др. 2001], описание гендерных ролей в неоплачиваемом труде по данным опроса в Испании [Fernandez, Sevilla-Sanz 2006; Sevilla-Sanz и др. 2010]. Выявлялись противоречия между оплачиваемой и неоплачиваемой работой в семьях работающих шведов в сравнении с 29 странами [Edlund 2007]. Осуществлено кросс-национальное сравнение затрат времени родителей на уход за детьми [Craig, Mullan 2011]. Анализировались различия и сходства в затратах времени на уход за детьми между 9 европейскими странами [Joesch, Spiess 2006], распределение этих обязанностей между супругами [Bianchi и др. 2002; Craig, Siminski 2011] и др.

Таким образом, в условиях рыночной экономики актуальность вопросов объёма бытовой деятельности, содержания, распределения семейных ролей и перемен в данной сфере не ослабевает, а только усиливается. В трансформирующемся российском обществе они также не могут не требовать своей

оценки, интерпретации, теоретических и практических выводов. В методико-методологическом аспекте в неоплачиваемый труд нами включается как производительный, так и непроизводительный труд, обеспечивающий удовлетворение бытовых потребностей. Этими видами труда создаются (или доготавливаются) продукты и услуги (самообслуживание) в домохозяйстве: готовится пища, изготавливаются предметы различного назначения не для продажи, осуществляются уборка, уход за одеждой и другими предметами вещной среды, работы вне дома, в т. ч. в личном подсобном хозяйстве. К данной сфере также относятся такие группы видов деятельности, как посещение предприятий торговли и пользование услугами. Особое место в рамках бытовой деятельности занимает уход за детьми и их воспитание. Несмотря на трудовое содержание, эта деятельность может рассматриваться и как самостоятельная группа занятий, направленная на выполнение семейным домохозяйством репродуктивной и воспитательной функций, имеющих важнейшую общественную и социальную значимость. В неоплачиваемый труд также включается деятельность, связанная с оплачиваемым трудом (передвижения на работу и с работы, уход за собой до начала работы и после её окончания, подготовка к работе и т. п.), но в данной статье она не является предметом анализа.

Исследование поведения рабочих в сфере бытовой деятельности, где формируется существенная часть всей их трудовой нагрузки, осуществлялось нами по следующим направлениям:

- определение степени субъективной важности бытовой деятельности и различных видов занятий, в неё входящих;
- анализ реального объёма и структуры бытовой деятельности, факторов, влияющих на вербальное и реальное поведение рабочих в сфере удовлетворения бытовых потребностей;
- интерпретация показателей динамики объёма, структуры бытовой деятельности;
- перспективы оптимизации бытовой деятельности.

Все аспекты анализа рассматривались в гендерном ключе, дабы выявить субъективные и объективные особенности «бытового» поведения рабочих в русле актуальных вопросов, затронутых во вводной части статьи.

Анализ осуществлялся на основе данных комплексного исследования повседневной деятельности рабочих (включая информацию о бюджете времени), проведённого в 2014 г. на промышленных предприятиях в пяти областных центрах РФ (Брянск, Владимир, Киров, Омск, Псков). Выборка составила 926 человек. Показатели реального поведения (затраты вре-

В условиях рыночной экономики актуальность вопросов объёма бытовой деятельности, содержания, распределения семейных ролей и перемен в данной сфере не ослабевает, а только усиливается.

мени на бытовую деятельность) получены из материалов бюджета времени рабочих, опрошенных в трёх городах (Владимир, Омск, Псков). Все региональные центры по уровню социально-экономического развития являются модальными. Описание выборки приводится в ранее опубликованных работах [Караханова, Большакова 2016: 71–72].

Субъективная важность бытовой деятельности для рабочих и её гендерные характеристики

Субъективной оценкой важности бытовой деятельности рабочие декларируют, насколько для них необходима и может быть ими востребована данная деятельность. Рабочим предлагалось оценить значимость для них (от «не имеет никакого значения» до «имеет самое большое значение») бытовой деятельности, агрегированной до трёх крупных групп, имеющих функциональные особенности: «домашний труд, в т. ч. совершение покупок, пользование услугами», «сельскохозяйственный труд (на даче, в огороде)», «уход за детьми и их воспитание» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Значимость групп бытовой деятельности в самооценках рабочих в зависимости от пола в среднем по пяти областным центрам РФ, пятибалльная шкала, индексы

Группа бытовой деятельности	Мужчины	Женщины	Коэффициент V Крамера
Домашний труд, в т. ч. совершение покупок, пользование услугами	3,7	4,2	0,209***
Уход за детьми и их воспитание	4,2	4,6	0,181***
Сельскохозяйственный труд (на даче, в огороде)	3,2	3,1	0,076 на уровне 8%

* – уровень значимости связи менее 0,05;

** – уровень значимости связи менее 0,01;

*** – уровень значимости связи менее 0,001.

Индексы значимости видов бытовой деятельности от 3,1 до 4,6 свидетельствуют о том, что необходимость в бытовой деятельности у рабочих (мужчин и женщин) выше среднего уровня. Самый низкий индекс относится к сельскохозяйственному труду. При этом он одинаков для мужчин и женщин, связь между полом рабочих и ценностью статистически не значима (коэффициент V Крамера). Показатели значимости сельскохозяйственного труда дифференцированы по региональным центрам. Исходя из долей оценок «значимо» и «очень значимо», усиление (декларируемой) востребованности данной группы занятий происходит по направлению от регионов, расположенных на западе и северо-западе страны, к региону,

расположенному на востоке. Из трёх групп бытовой деятельности самая тесная статистическая связь между полом рабочих и их ценностью зафиксирована только по группе «домашний труд». Слабее взаимосвязь пола и ценности, но также статистически значимая, по группе «уход за детьми и их воспитание». Именно эта группа занятий заявлена рабочими (мужчинами и женщинами) как наиболее значимая для них в составе бытовой деятельности (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сравнение долей рабочих, для которых перечисленные виды бытовой деятельности «не важны» и «важны» в зависимости от пола, пятибалльная шкала, % от числа ответивших, сумма долей ответивших не даёт 100%

Вид работ	1+2*		4+5**		Коэффициент V Крамера
	Муж	Жен	Муж	Жен	
1. Ремонт транспортных средств	10	39	73	37	0,397***
2. Уход за одеждой, обувью, бельём (стирка, глажение, починка)	10	0,5	67	91	0,343***
3. Ремонт бытовых приборов, мебели	8	24	67,5	37	0,341***
4. Мытьё посуды, уборка со стола	11	2	62	89	0,330***
5. Приготовление пищи	6	1	72	93	0,305***
6. Содержание квартиры в хорошем состоянии (уборка и др.)	3	1	83	94	0,211***
7. Уход за детьми и их воспитание	3	2	88	97	0,201***
8. Совершение покупок	6	2	67	83	0,194***
9. Пользование услугами ателье, мастерских по ремонту и т. п.	34	25	23	40	189***
10. Пользование услугами связи, банков и т. п.	12	8	62	73	0,117***
11. Работа в саду, огороде	14	19	63	62	0,117*

Примечание: «1+2» – работа «совсем неважная» и «скорее неважная», «4+5» – работа «скорее важная» и «очень важная».

В целом можно отметить, что доли рабочих (по оценкам и мужчин, и женщин), для которых 8 из 11 видов бытовой деятельности «не важны», не достигают 20% (см. таблицу 2). Первые пять видов бытовой деятельности характеризуются очень тесной статистической связью с полом (коэффициент V Крамера). Для мужчин более значимы ремонтные работы своими силами (первый и третий вид работ) и менее востребованы работы по дому. По следующим трём видам бытовой деятельности, как среди мужчин, так и среди женщин, не набирается и десятой части опрошенных, для которых этот неоплачиваемый труд «не важен». Статистическая связь в зависимости от пола также тесная, но несколько слабее, чем в отношении первых пяти занятий. Здесь видна явно высокая степень

готовности заниматься такими видами работ и у мужчин, и у женщин. Особое место среди видов бытовой деятельности занимает пользование услугами ателье, мастерских по ремонту и т. п. Сохраняется статистически значимая связь между полом и самооценкой, но не тесная. Для каждого третьего мужчины он «не важен» и только для каждого четвертого определённо «важен». Женщины также довольно низко оценивают важность этих услуг, но выше, чем мужчины. Сами факты обращений за услугами такого рода и их ценность для рабочих симптоматичны для общества потребления. Важность двух последних групп работ (см. таблицу 2) скорее высокая, но статистически значимая связь с полом рабочих почти отсутствует, т. е. практически одинакова.

Таким образом, субъективное восприятие необходимости в повседневной жизни бытовой деятельности у рабочих (мужчин и женщин) свидетельствует скорее о высокой степени их готовности заниматься большинством работ, относящихся к ней. Существующая дифференциация по полу, связанная с некоторой спецификой предпочтений мужчин и женщин при оценке важности видов деятельности, не отменяет вышеприведённого вывода.

Важным корректирующим фактом в вопросе гендерной характеристики важности бытовой деятельности является декларируемое восприятие рабочими соотношения профессиональной и бытовой ролей работающей женщины (см. таблицу 3).

Таблица 3

Восприятие рабочими соотношения профессиональной и бытовой ролей работающей женщины, % от числа ответивших

Суждения	Мужчины	Женщины
На первом месте у женщины должна быть профессиональная деятельность, а потом – семья, домашнее хозяйство, дети	3	6
Женщина должна распределять своё время поровну, не в ущерб ни первому, ни второму	40	56
На первом месте у женщины должна быть семья, домашние обязанности, дети, а потом работа	56	37
Другое	1	1

Больше чем каждый второй мужчина считает, что на первом месте у женщины должна быть семья, домашние обязанности, дети, а потом работа, но такого же мнения придерживаются и больше трети женщин. Что же касается модально одобряемого суждения в оценках женщин, то это – «золотая середина», она же и труднодостижимая: «Женщина должна распределять своё время поровну, не в ущерб ни первому, ни второму» – такая точка зрения, однако, не означает обяза-

тельного равного распределения бытовых обязанностей в домохозяйстве между мужчиной и женщиной. Важно также подчеркнуть, что почти не нашло поддержки у рабочих суждение «На первом месте у женщины должна быть профессиональная деятельность, а потом – семья, домашнее хозяйство, дети», даже среди женщин так считают меньше 6% работниц.

Анализ величины и структуры бытовой деятельности рабочих по данным их бюджета времени (реальное поведение)

Доля затрат времени на бытовую деятельность в величине общей трудовой нагрузки у мужчин составляет 32%, у женщин – 40%. Абсолютная величина недельных затрат времени на бытовую деятельность женщин также почти в полтора раза больше, чем у мужчин (см. таблицу 4).

Таблица 4

Величина и структура бытовой деятельности рабочих в среднем по трём областным центрам РФ, на одного опрошенного в неделю, часы

Вид деятельности	Затраты времени	
	Мужчин	Женщин
1. Труд в доме, в т. ч.:	8,2	15,9
- приготовление пищи	2,1	7,0
- мытьё посуды, уборка со стола	0,7	2,1
- уборка жилого помещения и территории около дома	1,4	4,2
- стирка, глажение белья, одежды	0,4	2,0
- другой уход за одеждой, обувью	0,2	0,2
- все виды ремонтных работ (в т. ч. ремонт транспортных средств), без привлечения чьих-либо услуг	3,1	0,1
- другие работы	0,3	0,3
2. Труд в саду, огороде, другие работы на земельном участке	2,8	2,3
Всего 1+2	11,0	18,2
3. Посещение предприятий торговли вместе с передвижениями	5,0	6,0
4. Пользование услугами вместе с передвижениями	1,3	1,2
Всего 3+4	6,3	7,2
5. Уход за детьми	0,5	1,4
6. Воспитание детей	4,2	4,0
Всего 5+6	4,7	5,4
Бытовая деятельность (всего)	22,0	30,8

Сравнение структур бытовой деятельности по полу показывает, что, несмотря на её разный объём, в гендерном плане сохраняется последовательность главных приоритетов и сами приоритеты (исходя из относительных показателей использования времени). Во-первых, это труд в доме, на который приходится у мужчин 37%, у женщин 52% величины бытовой деятельности. Во-вторых, – посещение предприятий торговли (23 и 19%), в-третьих, – воспитание детей (19 и 13%).

Труд в доме

В структуре труда в доме дифференциация по полу несколько заметнее. Об этом свидетельствуют самые времязатратные виды работ у мужчин (по мере уменьшения затрат времени): все виды ремонтных работ, приготовление пищи, уборка жилого помещения и территории около дома, мытье посуды, уборка со стола. Времызатраты на ремонтные работы состояли в значительной степени из ремонта транспортных средств (2,0 часа в неделю) у мужчин, исходя из этого критерия, наблюдаются аналогичные виды деятельности и даже в такой же последовательности, исключая ремонтные работы. К данному списку только добавляется ещё стирка, глажение белья, одежды.

Результаты сравнения свидетельствуют прежде всего о том, что рабочие, независимо от гендерной принадлежности, участвуют во всех видах работ по дому и в основном одинаково выстраивают свои бытовые приоритеты в границах выделяемого ими времени на работы в доме.

Посещение предприятий торговли и пользование услугами

Затраты времени на вторую по значимости группу бытовой деятельности – посещение предприятий торговли – на самом деле весьма значительные. Это хорошо видно, когда сравниваешь их с продолжительностью труда в доме (61% у мужчин и 38% у женщин от величины работ в доме). В сопоставлении с такими показателями времязатраты рабочих на пользование услугами выглядят совсем скромно.

Труд в саду, огороде, другие работы на земельном участке

На долю этой группы видов деятельности (см. таблицу 4) приходится (по данным бюджета времени) относительно небольшой временной ресурс в расчёте на одного опрошенного – 2,8 часа в неделю или 13% от всей бытовой деятельности у мужчин и 2,3 часа или 7% у женщин. Цифры харак-

теризуют средние затраты времени рабочих по трём сезонам года (весна, лето, осень). Расчётная средняя месячная трудовая нагрузка рабочих по трём сезонам составляет около 11 часов у мужчин и 9 часов у женщин. Самооценки периодичности пребывания респондентов на земельных участках и выполнения ими работ дополняют объективную картину включённости рабочих в данную деятельность (см. таблицу 5).

Таблица 5

Самооценки рабочих включённости в работы на земельном участке в зависимости от сезона года в пяти областных центрах РФ, % от числа ответивших

Сезон года	Периодичность проводимых работ									
	Каждую субботу и воскресенье		С пятницы по понедельник		Несколько раз в месяц		1 раз в месяц		Другой вариант	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Зима	24	29	12	5	31	14	31	29	2	23
Весна	45	53	10	11	32	24	11	8	2	4
Лето	51	59	19	19	23	8	4	6	3	8
Осень	46	52	11	13	32	24	8	7	3	5

Рабочие трудятся на дачах, в садах, огородах и т. п. в основном весной, летом и осенью и по преимуществу каждую субботу и воскресенье (от 45 до 59%), но четверть мужчин и почти треть женщин работают даже зимой. На четыре дня едут трудиться значительно реже, но летом таких рабочих и среди мужчин, и среди женщин по 19%. Наши опубликованные данные об использовании рабочими очередного отпуска и степени трудовой направленности его проведения вполне корреспондируются с приведёнными выше фактами [Караханова, Большакова 2017]. В зимний период как минимум один раз в месяц выполняют работы около трети и мужчин, и женщин (см. таблицу 6).

Таблица 6

Месячная величина затрат времени на труд на земельном участке в течение каждого сезона года в самооценках рабочих в пяти областных центрах РФ, % от числа ответивших

Сезон года	От 1 до 5 часов		От 5 до 10 часов		От 10 до 15 часов		От 15 до 20 часов		20 часов и больше	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Зима	45	63	30	13	9	6	4	6	13	13
Весна	37	32	25	20	12	13	9	12	18	24
Лето	16	20	26	17	12	11	8	11	38	41
Осень	29	28	21	28	12	17	12	12	26	30

Как следует из самооценок рабочих (не «бюджетная» информация), наличие подсобного хозяйства требует от рабочих больших или меньших трудовых усилий круглый год (см. таблицу 6). Летний сезон отличается самой большой долей рабочих, имевших месячную продолжительность работ «от 10 до 20 часов» и «от 20 часов и выше». Данный факт ещё раз указывает на трудовой характер проведения очередного отпуска рабочими. Осенью наблюдается некоторое уменьшение их трудовой активности: доли тех, кто работают «до 10 часов» и «больше 10 часов» делятся примерно поровну. Весной тех, кто трудятся «до 10 часов», уже от половины ответивших (среди женщин) до двух третей (среди мужчин). Зимой, по понятным причинам, месячная трудовая нагрузка сокращается значительно: три четверти рабочих имеют затраты времени, не превышающие 9 часов в месяц, из них у 45% мужчин и у 63% женщин они не достигают 5 часов.

Сравнение самооценок рабочих своей загруженности работами на земельном участке с объективными данными их реального поведения (данными бюджета времени) показало, что субъективные оценки опрошенных дают более высокие показатели длительности их труда в саду, огороде, других работ на земельном участке. При этом женщины свою нагрузку оценивают выше, чем мужчины, но в реальности средненедельная продолжительность этого труда у женщин меньше, чем у мужчин.

Представляет интерес «отраслевая» структура личного подсобного хозяйства рабочих (см. таблицу 7).

Таблица 7

**«Отрасли» личного подсобного хозяйства рабочих
в пяти областных центрах РФ,**

% от числа ответивших, можно было дать несколько ответов

Направление ведения хозяйства	Доля ответов
Ничего не выращиваем и не содержим скот, птицу и др.	17
Только ухаживаем за плодовыми деревьями и кустарником (ягодным)	5
Выращиваем то и другое, а также клубнику, зелень	19
В основном выращиваем овощи	16
Производим и фрукты, и овощи	9
Сажаем только картофель	6
Выращиваем всё перечисленное выше	22
Держим птицу, скот (молочный, мясной), разводим кроликов	7

Ассортимент потенциальной продукции на подворьях домохозяйств весьма разнообразен, вплоть до продукции птицеводства и животноводства. Приведённые выше затраты времени в 9 и 11 часов в месяц (в среднем по трём сезонам,

исключая зиму) представляются, на первый взгляд, не очень значительными для таких масштабов сельскохозяйственной деятельности, даже с учётом специализации отдельного подсобного хозяйства. Но надо, во-первых, помнить, что это затраты времени на одного опрошенного, в расчёте на участвующего они, конечно, существенно больше. Во-вторых, совокупная величина времени, расходуемого на этот труд всеми членами домохозяйства, может быть уже вполне сопоставима по количеству человеко-часов с потребностями в рабочей силе для подсобных хозяйств такой широкой «отраслевой» направленности.

Уход за детьми и их воспитание

Времязатраты на данную важнейшую группу видов занятий составляют в структуре бытовой деятельности 21% у мужчин и 18% у женщин. Доля времяресурса, выделяемого рабочими на данные цели, значительно меньше, чем отдельно взятые ресурсы для работ по дому, посещения предприятий торговли и пользования услугами, т. е. фактически – это занятия третьей очереди. Конечно, из общесемейного расхода времени на приготовление пищи; уборку со стола, мытьё посуды; стирку и глажение белья условно можно выделить (хотя и довольно трудно) какую-то часть ресурса, «адресованного» именно детям, уходу за ними. Но даже в этом случае количественные показатели существенно не повлияют на реальную картину поведения. Напомним вывод, сделанный нами выше на основе анализа ценности ухода за детьми и их воспитания. Именно эта группа занятий заявлена рабочими (мужчинами и женщинами) как наиболее значимая в составе бытовой деятельности. Объяснение такого рассогласования следует, на наш взгляд, искать в контексте успешности/неуспешности достижения той самой «золотой середины», имея в виду суждения о совмещении профессиональной и бытовой ролей женщины (см. таблицу 3), к которой стремится около половины рабочих обоих полов.

Неуспешность баланса выполнения тех или других обязанностей имеет своим результатом и трудности в воспитании детей, и поиск причин для оправдания своего вынужденного реального поведения. Около трети мужчин и такая же доля женщин считают, что «сейчас трудно воспитать нравственно здоровых детей». Это усугубляется отрицательным влиянием средств массовой информации (45% мужчин, 49% женщин), нехваткой денег (38 и 40%), неблагоприятной атмосферой в семье (например, кто-то из родителей пьющий) (10 и 17%), неполной семьёй (только один родитель) (11 и 17%), отсутствием в семье религиозного воспитания (по 5%).

Если элиминировать гендерные различия в объёме бытовой деятельности (затратах времени), то общая картина структуры бытовой деятельности рабочих приводит к выводу о том, что характер стратегий реального трудового поведения в домашнем хозяйстве у тех и других дифференцирован мало. Хорошо это или плохо? С одной стороны, хорошо, т. к. несколько ослабляет трудовую нагрузку женщин. С другой стороны, необходимо принимать меры для изменения структуры бытовой деятельности. Это, в свою очередь, требует того, чтобы оплачиваемый труд мужчин (без вынужденных простоев и целодневных потерь времени, ведущих к накоплению усталости в конце рабочего дня) значительно превышал их неоплачиваемый труд в домохозяйстве, только не за счёт времени занятий с детьми. Неоплачиваемый труд мужчин-рабочих составляет от 50 до 60% времени их оплачиваемого труда (по данным бюджета времени, полученным в трёх областных центрах). А в среднем по пяти областным центрам РФ только 21% рабочих расценивают свою загруженность бытовой деятельностью как сильную. Такую ориентацию трудно признать положительной, т. к. совокупная бытовая нагрузка членов семейного домохозяйства уже должна настораживать. Хотя определённой поправкой к оценке этой ориентации рабочих является степень восприятия ими бытовых занятий в качестве любительских. Так, семейной обязанностью и любительским занятием считают приготовление пищи 42% рабочих, ремонт автомобиля – 53%, уход за садом, огородом – 58%, совершение покупок – 52%, уход за детьми и их воспитание – 61% (в среднем по пяти городам).

Что же касается рассогласования между объективным характером стратегий трудового поведения рабочих в сфере бытовой деятельности и декларируемыми представлениями о ней, то оно относится к расстановке приоритетов. Однако вопрос в другом. Надо ли видеть признаки противоречия между согласованными (в основном, вербальной и объективной) стратегиями трудового поведения в быту рабочих (видимо, «удобными» для них) и интересами общественного развития? Может быть, такой характер согласованного поведения как раз является оптимальным для данной социально-профессиональной группы населения?

Взаимосвязь временных показателей групп бытовой деятельности, их ценности и социальных ресурсов рабочих

Несколько расширить представление о роли факторов, влияющих на вербальное и реальное поведение рабочих в сфере бытовой деятельности, позволяет анализ взаимос-

вязи показателей времени, участия в деятельности (по данным бюджета времени), ценности её отдельных видов и социальных ресурсов рабочих. Для анализа использованы те же три крупные группы видов бытовой деятельности, о субъективной значимости которых для рабочих говорилось выше: домашний труд, сельскохозяйственный труд, уход за детьми и их воспитание. Выбор ресурсных групп рабочих был обусловлен наличием статистически значимых связей между социальными характеристиками и ценностью для рабочих каждой из трёх групп бытовой деятельности (коэффициент V Крамера). «Уровень образования» как ресурсная группа был исключён из анализа, т. к. статистическая связь между уровнем образования и тремя ценностями отсутствует. Со всеми тремя ценностями статистически связан «семейный статус»: относительно тесно с ценностями «ухода за детьми и их воспитанием» ($V 0,190^{***}$) и «сельскохозяйственного труда» ($V 0,177^{***}$) и слабо – с ценностью «домашнего труда» ($V 0,098^*$). Наличие в домохозяйстве детей до 18 лет не тесно связано только с ценностью «ухода за детьми и их воспитания» ($V 0,149^{***}$). Размер семьи, наоборот, не связан только с ценностью «домашнего труда», а с двумя другими – слабая, но статистическая связь есть. Подтверждена зависимость ценности от уровня дохода только в отношении сельскохозяйственного труда, хотя и не тесная ($V 0,085^*$). Последнее можно рассматривать в качестве аргумента, ослабляющего (но не снимающего совсем) тезис об усилении роли бытовой деятельности как условия для получения экономии денежных ресурсов домохозяйства. Суждение о том, что «самообслуживание в домашнем хозяйстве позволяет экономить денежные средства семейного бюджета, услуги дороги», поддержано в 39% ответов.

Для анализа будут использованы показатели бюджета времени: доля участников в деятельности (имевших затраты времени) или включённость в неё; затраты на одного участвовавшего в деятельности.

Домашний труд

Исходя из наличия/отсутствия взаимосвязи между ценностной ориентацией рабочих в отношении домашнего труда и ресурсными группами (выявленными выше) привлекались две социальные характеристики: «семейный статус» и «наличие детей до 18 лет».

Включённость в домашний труд у *женатых мужчин* растёт с увеличением значимости этих видов работ, но на сами затраты времени ценностная ориентация мужчин не влияет (см. таблицу 8). Обратная связь между ценностной ориентацией в отношении домашнего труда и включённостью в него, затратами времени у холостых мужчин свидетельствует о том,

Включённость в домашний труд у *женатых мужчин* растёт с увеличением значимости этих видов работ, но на сами затраты времени ценностная ориентация мужчин не влияет.

что значимость домашнего труда для мужчин с таким семейным статусом не актуализирована в качестве социального ресурса. Этот вывод подкрепляется и тем, что на поведение мужчин в данном случае определённно влияет именно «семейный статус», роль ценности домашнего труда в формировании реального поведения мужчин в сравнении с этой социальной характеристикой, по-видимому, слабее.

Таблица 8

**Ценность домашнего труда, затраты времени рабочих на него
в зависимости от их социальных ресурсов**

Социальные характеристики	Участие в домашнем труде и затраты времени на него у тех рабочих, для которых домашний труд «не имеет значения»*				Участие в домашнем труде и затраты времени на него у тех рабочих, для которых домашний труд «имеет большое значение»**			
	Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*		Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Семейный статус								
Женатые/замужние	95	100	3,3	6,0	99	100	3,2	4,1
Холостые/незамужние	100	100	2,6	3,2	93	100	1,7	3,5
Наличие детей до 18 лет								
Имеющие детей до 18 лет	92	100	3,2	6,5	100	100	3,8	5,3
Не имеющие детей до 18 лет	95	100	2,8	4,3	93	100	1,8	3,0

*По пятибалльной шкале значимость деятельности соответствует сумме «1+2» балла.

**По той же шкале значимость деятельности соответствует сумме «4+5» баллов.

Похожий характер взаимосвязи и по ресурсной группе, касающейся наличия/отсутствия детей до 18 лет. Прямая связь между ценностной ориентацией, включённостью в домашний труд и затратами времени выявлена только у мужчин, имеющих детей до 18 лет. Независимо от ценностной ориентации, продолжительность домашнего труда у мужчин, имеющих детей до 18 лет, выше, чем у мужчин, не имеющих несовершеннолетних детей. Таким образом, на активность мужчин в сфере домашнего труда оказывает большее влияние наличие/отсутствие данной социальной характеристики.

Показатель включённости в домашний труд женщин для обеих ресурсных групп оказался неинформативен, т. к. он во всех случаях составляет 100%. Ценностная ориентация в отношении домашнего труда имеет прямое влияние на затраты времени только у незамужних (в отличие от мужчин). В свою очередь, она не связана с затратами времени женщин, имеющих или не имею-

щих детей до 18 лет. Независимо от ценностной ориентации, продолжительность домашнего труда (так же как у мужчин) выше у женщин замужних и имеющих детей до 18 лет.

Уход за детьми и их воспитание

Для данных занятий целесообразным явилось рассмотрение двух других групп социальных ресурсов рабочих: «статус по уровню доходов» и «число членов в домохозяйстве».

В группе «бедные люди» увеличивается (у мужчин и женщин) только включённость в занятия с детьми по мере возрастания их значимости (см таблицу 9). В группе «люди со средними доходами» у женщин очевидна прямая связь между ценностной ориентацией в отношении данных видов деятельности, включённостью и затратами времени на эти занятия, а у мужчин она сохраняется только между первым и третьим показателем. При высокой значимости занятий с детьми у «бедных» по сравнению с «людьми со средними доходами» выше включённость в эти занятия, но ниже затраты времени. Роль ценностной ориентации, следовательно, как минимум не ниже, чем роль уровня дохода для реальной практики занятий с детьми.

Таблица 9

Ценность ухода за детьми и их воспитания, затраты времени рабочих на данные занятия в зависимости от их социальных ресурсов

Социальные характеристики	Участие в уходе за детьми и их воспитании и затраты времени на это у тех рабочих, для которых такая деятельность «не имеет значения»*				Участие в уходе за детьми и их воспитании и затраты времени на это у тех рабочих, для которых такая деятельность «имеет большое значение»**			
	Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы [†]		Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы [†]	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Статус по уровню доходов								
Бедные люди	33	17	1,9	2,3	48	47	1,9	1,9
Люди со средними доходами	33	0	1,3	0	31	39	2,0	2,1
Число членов в домохозяйстве								
3 человека	100	0	0,5	0	79	94	2,1	2,1
4 человека и более	89	75	1,7	2,1	79	94	1,8	2,2

*По пятибалльной шкале значимость деятельности соответствует сумме «1+2» балла.

**По той же шкале значимость деятельности соответствует сумме «4+5» баллов.

При низкой значимости занятий с детьми выявлена прямая связь между времязатратами и «количеством членов в домохозяйстве», а при высокой значимости данный факт зафиксирован только у женщин. Пожалуй, показатели значимости занятий с детьми влияют больше на реальное поведение рабочих в этой сфере, чем число членов в домохозяйстве.

Заслуживает внимания и другой аспект взаимосвязи реального поведения рабочих с показателями их отношения к уходу за детьми и их воспитанию как к главному в жизни (см. таблицу 10).

Таблица 10

**Участие рабочих (имеющих детей до 18 лет)
в уходе и воспитании детей и затраты времени на него в расчёте
на участвующего в зависимости от согласия/несогласия с суждениями,
трёхчленная шкала**

Суждения	Совсем несогласные				Согласные			
	Доля участников в занятиях с детьми, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*		Доля участников в занятиях с детьми, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
1. Занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов	0	0	0	0	76	93	1,9	2,0
2. Уход за своими детьми, их воспитание, занятия с ними являются самым главным только в жизни женщины – матери, супруги	78	92	2,1	1,9	48	100	1,7	1,8
3. Эти занятия не являются самым главным в жизни	74	94	1,9	1,9	3 из 5*	3 из 3*	1,5	1,4

*3 участника из 5-ти «согласных» и 3 участника из 3-х «согласных».

Несогласных с тем, что занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов, не оказалось среди опрошенных, имевших детей до 18 лет (см. таблицу 10). У рабочих, поддержавших данное суждение, высокая включённость в деятельность и даже почти одинаковые по полу времязатраты на одного участвующего. Число несогласившихся с суждением, что уход за своими детьми, их воспитание, занятия с ними являются самым главным только в жизни женщины – матери, супруги, составило 102 человека против 35-ти согласившихся. У вторых включённость в занятия с детьми действительно выше, но только у женщин, у мужчин она значительно ниже по сравнению с первыми, что также свидетельствует

Несогласных с тем, что занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов, не оказалось среди опрошенных, имевших детей до 18 лет.

о последовательном воплощении мужчинами в повседневную практику своих убеждений. И даже то, что у согласившихся затраты времени «отстают», не является свидетельством несогласования объективной и субъективной информации. Всего 8 человек согласились с тем, что эти занятия не являются самым главным в жизни, но даже у них затраты времени на участвующего не такие скромные, какие могли бы быть.

Сельскохозяйственный труд

Для анализа взаимосвязей использовались следующие ресурсные группы: «семейный статус» и «статус по уровню дохода» (см. таблицу 11).

Таблица 11

Ценность сельскохозяйственного труда,
затраты времени рабочих на него
в зависимости от их социальных ресурсов

Социальные характеристики	Участие в с/х труде и затраты времени на него у тех рабочих, для которых с/х труд не имеет значения*				Участие в с/х труде и затраты времени на него у тех рабочих, для которых с/х труд имеет большое значение**			
	Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*		Доля участников, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы*	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Семейный статус								
Женатые/замужние	10	0	6,1	0	20	19	3,0	1,7
Холостые/незамужние	9	5	4,1	2,6	15	21	2,2	4,3
Статус по уровню дохода								
Бедные люди	3	3	2,5	4,0	12	22	2,2	2,8
Люди со средними доходами	12	3	5,4	0,7	22	19	3,0	2,4

*По пятибалльной шкале значимость деятельности соответствует сумме «1+2» балла.

**По той же шкале значимость деятельности соответствует сумме «4+5» баллов.

Независимо от семейного статуса, ценностная ориентация в отношении сельскохозяйственного труда прямо влияет и на включённость в него женщин, и на их затраты времени (см. таблицу 11). У мужчин при тех же условиях прямая связь выявлена только с включённостью в эти работы. Если элиминировать влияние ценностной ориентации в отношении данного труда, то обнаруживается, что времязатраты женатых мужчин выше, чем холостых. Вместе с тем замужние женщины расходуют на сельскохозяйственные работы меньше времени, чем незамужние. Как видим, на реальное поведение в сфере сельхозработ нельзя исключать ни влияния ценностной ориентации, ни влияния семейного статуса.

При любом статусе по уровню дохода с ростом значимости сельскохозяйственного труда у мужчин и женщин увеличивается включённость в эти работы, но затраты времени на участвующего при этом даже сокращаются у всех «бедных» и у мужчин из числа людей со средними доходами. Увеличиваются они только у женщин со средними доходами. При высокой значимости этого труда у «бедных» затраты времени на участвующего ниже.

Динамика групп бытовой деятельности рабочих в 1965–2014 гг.

Бытовая деятельность рабочих менялась с 1965 г. как по совокупному объёму, так и структурно (см. таблицу 12). За годы реформ (1986–2008) объём её изменялся вместе с наступлением и завершением кризисов. За этот период он увеличился у мужчин в 1,5 раза, а у женщин уменьшился на 1,0 часа в неделю. Доля труда в доме и личном подсобном хозяйстве по отношению ко всей бытовой деятельности у мужчин за годы реформ постоянно возрастала (в 1986 г. – 50, в 1997/1998 – 64, в 2007/8 – 69%). В 2014 г. снизилась до 61%. У женщин доля этой деятельности составляла соответственно 60, 68, 53%, а в 2014 г. повысилась до 58%. Определённую роль в такой динамике сыграл труд в саду, огороде, другие работы на земельном участке.

Таблица 12

Динамика бытовой деятельности рабочих (1965–2014 гг.),
в среднем на одного опрошенного, в неделю, часы*

Год	Затраты времени на:							
	Труд в доме и личном подсобном хозяйстве		Уход за детьми и их воспитание		Посещение предприятий торговли и услуг		Всю бытовую деятельность	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
1965, Псков, N=788	9,0	23,0	3,5	5,4	3,8	7,0	16,3	35,4
1986, Псков, N=985	7,2	17,0	3,7	5,3	3,5	5,9	14,4	28,2
1997/98, Псков, N=70	12,7	19,2	4,9	4,2	2,1	4,9	19,7	28,3
2007/08, Псков, Саратов, N=74	11,3	14,1	2,4	9,1	2,6	3,4	16,3	26,6
2014, Псков, N=200	13,4	15,9	4,5	5,7	4,1	5,6	22,0	27,2
2014 к 1986 (+; -)	+6,2	-1,1	+0,8	+0,4	+0,6	-0,3	+7,6	-1,0
2014 к 1965 (+; -)	+4,4	-7,1	+1,0	+0,3	+0,3	-1,4	+5,7	-8,2

*Некоторые цифры могут несколько отличаться от опубликованных ранее за те же годы, т. к. для данного анализа была изменена методика процедуры «взвешивания» первичной информации.

Посещение предприятий торговли и пользование услугами – группа видов бытовой деятельности рабочих, по преимуществу состоящая из посещений предприятий торговли (на 80% и более). Такая «расстановка сил» в основном не меняется. Женщины в течение всего периода реформ расходовали на данную группу видов деятельности времени больше, чем мужчины. У последних времязатраты в 2014 г. несколько выросли по сравнению с 1986 г., но гораздо большим оказалось их увеличение в сопоставлении с 1998 и 2008 гг. (соответственно почти в 2,0 и 1,5 раза). У женщин сравнение с этими годами также даёт рост затрат времени, хотя с начала реформ они слегка снизились.

Величина затрат времени рабочих на уход за детьми и их воспитание подверглась «колебаниям» даже в большей степени, чем на предыдущую группу занятий. Положительным является то, что у мужчин она значительно увеличилась в 2014 г. по сравнению именно с началом реформирования всех сторон жизни. К женщинам это отнести нельзя (см. таблицу 12). Однако в череде лет и событий «особняком стоят» 2007/2008 гг. Возникает вопрос, почему времязатраты у мужчин в этот период стали в 1,5 раза меньше, чем в 1986 г., а по сравнению с 1997/1998 гг. уменьшились даже в 2 раза, у работниц же они увеличились соответственно в 1,7 и 2,2 раза? Понятно, что годовые «колебания» затрат времени рабочих на всю бытовую деятельность и её отдельные составляющие являются выбором пути адаптации к изменяющимся условиям жизни и труда. С одной стороны, во всём этом меняющемся поведении именно работниц присутствует, на наш взгляд, влияние фактора, сильно «завучавшего» как раз на отрезке 1997–2008 гг., – фактора активизации органов опеки с усилением их статуса по изъятию несовершеннолетних детей из семей. Затраты времени на занятия с детьми вырастают в 2007/2008 гг. до невиданных за 50 лет величин (но на самом деле вполне нормальных) – 9,1 часа в неделю в среднем на одну опрошенную работницу, а на одну участвующую – ещё больше. Создаётся впечатление, что к 2014 г. их первый испуг прошёл, и цифры почти «вернулись» к значениям периода начала реформ. С другой стороны, в 2007/2008 гг. (замеры сделаны до начала кризиса) у мужчин почти в 1,5 раза увеличивается время оплачиваемого труда (положительный факт), в результате чего в домохозяйстве происходит гендерное перераспределение трудовой нагрузки, связанной с занятиями с детьми. Отсюда – падение в 2 раза по сравнению с 1997/1998 гг. величины времени, расходуемого мужчинами на эти цели.

Важно ещё раз подчеркнуть, что по сравнению с 2008 г. в 2014 г. мужчины улучшили показатели времени на занятия с детьми, а женщины значительно ухудшили их. Но

надо помнить, что показатели времени, относящиеся к разным группам видов деятельности, всегда необходимо рассматривать в контексте баланса всех частей повседневной деятельности в границах постоянной величины фонда времени.

Резюмируя сказанное, отметим, что у рабочих-мужчин в начале реформирования всех сторон жизни российского общества (1986 г.) был зафиксирован самый низкий расход времени на всю бытовую деятельность (см. таблицу 12), а в 2014 г. – самый высокий за период наблюдений с 1965 г. В 2014 г. по отношению к 1965 г. этот расход увеличился на 5,7 часа в неделю в основном за счёт роста затрат времени на труд в доме и личном подсобном хозяйстве. У работников в 1965–2014 гг. самые значительные затраты времени на бытовую деятельность приходятся на 1965 г. При этом надо акцентировать, что с 1986 г. (за 20 лет – 7,2 часа) недельная продолжительность их бытовой деятельности больше никогда сильно не менялась, оставаясь на уровне 26,6–28,3 часа в неделю.

Пути оптимизации бытовой деятельности, какими их видят рабочие

Оптимизация бытовой деятельности должна рассматриваться в контексте задач, которые решаются домохозяйством, исходя из уровня достаточности ресурсных возможностей (финансовых, временных) из субъективного понимания его членами критериев качества результатов труда (продуктов и услуг), направляемых на личное потребление, из личного восприятия творческой ценности отдельных видов деятельности.

Одним из оснований для мер по оптимизации деятельности является степень удовлетворённости ею субъекта деятельности. Индексы удовлетворённости рабочих бытовой деятельностью на пяти территориях, представляющих разные регионы страны, невысокие, ниже четырёх баллов. У мужчин от 3,0 до 3,7; у женщин от 2,8 до 3,7. Самый низкий показатель наблюдается у мужчин в Сибири, самые высокие и равные по полу индексы – в Северо-Западном регионе.

В среднем по пяти регионам удовлетворённость рабочих затратами времени на отдельные группы бытовой деятельности также ниже четырёх баллов. Удовлетворённость времязатратами на занятия с детьми выше, чем на домашний и сельскохозяйственный труд, у мужчин все показатели несколько выше, чем у женщин (см. таблицу 13).

Примерно для 15–20% рабочих (с учётом занятий с детьми даже до 25%) такая невысокая удовлетворённость группами видов деятельности обусловлена недостатком расходуемого времени, существующее положение устраивает около

По сравнению с 2008 г. в 2014 г. мужчины улучшили показатели времени на занятия с детьми, а женщины значительно ухудшили их.

12% рабочих, а остальные, очевидно, желали бы сократить затраты времени на бытовые цели. Но этот вывод «натывается» на то обстоятельство, что лишь от 19 до 26% рабочих в пяти регионах считают себя сильно загруженными такими работами.

Таблица 13

Удовлетворённость рабочих в пяти областных центрах затратами времени, расходуемого на группы видов бытовой деятельности

Группа видов деятельности	Индекс по пятибалльной шкале самооценок	
	Мужчины	Женщины
Труд в доме	3,5	3,3
Работа на земельном участке	3,5	3,2
Уход за детьми	3,9	3,8
Воспитание детей	3,9	3,8

Ни один из индексов удовлетворённости по четырём группам видов бытовых работ статистически не связан с уровнем образования (что важно) и размером семьи, но имеется статистически значимая связь всех самооценок удовлетворённости с семейным статусом и (всё-таки) с уровнем дохода (выше показано, что взаимосвязь оценок значимости этих видов деятельности и уровня дохода скорее отсутствует) (см. таблицу 14).

Таблица 14

Удовлетворённость рабочих величиной затрат времени на группы бытовой деятельности, включённость в них и продолжительность на одного участвующего

Неудовлетворённые величиной затрат времени (1+2 балла)				Удовлетворённые величиной затрат времени (4+5 баллов)			
Доля имевших затраты времени, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы		Доля имевших затраты времени, %		Средняя продолжительность на участника, в день, часы	
Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Труд в домашнем хозяйстве (неудовлетворенны – 92, удовлетворены – 259)							
95	100	2,9	4,5	95	100	2,6	3,8
Труд в саду, огороде (неудовлетворенны – 131, удовлетворены – 207)							
12	7	2,3	2,9	13	17	3,5	2,9
Уход за детьми и их воспитание (неудовлетворенны – 46, удовлетворены – 258)							
25	32	2,0	1,8	47	46	1,9	1,9

Как видим, удовлетворённых затратами времени на все группы видов бытовой деятельности среди рабочих значительно больше, чем неудовлетворённых (см. таблицу 14). Удовлетворённость не влияет на включённость в труд в домаш-

нем хозяйстве, но имеет прямую связь с включённостью рабочих в уход за детьми и их воспитание, а также женщин – в труд в саду, огороде. Чем выше удовлетворённость трудом в домашнем хозяйстве, тем ниже затраты времени на него. По двум другим группам видов бытовой деятельности данный вывод не подтвердился.

Иерархия направлений совершенствования бытовой деятельности в гендерном аспекте у рабочих практически не дифференцирована, т. е. и мужчины, и женщины имеют одинаковое представление о «предмете» как результате включённости в данную сферу повседневной жизни (см. таблицу 15).

Таблица 15

**Представление рабочих о путях сокращения времени домашнего труда, облегчения и повышения качества его результата,
% от числа ответивших**

Направление совершенствования бытовой деятельности	Мужчины	Женщины
Не нуждаюсь в сокращении времени домашнего труда, его облегчении и повышении качества результата	13	11
Повысить оснащённость домашнего хозяйства бытовой техникой	55	45
Улучшить жилищно-коммунальные условия	48	45
Снизить стоимость бытовых услуг и повысить их качество	42	38
Улучшить качество продовольственных товаров и обеспечить безопасность употребления их в пищу для сокращения собственного производства продовольствия на садово-огородных участках	26	27
Более равномерно распределять обязанности между членами семьи	25	32

Первые два пути совершенствования тривиальны, но движение в таком направлении может иметь следствием хотя бы относительное облегчение неоплачиваемого труда в домохозяйстве. «Снижение стоимости бытовых услуг и повышение их качества» – безусловно, стратегическое направление совершенствования удовлетворения бытовых потребностей населения в целом, городских рабочих в частности. Поэтому логичнее было бы, по мнению рабочих, чтобы данное направление стояло на первом, а не на третьем месте. Однако серьёзные изменения в данном вопросе для большинства территорий – дело отдалённого будущего. Решение его упирается не только в региональные уровни социально-экономического развития и уровни жизни в отдельном домохозяйстве, но и в стереотипы поведения (третье место в рейтинге направлений – ещё одно доказательство), творческие потребности, когда некоторые виды бытовой деятельности начинают выполнять по существу функции досуговых занятий. Что решается уже сегодня, так это улучшение

качества продовольственных товаров и обеспечение безопасности употребления их в пищу для сокращения собственного производства продовольствия на садово-огородных участках. А более равномерное распределение обязанностей между членами семьи – вопрос вечный. Стоит иметь в виду, что две трети женщин и три четверти мужчин не нашли его актуальным для себя, т. к. именно в домохозяйствах вполне справляются с его решением и не видят здесь проблемы.

Выводы

Анализ показал, что субъективное восприятие необходимости бытовой деятельности в повседневной жизни рабочими обоих полов свидетельствует о высокой степени их готовности заниматься ею. Гендерная дифференциация в восприятии ценности бытовой деятельности относительно сильно связана только с домашним трудом. Модальным у мужчин является суждение: «на первом месте у женщины должна быть семья, домашние обязанности, дети, а потом работа», у женщин – что она «должна распределять своё время поровну, не в ущерб ни первому, ни второму».

Объективные показатели свидетельствуют, что при разном объёме бытовой деятельности в гендерном плане сохраняются (исходя из относительных величин использования времени) последовательность главных приоритетов и сами приоритеты. Большее влияние на реальное поведение рабочих в сфере домашнего труда оказывают социальные характеристики (ресурсы) по сравнению с влиянием его ценности. Сравнение самооенок рабочих своей загруженности работами на земельном участке с данными их реального поведения (бюджета времени) показало, что первые показатели длительности труда в саду, огороде, других работ на земельном участке завышены по отношению ко вторым. Выявлена широкая «отраслевая» направленность домохозяйств рабочих в производстве продуктов питания, прежде всего для личного потребления. Влияние социальных характеристик на реальное поведение рабочих и их ценностной ориентации в отношении этих работ примерно уравновешено с небольшой дифференциацией по полу. Например, роль ценностной ориентации рабочих для реальной практики занятий с детьми как минимум не ниже, чем роль уровня дохода. Однако уход за детьми и их воспитание – занятия третьей очереди, хотя именно они заявлены рабочими (мужчинами и женщинами) как наиболее значимые в составе бытовой деятельности. Для сохранения традиционных российских ценностей необходима разработка механизма управленческого воздействия на согласование декларируемых ценностей и реального поведения.

Выявлена широкая «отраслевая» направленность домохозяйств рабочих в производстве продуктов питания, прежде всего для личного потребления. Влияние социальных характеристик на реальное поведение рабочих и их ценностной ориентации в отношении этих работ примерно уравновешено с небольшой дифференциацией по полу.

Для сохранения традиционных российских ценностей необходима разработка механизма управленческого воздействия на согласование декларируемых ценностей и реального поведения.

Направленность динамики реального поведения рабочих отражает изменения всех сторон жизни российского общества (1965–2014 гг.). В начале реформирования (1986 г.) был зафиксирован самый низкий расход времени рабочими-мужчинами на всю бытовую деятельность, а в 2014 г. – самый высокий. Этот расход увеличился по отношению к 1965 г. на 5,7 часа в неделю главным образом за счёт роста затрат времени на *труд в доме и личном подсобном хозяйстве*. Самые значительные затраты времени на бытовую деятельность у работниц приходятся на 1965 г. Однако с 1986 г. (за 20 лет до этого было +7,2 часа) недельная продолжительность их бытовой деятельности больше никогда заметно не менялась, оставаясь на уровне 26,6–28,3 часа в неделю.

Несмотря на большую готовность заниматься бытовой деятельностью, удовлетворённость рабочих ею остаётся ниже оценки «хорошо». Между объективными и субъективными показателями бытовой деятельности у рабочих присутствует больше согласования, чем рассогласования. Поставленный в статье вопрос, надо ли видеть признаки противоречия между согласованными (в основном, вербальной и объективной) стратегиями трудового поведения в быту рабочих (видимо, «удобными» для них) и интересами общественного развития, остаётся открытым.

Библиографический список

Артемов В. А., Балыкова Н. А., Калугина З. И. 1982. Время населения города: планирование и использование / Отв. ред. В. Д. Патрушев. Новосибирск: Наука. 200 с.

Балабанова Е. С. 2005. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. № 6. С. 109–119.

Давыдова Н. М. 2000. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность. № 4. С. 51–57.

Дадаева Т. М. 2005. Кто выносит мусор, или парадоксы гендерного разделения труда // Социологические исследования. № 6. С. 120–126.

Дадаева Т. М., Беззубова Т. В. 2006. Гендерная структура домашнего труда: сравнительный анализ городской и сельской семьи региона // Регионоведение. № 1. С. 145–156.

Евстифеева Г. Г. 2013. Гендерная структура домашнего труда в городской семье // Регионоведение. № 1(82). С. 93–96.

Задворнова Ю. С. 2014. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. № 1(70). С. 51–58.

Зимин В. А., Морозова Г. А. 2013. Изменение социальных ролей женщин в условиях реформ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 6. С. 70–74.

Караханова Т. М. 2014. Домашний труд как потребительская деятельность // Вестник Института социологии. № 8. С. 108–130. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_8/Karahanova.pdf [Дата посещения: 22.04.2018].

Караханова Т. М., Большакова О. А. 2016. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. № 3 (18). С. 70–96. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2016_18/Karakhanova,Bolshakova.pdf [Дата посещения: 22.04.2018]. DOI: [10.19181/vis.2016.18.3.413](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413).

Караханова Т. М., Большакова О. А. 2017. Общее и особенное в использовании времени ресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста // Вестник Института социологии. № 3 (22). С. 98–136. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2017_22/Karahanova.pdf [Дата посещения: 22.04.2018]. DOI: [10.19181/vis.2017.22.3.473](https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473).

Клецин А. А. 2003. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. № 2. С. 120–136.

Кулькова И. А. 2011. Изучение стратегий трудового поведения домохозяйств // Управленец. № 3–4. С. 72–77.

Лыткина Т. С. 2004. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. № 9. С. 85–91.

Радаев В. В., Барсукова С. Ю. 2001. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Экономическая социология. № 2. С. 23–60.

Римашевская Н. М. 2006. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Свободная мысль. № 3. С. 100–110.

Савинская О. Б. 2013. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 2(67). С. 142–167.

Bianchi S., Milkie M., Sayer L., Robinson J. Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labor // Social Forces. 2002. Vol. 79. No. 1. P. 191–222.

Bond S., Sales J. Household work in the UK: An analysis of the British household panel survey 1994 // Work, Employment & Society. 2001. Vol. 15. No. 2. P. 233–250.

Bonke J., McIntosh J. Household time allocation – Theoretical and empirical results from Denmark // Electronic International Journal of Time Use Research. 2005. Vol. 2, No1. P. 1–12. DOI: [10.13085/eIJTUR.2.1.1-12](https://doi.org/10.13085/eIJTUR.2.1.1-12).

Craig L., Mullan K. How mothers and fathers share childcare: a cross-national time-use comparison // *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76. No. 6. P. 834–861.

Craig L., Siminski P. If men do more housework, do their wives have more babies? // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 101. No. 2. P. 255–258.

Edlund J. The Work-Family Time Squeeze: Conflicting Demands of Paid and Unpaid Work Among Working Couples in 29 Countries // *International Journal of Comparative Sociology* 48. 2007. No. 6. P. 451–480.

Fernandez C., Sevilla-Sanz A. Social norms and household time allocation. Colchester: University of Essex, 2006 // ISER Working Paper. No. 38.

Joesch J., Spiess K. European mothers' time spent looking after children – Differences and similarities across nine countries // *Electronic International Journal of Time-Use Research*. 2006. Vol. 3. P. 1–27.

Souza-Poza A., Schmid H., Widmer R. The allocation and value of time assigned to housework and child-care: An analysis for Switzerland // *Journal of Population Economics*. 2001. Vol. 14. P. 599–618.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.512

Everyday Household Activities: Essential and Indispensible Unpaid Labor Performed by Urban Workers

Karakhanova Tatyana Murtazaevna

Candidate of economic science, leading research fellow, head of group of time budget use and daily activity research, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Bolshakova Olga Alexandrovna

Candidate of sociological sciences, senior research fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Abstract. This article is dedicated to the results of examining workers' actual behavior in the realm of everyday household activity, which comprises a considerable portion of a laborer's work load. Data from a comprehensive study of laborers' household activities (including information on their time budget), conducted in 2014 at industrial enterprises in five Russian regional capital cities (Bryansk, Vladimir, Kirov, Omsk, Pskov), was used as an empirical foundation for analysis. Defined is the degree of household activities' subjective importance, and the various practices which they include. Determined are their scope and structure, expressed in temporal parameters, as well as factors which affect verbal and actual behavior within the realm of fulfilling everyday needs. Analyzed are the dynamics and prospects of optimizing household activity. It is revealed that subjective perception of everyday household activities among workers (both male and female) is more of a testament to both genders' high degree of willingness to attend to household chores. Actual practice (time budget data) also shows that workers, regardless of their gender, partake in all sorts of household chores, and for the most part they organize their household priorities in the same manner, within the limits of various amounts of time dedicated to these tasks. An analysis of gardening work is conducted, along

with other sorts of land site labor. Examined are subjective assessments and objective measures of urban workers' behavior within this particular group of household activity, as well as the "branch" composition of agricultural production. Revealed are workers' attitudes (declared and actual) towards such a socially significant activity as "taking care of and raising children". Also analyzed is the connection between the time which workers dedicate to household work (including going to stores, using services, agricultural labor), to taking care of and raising their children, and workers' social characteristics (marital status, family size, amount of income) and their value orientations. Drawing comparison throughout the years of reform (1986–2014) of the time workers dedicate to household activities, within the structure of one week's time budget, shows that men now spend much more time on these activities, while women spend somewhat less. Workers' satisfaction with household activity in general, and when it comes to separate groups of practices, falls short of a "good" grade; women are generally less satisfied than men.

Keywords: urban workers, household, household activity, housekeeping, child care and children education, gardening and kitchen-garden activities, unpaid work.

References

Artiomov V. A., Balykova N. A., Kalugina Z. I. *Vremia naseleniya goroda: planirovanie i ispol'zovanie* [Time of the city population: planning and use]. Ed. by V. D. Patrushev. Novosibirsk, Nauka, 1982. 200 p. (in Russ.).

Balabanova E. S. *Domashniy trud kak simvol gendera i vlasti* [Home labor as a symbol of gender and power]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no 6. pp. 109–119 (in Russ.).

Bianchi S., Milkie M., Sayer L., Robinson J. Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labor. *Social Forces*, 2002, Vol. 79, no 1, pp. 191–222.

Bond S., Sales J. Household work in the UK: An analysis of the British household panel survey 1994. *Work, Employment & Society*, 2001, vol. 15, no 2, pp. 233–250.

Bonke J., McIntosh J. Household time allocation – Theoretical and empirical results from Denmark. *Electronic International Journal of Time Use Research*, 2005, vol. 2, no 1, pp. 1–12. DOI: [10.13085/eIJTUR.2.1.1-12](https://doi.org/10.13085/eIJTUR.2.1.1-12).

Craig L., Mullan K. How mothers and fathers share childcare: a cross-national time-use comparison. *American Sociological Review*, 2011, vol. 76, no 6, pp. 834–861.

Craig L., Siminski P. If men do more housework, do their wives have more babies? *Social Indicators Research*, 2011, vol. 101, no 2, pp. 255–258.

Dadaeva T. M. *Kto vynosit musor, ili paradoxy gendernogo razdeleniya truda* [Who washes dirty linen or paradoxes of gendered labor division]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no 6, pp. 120–126 (in Russ.).

Dadaeva T. M., Bezzubova T. V. *Gendernaya struktura domashnego truda: sravnitel'ny analiz gorodskoy i sel'skoy sem'i regiona* [Gender structure of domestic work: comparative analysis of urban and rural families in the region]. *Regionologiya*, 2006, no 1, pp. 145–156 (in Russ.).

Davydova N. M. *Glava sem'i: raspredelenie roley i sposob vyzhivaniya* [The head of the family: the distribution of roles and the way of survival]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2000, no 4, pp. 51–57 (in Russ.).

Edlund J. The Work-Family Time Squeeze: Conflicting Demands of Paid and Unpaid Work Among Working Couples in 29 Countries. *International Journal of Comparative Sociology* 48, 2007, no 6, pp. 451–480.

Evstifeeva G. G. *Gendernaya struktura domashnego truda v gorodskoy sem'e* [Gender structure of domestic work in an urban family]. *Regionologiya*, 2013, no 1 (82), pp. 93–96 (in Russ.).

Fernandez C., Sevilla-Sanz A. *Social norms and household time allocation*. Colchester: University of Essex, 2006.

Joesch J., Spiess K. European mothers' time spent looking after children – Differences and similarities across nine countries. *Electronic International Journal of Time-Use Research*, 2006, vol. 3, pp. 1–27.

Karakhanova T. M. Domashniy trud kak potrebitel'skaya deyatel'nost' [Home labor as a consumer activity]. Vestnik Instituta sotziologii, 2014, no 8, pp. 108–130 (in Russ.).

Karakhanova T. M., Bol'shakova O. A. Biudzhet vremeni rabochikh kak otrazhenie ikh real'nogo povedeniya v povsednevnoy zhizni (1965–2014 gg.) [Laborers Time Budget as a Reflection of Their Actual Behavior in Everyday Life]. Vestnik Instituta sotsiologii, 2016, no 3 (18), pp. 70–96. DOI: [10.19181/vis.2016.18.3.413](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413) (in Russ.).

Karakhanova T. M., Bol'shakova O. A. Obschee i osobennoe v ispol'zovanii vremyaresursa povsednevnoy zhizni u rabochikh raznogo vozrasta [The common and the particular in using the time-resource of everyday life among workers of various ages]. Vestnik Instituta sotziologii, 2017, no 3 (22), pp. 98–136. DOI: [10.19181/vis.2017.22.3.473](https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.473) (in Russ.).

Kletsin A. A. Raspredelenie domashnikh obyazannostey mezhdru suprugami: fakty, problemy, interpretatsii [Distribution of household duties between spouses: facts, problems, interpretations]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii, 2003, vol. VI, no 2, pp. 120–136 (in Russ.).

Kul'kova I. A. Izuchenie strategiy trudovogo povedeniya domohoziaystv [The study of strategies of labor behavior of households]. Upravlenets, 2011, no 3–4, pp. 72–77 (in Russ.).

Lytkina T. S. Domashniy trud i gendernoe razdelenie vlasti v sem'e [Domestic work and gender division of power in the family]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2004, no 9, pp. 85–91 (in Russ.).

Radaev V. V., Barsukova S. Y. Printsipy raspredeleniya truda mezhdru suprugami v sovremennoy gorodskoy sem'e [Principles of distribution of labor between spouses in a modern urban family]. Economicheskaya sotsiologiya, 2001, no 2, pp. 23–60 (in Russ.).

Rimashevskaya N. M. Gendernye stereotipy i logika sotsial'nykh otnosheniy [Gender stereotypes and the logic of social relations]. Svobodnaya mysl', 2006, no 3, pp. 100–110 (in Russ.).

Savinskaya O. B. Balans raboty i sem'i: strategii sovmescheniya professional'nykh i semeynykh obyazannostey rabotayuschimi materyami v Moskve [Balance of work and family: strategies for combining professional and family responsibilities of working mothers in Moscow]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii, 2013, vol. XVI, no 2 (67), pp. 142–167 (in Russ.).

Souza-Poza A., Schmid H., Widmer R. The allocation and value of time assigned to housework and child-care: An analysis for Switzerland. Journal of Population Economics, 2001, vol. 14, pp. 599–618.

Zadvornova J. S. Differentsiatsiya domashnego truda v rossiyskoy sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and modern trends]. Zhenshina v rossiyskom obschestve, 2014, no 1 (70), pp. 51–58 (in Russ.).

Zimin V. A., Morozova G. A. Izmenenie sotsial'nykh roley zhenshin v usloviyakh reform [Change in the social roles of women under reform]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obschestvennye nauki, 2013, no 6, pp. 70–74 (in Russ.).

П о л и т о л о г и я : тенденции развития избирательного процесса

Выборы в условиях шоуизации: технологии и социальные последствия

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр политологических исследований Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

E-mail: president@lenta.ru

Выборы в условиях шоуизации: технологии и социальные последствия

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515

Аннотация. В статье на примере кампании по выборам Президента Российской Федерации 2018 г. рассматриваются технологии сближения политики и шоу. Теоретической базой для авторских суждений и выводов является концепция шоуизации как установки современной цивилизации, обусловленной тотальным распространением средств массовой информации и коммуникации. Актуальные проявления медиазации общественно-политической жизни характеризуются тотальным распространением традиционных и инновационных источников ретрансляции информационных сообщений о событиях. Дополнительный стимул распространению шоу-технологий в политической сфере общества придаёт стремительное развитие глобальной сети интернет. Применение шоу-технологий в условиях выборов и предвыборных кампаний выражено наиболее ярко. В качестве технологий сближения политики и шоу автором выделяются и последовательно анализируются: технология популяризации события, популяризации личности, целевого информационного терроризирования, создания перформанса, политического хайпа. Конкретные проявления сближения политики и шоу имеют реализацию в непосредственном участии звёзд шоу-бизнеса в процессе агитации, интеграции представителей медиаиндустрии в избирательный процесс в качестве кандидатов, стратегии медийного освещения тем предвыборной кампании, в создании политического спектакля из телевизионных дебатов, а также искусственного ажиотажа вокруг определённых событий или персон. В кампании по выборам Президента Российской Федерации 2018 г. определённые технологии и их проявления нашли соответствующее отражение. Социальные последствия проникновения элементов шоу в политический и, в частности, избирательный процесс заключаются в том, что имеющий место транзит способствует преломлению традиционной модели политических ценностей в массовом сознании. Конечная цель распространения шоу-технологий с учётом контекста шоуизации как цивилизационной установки направлена на симплификацию усвоения аудиторией объективной реальности.

Ключевые слова: выборы, предвыборная кампания, шоуизация, массовое сознание, средства массовой информации, публичная политика, информационное терроризирование, политический перформанс, политический хайп

Повышение роли влияния средств массовой информации и коммуникации в политике, тенденции, сопровождающие современный избирательный процесс, расширяющийся спектр технологий, применяемых в ходе предвыборных кампаний в контексте их воздействия на электоральное сознание, актуализируют интерес к исследованию выборов в условиях шоуизации как явления и процесса. Реальные практические примеры, свидетельствующие о слиянии политики и шоу, характеризующемся системным и кросс-национальным характером, в различных проявлениях фиксируются в рамках предвыборных кампаний, проводимых в современных государствах и, в том числе, в Российской Федерации. В этой связи, представляется актуальным выявление особенностей проведения выборов в условиях шоуизации как объективно существующей реальности, имеющей цивилизационную природу. Поставленная цель достигается посредством анализа элементов шоу, интегрированных в технологическую составляющую современного избирательного процесса, а также проектирования потенциальных социальных последствий инклюзивности шоу-технологий. Объектом исследовательского внимания является шоуизация как явление и процесс; в качестве предмета позиционируются технологическая составляющая избирательного процесса в условиях шоуизации и потенциальные социальные последствия, формируемые в рамках соответствующего контекста. При продуцировании суждений и выводов автор исходит из гипотезы, построенной на допущении, что в современном обществе шоуизация является имеющей цивилизационную природу объективной реальностью, на фоне которой протекают политические субпроцессы, интегрирующие элементы шоу, в том числе и избирательный процесс, характер которых предопределяет направление трансформационных тенденций по отношению к состоянию массового сознания. Симбиоз выборов и шоу в настоящей статье рассматривается на примере кампании по выборам Президента РФ 2018 г.

Шоуизация как явление и процесс

В трактовке шоуизации как явления и процесса, а также его адаптации к условиям современного социального дискурса мы отталкиваемся от определения соответствующего феномена, данного Ю. М. Романенко и принципиально сводимого к следующему: «Шоуизация (существительное от английского глагола to show – показывать; буквальный перевод на русский язык – показуха, показушничество) – установка современной цивилизации, обусловленная тотальным распространением средств массовой информации и комму-

никации, стремление выставить напоказ, манипуляция толпой; удовлетворение гипертрофированной психологической потребности в зрелищах, осуществление экспансии визуальной культуры, настроенной на поражение воображения обывателя, непрерывное выслеживание и демонстрация в режиме pop-stop экстраординарных событий (от природных катастроф до захвата заложников террористами). Шоуизация сама является информационным терроризированием – экстремальным способом реализации возможностей четвёртой власти (СМИ). Имеются две формы шоуизаторской подачи материала для привлечения внимания – сенсация и эксклюзив. Девизом шоуизаторов может быть строка из песни Фредди Меркьюри: «Show must go on» – представление должно продолжаться (при любых обстоятельствах)» [Романенко 2003: 469].

Шоуизация, имея цивилизационную природу, охватывает все сферы общества, включая политическую, а содержательной основой исследуемого явления, очевидно, является шоу или перформанс, являющийся специфической разновидностью общественно-политического взаимодействия, интерпретируемого в виде спектакля. Так, согласно мнению О. А. Пичугиной, «публичность политики привела к тому, что сама суть политического утрачивает свои временные и исторические начала и сегодня является технологически хорошо поставленным представлением; при этом трансформация возникающих явлений в спектакль повышает степень интеграции политической сферы с социальной, экономической, культурной, религиозной» [Пичугина 2012: 101].

Процессу шоуизации политики уделено внимание в работах О. Е. Гришиной и А. Д. Митрофановой. Авторы связывают развитие соответствующего процесса с возникновением и распространением новых рекламных и PR-технологий в политической и социальной сферах, определяют его сущность как использование технологий шоу в ходе процесса политической коммуникации и выделяют в качестве наиболее популярных технологий политического шоу политический перформанс, ток-шоу, юмористические передачи, концерты, привлечение звёзд шоу-бизнеса к избирательной кампании, флеш-мобы [Гришин, Митрофанова 2015а: 118–119].

С точки зрения концепции шоу-цивилизации трактуется проникновение элементов шоу-бизнеса в политику в работах С. Н. Ильченко, акцентирующего внимание на манипулятивном характере шоу-технологий. В контексте позиционирования шоу-технологий как порождения масштабного развития и повсеместного распространения медиаресурсов, автором подчёркивается, в частности, что «шоу-цивилизация не гарантирует адекватного восприятия эфирного телепродукта аудиторией. Более того, весь совокупный инструментарий – визуальный, вербальный, драматургический – в политическом

шоу-бизнесе направлен как раз на смещение восприятия конкретной «картинки» в заданном её творцом направлении» [Ильченко 2016: 111].

В действительности в современном мире потребитель продукта, позиционирующегося на политическом рынке в виде идей, концепций, стратегий и программ, неизбежно сталкивается с манипулятивным воздействием контента, ретранслируемого посредством широкого спектра технических средств. Под влиянием соответствующего технологического воздействия формируются политические и электоральные предпочтения, трансформируются социальные приоритеты. Последние годы медиазация общественно-политической жизни характеризуется не только широким присутствием традиционных СМИ (отдельно из которых необходимо выделить телевидение), но и огромного информационного массива, доступ к которому обеспечивается посредством развития глобальной сети интернет. Таким образом, мы склонны рассматривать телевидение и интернет-источники в качестве приоритетных каналов распространения шоу-технологий преимущественно по причине высокой степени наглядности и визуализации, ретранслируемой посредством использования их информации. Также не лишним будет заметить, что шоу-технологии инклюзивны с точки зрения возможностей их проникновения в события и процессы различного характера, что позволяет судить об определяющем значении их комплексного научного осмысления в рамках очерченного теоретико-методологического контекста.

Политика и шоу в избирательных кампаниях: технологии сближения

Актуальным проявлением шоуизации мира политики в современном обществе, с нашей точки зрения, является применение ряда специфических приёмов, сближающих политику и шоу, активно применяемых в избирательных кампаниях. В их условной классификации мы склонны видеть следующие технологии: популяризация события и личности, целевое информационное терроризирование, создание перформанса (перформанс-технология), политический хайп (хайп-технология). Указанные разновидности технологий получают широкое распространение в ходе протекания политических subprocesses, в том числе и путём транзита из массовой культуры.

Применение перечисленных и подобных им шоу-технологий при проведении избирательных кампаний целесообразно трактовать в качестве актуального тренда, пространственное распространение которого постоянно расширяется. Ещё

В современном мире потребитель продукта, позиционирующегося на политическом рынке в виде идей, концепций, стратегий и программ, неизбежно сталкивается с манипулятивным воздействием контента, ретранслируемого посредством широкого спектра технических средств.

Актуальным проявлением шоуизации мира политики в современном обществе является применение ряда приёмов, сближающих политику и шоу, активно применяемых в избирательных кампаниях. Выделяются следующие технологии: популяризация события и личности, целевое информационное терроризирование, создание перформанса, политический хайп.

свежи в памяти события, связанные с предвыборной борьбой между кандидатами на пост Президента США в 2016 г., в рамках которой, по мнению Н. П. Попова, сочетались элементы политического шоу с реальной дискуссией по поводу важных для общества проблем [Попов 2016]. Руководствуясь исследовательским интересом, в целях иллюстрирования соответствующих техник и методик реальной практики сконцентрируем внимание на примерах, проявившихся в период кампании по выборам Президента РФ в 2018 г.

Технология популяризации события

Технология популяризации события достаточно традиционна и основана на приёме привлечения к участию в позиционировании политических процессов в целях обеспечения к ним внимания и интереса со стороны широкой аудитории деятелей шоу-бизнеса, спорта и иных сфер, имеющих большую популярность в массах. В предвыборных кампаниях данная технология применяется довольно давно и широко распространена в ведении предвыборной борьбы. Подробный анализ применения этого и похожих приёмов на постсоветском пространстве, в частности, представлен в работе О. Е. Гришина и А. Д. Митрофановой [Гришин, Митрофанова 2015b].

В течение предвыборной кампании 2018 г. отмечено значительное количество фактов интеграции в неё звёзд шоу-бизнеса. Прежде всего отметим такие модели интеграции звёзд в исследуемый процесс, как регистрация в качестве доверенных лиц кандидатов и участие в социальной рекламе в целях привлечения электората на избирательные участки.

Так, в качестве примера, иллюстрирующего первую модель, отметим, что среди доверенных лиц кандидата в Президенты РФ В. Путина, в частности, были зарегистрированы певица Валерия, певец С. Михайлов, рэпер Тимати и другие. Вторая модель получила наиболее яркое практическое воплощение в виде оригинального вирусного видеоролика, распространившегося в сети интернет, с актёром С. Буруновым в главной роли. Согласно сюжету ролика, первоначально не планирующий идти на выборы герой в итоге боится их пропустить после приснившегося ему страшного сна и, проснувшись, собирается на избирательный участок. Ролик снят в шутовой, юмористической манере, но в то же время ориентирован на формирование у его зрителя осознания судьбоносности выборов главы государства. С технологической точки зрения при учёте заложенных в его основу наглядности, зрелищности и ассоциативных приёмов данный видеоролик в полной степени отражает специфику выборов в условиях шоуизации как цивилизационной установки и может рассма-

В течение предвыборной кампании 2018 г. отмечено значительное количество фактов интеграции в неё звёзд шоу-бизнеса – их регистрация в качестве доверенных лиц кандидатов и участие в социальной рекламе для привлечения электората.

триваться в качестве вариации эффективного предвыборного явочного проекта, имеющего вирусную природу распространения и созданного посредством применения шоу-технологий.

Технологически грамотным для позитивного воздействия на электорат также представляется вовлечение в предвыборную кампанию, преимущественно в целях повышения явки на выборы, олимпийских чемпионов (К. Капризов, Е. Медведева). Указанный факт приобретает особое значение для популяризации выборов как значимого политического события с учётом реакции на негативный информационный фон для Российской Федерации во время участия спортсменов в олимпийских соревнованиях в Пхёнчхане в условиях реализации задач, направленных на укрепление национального самосознания.

Указанные технологические приёмы безусловно направлены на популяризацию самой идеи выборов и ориентированы на формирование устойчиво положительного отношения к данному событию широких электоральных слоёв.

Технология популяризации личности

Технология популяризации личности в условиях шоуизации базируется на неоспоримом признании исключительного значения влияния СМИ в современном обществе и предопределённости использования ресурсов, предоставляемых медиаиндустрией, для достижения (повышения) эффекта узнаваемости той или иной персоны. Технология, изначально широко использовавшаяся деятелями шоу-бизнеса, укореняется и в публичной политике.

Так, становится характерным участие в качестве кандидатов в избирательных кампаниях лиц, чья основная деятельность ассоциируется в массовом сознании с иными сферами (индустрией шоу и современными медиа). На примере президентских выборов в России, прошедших в 2018 г. мы отчётливо видим практическую реализацию данного тренда. В частности, о своём участии в них заявили шоумен и президент «Ассоциации стриптиз-клубов России» Лаки Ли, психолог и участник телепроекта «Дом-2» М. Козлов, журналист и автор популярных песен Е. Гордон, телеведущая и «светская львица» К. Собчак.

Попытка участия в выборах Президента РФ для указанных персон завершилась по-разному, но объединяющим элементом является то, что каждая из указанных персон из своего появления в информационном пространстве, даже в ассоциации с избирательным процессом, делала ставку на шоу. Так, Лаки Ли, выбывший из предвыборной гонки на этапе выдвижения, запомнился тем, что посещал ЦИК России в вызывающих, неуместных нарядах, а также обращениями к избирателям в Youtube с заявлениями наподобие того, что современная власть «улетела в космос». Не допущен-

Технологически грамотным для позитивного воздействия на электорат представляется вовлечение в предвыборную кампанию олимпийских чемпионов.

Технология популяризации личности в условиях шоуизации базируется на неоспоримом признании исключительного значения влияния СМИ в современном обществе и предопределённости использования ресурсов, предоставляемых медиаиндустрией, для достижения узнаваемости персоны.

ный в итоге к участию в выборах Президента РФ М. Козлов – тем, что принёс в Центризбирком РФ вместо заполненных подписных листов пустые листы бумаги в подарочных коробках, а также планами создать «министерство счастья», легализовать лёгкие наркотики, ввести в состав кабинета министров ведущих реалити-шоу «Дом-2» О. Бузову и К. Бородину. Снявшаяся по собственной инициативе с выборов Е. Гордон – слоганом «Гордон за баб!» и заявлением о нежелании принимать участие в фарсе и шоу, вызвавшим недоумение со стороны ЦИК России. Дальше всех в ходе избирательной кампании продвинулась К. Собчак, дойдя до её финала и набрав, согласно официальным данным, 1,68% голосов избирателей.

С учётом факта участия К. Собчак в выборах и полученного этим кандидатом результата, сделаем следующее замечание. Выдвижение К. Собчак в целом вписывается в концепцию публичного политического пространства, эксплицируемого феноменом тотальной шоуизации. В то же время на фоне других, правда, несостоявшихся участников предвыборной борьбы, чья основная деятельность связана с шоу-бизнесом и медиа, кампания «Собчак против всех», которую можно трактовать на уровне политико-технологического проекта, несмотря на внешние характеристики, свойственные шоуизаторству в политике, преследовала, на наш взгляд, более масштабную цель. Выбранную стратегию следует рассматривать в виде способа противодействия бойкотированию выборов протестно настроенной частью электората с учётом того, что К. Собчак в 2011–12 гг. являлась одной из активисток так называемого «белоленточного» движения. Во многом этим и объяснимо её непосредственное участие в кампании 2018 г. в качестве кандидата в Президенты РФ, что, впрочем, не нивелирует генерации элементов шоу в процессе предвыборной борьбы. Собственно, всю кампанию кандидата К. Собчак, начиная от момента выдвижения и заканчивая участием в дебатах, было бы правомерно рассматривать в контексте феномена шоуизации.

Общей тенденцией в обращении к рассматриваемой технологии медийными лицами на выборах 2018 г. является то, что они преимущественно ставили перед собой задачу лишней раз заявить о себе с целью привлечения внимания, используя при этом событие столь высокого уровня, а не вести реальную предвыборную борьбу.

Технология целевого информационного терроризирования

Технология целевого информационного терроризирования, согласно приведённому нами ранее определению, отражает непосредственную суть шоуизации. Как было отме-

чено, шоуизация сама является информационным терроризированием или, другими словами, экстремальным способом реализации возможностей СМИ. В политическом дискурсе практическая реализация данной технологии построена на принципах пропаганды, предполагающих монологическую природу взаимодействия акторов политико-коммуникативного процесса. В избирательном процессе указанный приём широко используется главным образом в его контрварианте и во многом содержательно близок технологии вброса компромата. С нашей точки зрения, принципиально от последней рассматриваемую технологию отличает наличие предельной степени агрессивности в подаче материала и последовательности линии психологического подавления главного героя в информационном пространстве. Информационный поток в данном случае обращён к потенциальным получателям политического продукта, т. е. к избирателям, и максимально упрощён в содержательном отношении в целях обеспечения доступности для успешного восприятия массами. Ретранслируется информация посредством наиболее распространённых средств передачи (преимущественно телевидения). Вброс компромата, напротив, может иметь эпизодический характер и быть направленным на более конкретизированный сегмент аудитории. С учётом того фактора, что технология информационного терроризирования является инструментарием спланированных предвыборных проектов, претендует на презентацию эксклюзива и подразумевает пошаговое раскрытие основной темы в рамках последовательной реализации подготовленного заранее сценария, её позиционирование как непосредственной сути шоуизации представляется определённо верным. Финальная цель применения данной технологии восходит к генерации устойчивого восприятия имиджа главного героя медиа проекта в глазах получателей информации в совокупности с достижением манипулятивного эффекта по отношению к последним. Последовательность циркуляции информации позволяет аудитории воспринимать проект, спланированный с помощью данной технологии, в качестве цельного киносериала, просмотр которого становится привычным изо дня в день.

В предвыборной кампании 2018 г. технология информационного терроризирования всецело нашла своё применение в реализации стратегии информационного позиционирования на федеральных телеканалах кандидата в Президенты РФ от КПРФ П. Грудина. Она основывалась на освещении деятельности претендента на высший государственный пост в должности директора ЗАО «Совхоз имени Ленина» в однозначно негативно трактуемом ключе. Информационная кампания предполагала определение в качестве исполнителей главных ролей в интегрированных в неё сюжетах бывших сотрудников ЗАО «Совхоз имени Ленина», излагавших свои версии характера деятельности кан-

дидата в Президенты РФ в рамках исполнения должностных обязанностей директора совхоза. Апогеем шоуизаторства и кульминацией информационного терроризирования в манипулятивных целях в процессе позиционирования П. Грудинина можно считать появление накануне дня голосования бывшей сотрудницы ЗАО «Совхоз имени Ленина» с обвинениями в его адрес в эфире теледебатов на канале «Россия 1» в качестве доверенного лица кандидата в Президенты РФ М. Сурайкина, выдвинутого партией «Коммунисты России».

Технология создания перформанса (перформанс-технология)

Технология создания перформанса (перформанс-технология) рассматривается нами в виде непосредственного инструмента генерации политического шоу (с учётом предмета исследования) в условиях отдельно взятой избирательной кампании. Применение данной технологии на практике предполагает воздействие на избирателей за счёт крайней степени визуализации и шоуизаторства посредством использования медиаресурсов. Составным компонентом перформанс-технологии может являться умышленное отвлечение зрителя от основной темы и смещение акцента в сторону второстепенной или вовсе отвлечённой тематики с использованием широкого и ограниченного лишь пределами человеческой фантазии спектра средств привлечения внимания. Важно заметить, что данная технология всё большее распространение получает в ходе предвыборных дебатов, в свою очередь рассматриваемых в научной литературе в качестве формы политических технологий с присутствием элементов политического шоу [Селищев 2009], а её применение ориентировано на относительно широкую аудиторию.

Предвыборная кампания 2018 г. характеризуется избытком случаев применения перформанс-технологий преимущественно в условиях теледебатов. Выше мы уже обращали внимание на факт участия в дебатах бывшей сотрудницы ЗАО «Совхоз имени Ленина» под видом доверенного лица кандидата М. Сурайкина. Стоит заметить, что легенда её появления в телеэфире и последовавшие за ним события, в итоге приведшие к потасовке в эфире между кандидатом М. Сурайкиным и доверенным лицом кандидата П. Грудинина М. Шевченко, встраиваются в контекст рассматриваемой нами технологии политического перформанса, поскольку выдержаны в лучших традициях постановки подобных действий для привлечения внимания зрительской аудитории.

Другим показательным примером перформанса на теледебатах между участниками выборов стала случившаяся ранее и содержавшая нецензурную брань словесная перепалка канди-

датов, возникшая между В. Жириновским и К. Собчак, закончившаяся выплёскиванием воды из стоявшего рядом стакана на одного из них.

Заметим, что подобные перформансы могут быть как спланированными, так и спонтанными, но в любом случае они преследуют общую цель. В условиях шоуизации она заключается в придании эффекта зрелищности внешне скучному и неинтересному процессу для рядового зрителя. Другой вопрос, что подобные способы выплеска эмоций в телеэфире в режиме дебатов нивелируют культуру их проведения, да и культуру предвыборной борьбы в целом. Впрочем, данная проблема выходит за рамки нашего исследовательского внимания и требует отдельного рассмотрения.

Технология политического хайпа (хайп-технология)

Технология политического хайпа (хайп-технология) базируется на идее создания медийного ажиотажа, причём зачастую искусственного, вокруг определённых событий или персон, которые в большинстве случаев не представляют интереса сами по себе. Само слово «хайп» является неологизмом и заимствовано из английского языка, в котором «hype» есть ни что иное как назойливая реклама, и может трактоваться как «раздувание» медийной «шумихи» из ничего. Характерные примеры хайпа широко представлены в актуальном медиадискурсе и рассчитаны на массовую аудиторию. Среди них характерно рассматривать случаи создания искусственного ажиотажа вокруг малоизвестных (до интеграции в медиaprостранство) лиц, становящихся героями различных ток-шоу (наподобие «Пусть говорят» (Первый канал), «Прямой эфир» (Россия 1) и т. п.). Политический хайп, как и хайп иной направленности, как правило, инициируется в интернете и распространяется по неформальным каналам с целью воздействия на адресные группы, характеризующиеся наличием неустоявшихся электоральных предпочтений. Характерной чертой хайп-технологий является кратковременность эффекта, а их основной целью – создание информационного повода для обсуждения, являющегося ничтожным в содержательном отношении. В качестве теоретического объяснения распространения такого современного явления, как хайп, может являться адаптация концепции медиавируса, подробно рассмотренной Д. Рашкоффом, с точки зрения которого, медиавирусы – это распространяющиеся по инфосфере мемы и мемокомплексы, изменяющие восприятие локальных и глобальных событий [Рашкофф 2003].

Хайп как непосредственное порождение шоуизации и распространения интернет-технологий не обошёл выборы 2018 г. На уровне политического хайпа, по нашему убежде-

нию, следует рассматривать публикацию в интернете роликов и фильмов, распространяемых не допущенным (по причине наличия судимости) до участия в выборах Президента РФ неформальным лидером несистемной оппозиции А. Навальным под видом расследований возглавляемого им Фонда борьбы с коррупцией (ФБК). Так, в качестве характерного предвыборного вброса, адресованного узкой группе лиц, обладающих неустоявшимися электоральными предпочтениями и тяготеющих к экстремальным способам выражения политического протеста, ставящего целью создание шумихи вокруг тем, не рассматривающихся массовым сознанием в качестве фундаментальных, может трактоваться тиражирование в интернете силами ФБК информации и роликов с участием некой Насти Рыбки (Анастасии Вашукевич), ставшей в короткие сроки с помощью интернет-технологий звездой таблоидов, откровения которой направлены на дискредитацию российской элиты.

Наиболее показательным примером применения хайп-технологий в режиме избирательной кампании 2018 г. является развитие в интернет-пространстве темы «усов Грудинина», потенциально претендующей на трансформацию в интернет-мем. Кандидат в Президенты РФ П. Грудинин во время интервью Ю. Дудю 6 февраля 2018 г. пообещал сбрить усы в случае, если наберёт на выборах менее 15% голосов избирателей. На выборах он занял второе место с результатом 11,77% и в течение недели (согласно появившейся информации) выполнил своё обещание, сняв и опубликовав в интернете видео процесса сбривания усов. Заметим, что в данном случае мы наблюдаем наивысший пилотаж в области «поствыборного» хайпа, реализуемого в объективных условиях шоуизации. Даже в случае «фейкового» характера видеороликов, фотографий и новостей, примечательно, что тема, содержательно не имеющая отношения к событию, участником которого являлся главный герой распространившихся медиасообщений, вызвала ажиотаж и волну обсуждений уже после окончания выборов, а это и является целью хайпа.

Динамика распространения хайпа в обществе даёт основание для продуцирования предположения о перспективной тотальной «хайпизации» в том числе и мира политики. Данный тренд обусловлен безостановочным углублением процесса шоуизации, являющегося объектом настоящего исследования.

Социальные последствия шоуизации

Обращаясь к совокупности суждений, изложенных выше, напрашивается закономерный вывод о том, что выборы и шоу в условиях актуальных цивилизационных установок неразделимы. Однако оговоримся, что сделанный

нами технологический срез отражает лишь поверхностный слой их взаимного сочетания. На самом деле современный социум вовлечён в более глубинные процессы, которые под воздействием медиатехнологий способствуют трансформации общественного сознания. И в этой связи представляется важным сделать некоторые замечания о социальном значении шоуизации.

Ещё древнеримский поэт-сатирик Ювенал писал о том, что народ мечтает о двух вещах – хлебе и зрелищах. Современная шоу-цивилизация обеспечивает зрелища в полном объёме, поскольку общество испытывает в них гипертрофированную потребность. Другой вопрос в том, что технологии, применяемые субъектами коммуникативного процесса, имеют подчеркнута манипулятивную природу и заточены на одурманивание сознания получателя информации, вследствие чего формируются соответствующие контуры его перспективной трансформации. Выявленная в процессе исследования перманентно усиливающаяся интеграция элементов шоу в политику в целом и в выборы в частности, осуществляющаяся в форме транзита и адаптации технологий, традиционных для шоу-бизнеса, и обусловленная повышающимся значением информационных ресурсов, ставит новые вопросы об оценке широкими социальными слоями степени объективности и адекватности происходящего вокруг.

Принимая во внимание контекст шоуизации, сопровождающий восприятие течения современного политического и избирательного процессов, мы вынуждены констатировать, что, являясь объективно выраженным, он способствует преломлению традиционной модели политических ценностей в массовом сознании. Внедрение элементов шоу в политические и избирательные кампании направлено на симплификацию усвоения аудиторией объективной реальности.

При непосредственном влиянии СМИ и интернет-ресурсов, выполняющих функции агентов шоуизации, инструментом формирования общественных настроений в перспективе будут продолжать являться технологии популяризации события и личности, технология целевого информационного терроризирования, перфоманс-технологии и хайп-технологии. Именно эта совокупность приёмов и техник распространена в предвыборных кампаниях и нашла своё непосредственное применение в ходе борьбы между кандидатами на выборах Президента РФ, пример которых лёг в основу настоящей статьи для достижения поставленной цели и решения предполагаемых ею задач. При этом нельзя исключать, что в обозримом будущем мы с высокой долей вероятности станем свидетелями применения их более усовершенствованных модификаций. Данный процесс необратим ввиду отсутствия альтернативы шоуизации как установки современной цивилизации.

Принимая во внимание контекст шоуизации, сопровождающий восприятие течения современного политического и избирательного процессов, приходится констатировать, что, являясь объективно выраженным, он способствует преломлению традиционной модели политических ценностей в массовом сознании.

Библиографический список

Гришин О. Е., Митрофанова А. Д. 2015а. Политическое шоу как технология коммуникации // *Politbook*. № 3. С. 117–133.

Гришин О. Е., Митрофанова А. Д. 2015б. Политические шоу-технологии на постсоветском пространстве // *Проблемы постсоветского пространства*. № 3. С. 64–83.

Ильченко С. Н. 2016. Политические игры современного шоу-бизнеса в телеэфире: дискурс манипуляции // *Гуманитарный вектор*. Т. 11. № 5. С. 110–115.

Пичугина О. А. 2012. Перформанс в общественно-политическом дискурсе современной России // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. № 1 (82). С. 101–110.

Попов Н. П. 2016. Президентские выборы в США: революция избирателей? // *Коммуникология*. Т. 4. № 6. С. 45–59.

Рашкофф Д. 2003. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура. 368 с.

Романенко Ю. М. 2003. Шоуизация // *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия* / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя. 469 с.

Селищев Д. А. 2009. Теледебаты как форма политических технологий // *Среднерусский вестник общественных наук*. № 4. С. 163–164.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515

Show-Oriented Elections: The Technologies and Social Consequences

Ezhov Dmitriy Alexandrovitch

Candidate of political sciences, associate professor, senior researcher of the Centre for Political Studies of the Political Science Department, State Financial University, Moscow, Russia. E-mail: president@lenta.ru

Abstract. This article, using the 2018 Russian presidential election as an example, examines the technologies used to align politics with spectacle. The author's opinions and conclusions are based on a theoretical foundation in the form of the "show-orientation" concept, it being a device inherent to modern civilization, associated with a universal distribution of mass media and means of mass communication. Current manifestations of media-biased social and political life are characterized by a universal distribution of traditional and innovative sources for broadcasting event reports. The rapid worldwide development of the internet serves as additional motivation for spreading show business technologies within the realm of politics. The use of show business technologies is especially pronounced during election cycles and electoral campaigns. The author highlights and thoroughly analyzes the following technologies of converging politics with spectacle: event promotion technology, personality promotion technology, targeted informational terrorization technology,

performance creation technology and political hype technology. The convergence of politics and spectacle specifically manifests in the form of show business stars directly participating in a campaign, integration of media industry representatives into the electoral process as candidates, strategy for media coverage of electoral campaign topics, turning televised debates into a political show, as well as creating artificial hype around certain events and personas. The use of certain technologies was evident during the 2018 Russian presidential election campaign. As for the social consequences of show business attributes encroaching on the political process, and especially the election itself, they come down to the fact that this leads to the mass perception of traditional political values being undermined. The end goal of spreading show business technologies, given the context of show-orientation being a device of modern civilization, is an eventual simplification of how the public perceives objective reality.

Keywords: elections, election campaign, showization, mass consciousness, mass media, public policy, information terrorism, political performance, political hype.

References

Grishin O. E., Mitrofanova A. D. Politicheskie shou-tekhnologii na postsovetskom prostranstve [Political show-technologies in the post-soviet space]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2015, no 3, pp. 64–83 (in Russ.).

Grishin O. E., Mitrofanova A. D. Politicheskoe shou kak tekhnologiya kommunikatsii [Political show as a communication technology]. *Politbook*, 2015, no 3, pp. 117–133 (in Russ.).

Il'chenko S. N. Politicheskie igry sovremennogo shou-biznesa v teleefire: diskurs manipulatsii [Political games of modern show business in television: discourse manipulation]. *Gumanitarny vector*, 2016, vol. 11, no 5, pp. 110–115 (in Russ.).

Pichugina O. A. Performans v obschestvenno-politicheskom diskurse sovremennoy Rossii [Performance in socio-political discourse in contemporary Russia]. *Vestnik RGGU (Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie)*, 2012, no 1 (82), pp. 101–110 (in Russ.).

Popov N. P. Prezidentskie vybory v SShA: revoliutsiya izbirateley? [Presidential elections in the US: the revolution of voters?]. *Communicologiya*, 2016, vol. 4, no 6, pp. 45–59. (in Russ.).

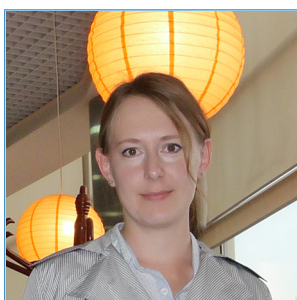
Rashkoff D. Mediavirus! Kak pop-kul'tura tayno vozdeystvuet na vashe soznanie [Media Virus! Hidden agendas in popular culture]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, 2003. 368 p. (in Russ.).

Romanenko Y. M. Shouizatsiya [Showisation]. *Proektivny filosofskiy slovar': Novye terminy i ponyatiya*. Ed. by G. L. Tul'chinsky, M. N. Epshteyn. Saint-Petersburg, Aleteyya, 2003. 469 p. (in Russ.).

Selischev D. A. Teledebaty kak forma politicheskikh tekhnologiy [TV debates as a form of political technology]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk*, 2009, no 4, pp. 163–164 (in Russ.).

Н а у ч н ы е ф о р у м ы

XXI Уральские социологические чтения «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития»

Орешкина Татьяна Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Email: t.a.oreshkina@urfu.ru

XXI Уральские социологические чтения «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития»

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.517

15–16 марта 2018 г. в Уральском федеральном университете состоялась Международная научно-практическая конференция XXI Уральские социологические чтения «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития», приуроченная к 80-летию профессора Ю. Р. Вишневого. В конференции приняли участие 387 учёных из России, Казахстана, Украины, Беларуси и Армении.

Уральские социологические чтения – это поддержка многолетних научных связей Уральской социологической школы социологическими центрами Екатеринбурга, Перми, Тюмени, Челябинска, Уфы. Проведение уральских социологических чтений с 70-х гг. XX в. является важной академической традицией для социологов Большого Урала. Тематика чтений концентрируется на актуальных проблемах социологии и социального развития региона. В 2014 г. профессорами Ю. Р. Вишневым Г. Е. Зборовским проведено историко-социологическое исследование уникального феномена отечественной социологической жизни – Уральских социологических чтений. Авторы проанализировали все материалы чтений и обоснованно заявили об особом значении нового этапа развития социологии для консолидации и интеграции социологов Большого Урала [Вишневский 2015].

Уральские социологические чтения многие годы развивались вместе с уральской социологической школой. Ведущие учёные региона вносили свой неопределимый вклад в становление социологии на Урале. Многих из них сегодня хорошо помнят и ценят исследователи разных поколений. Для поддержки памяти о становлении уральской социологической школы на конференции были организованы стендовые доклады «Они стояли у истоков», посвящённые памяти профессоров Л. Н. Когана, Н. А. Аитова, З. И. Файнбурга, В. Т. Шапка, М. А. Слюсарянского, Г. Б. Кораблёвой, К. Г. Барбаковой.

Научное мероприятие в этом году было посвящено актуальным проблемам социально-экономического развития Урала, связано со значимостью теоретических и эмпирических исследований учёных уральской социологической школы в реализации социальной политики региона. Обобщён опыт теоретического и эмпирического изучения особенностей политических, эконо-

мических, экологических и научно-образовательных структур пространства региона, проанализированы тренды в реализации социально-экономической политики в промышленном секторе, проведена оценка новых разработок в сфере культуры, образования, молодёжной и семейной политики.

Центральной темой конференции стала проблема изучение региона как пространства самореализации молодёжи. Акцент в научной программе сделан на политическое и социальное участие, активизм и гражданскую культуру в молодёжной среде. Обсуждение проблем молодёжи прошло в рамках подиумной дискуссии и дебатов по молодёжной политике. На подиумной дискуссии представлены результаты седьмого этапа мониторинга студенческой молодёжи [Студент1995–2017 гг.]. Ключевыми направлениями научной дискуссии определены проблемы демографии, высшего образования, массового спорта, взаимодействия государства и власти, экологии и социокультурного развития регионов.

Молодёжные дебаты, прошедшие 16 марта 2018 г., были посвящены мотивам политического участия молодёжи на примере выборов Президента РФ. Дебаты прошли по Британской системе: студенческие команды, будучи в ролях «Правительства» и «Оппозиции», удерживали и аргументированно отстаивали игровые позиции, связанные с выборами Президента России. Обсуждение было построено на противоположности заявлений «за» или «против».

Проведены следующие секции конференции: «На пути к инновационному университету в пространстве региона», руководитель проф. Г. Е. Зборовский, модератор доц. П. А. Амбарова; «Власть и общество: социологическое измерение», руководитель доц. Л. И. Воронина, модератор доц. С. Н. Костина; Секция «Фамилистические исследования на Урале», руководитель проф. А. П. Багирова; «Социологический ракурс массовых спортивных мероприятий в российских регионах: по материалам всероссийских проектов РОС и исследований уральских социологов», руководитель Е. Н. Икингрин, модераторы: доц. Д. Ю. Нархов и С. И. Ростенко; Секция «Социокультурная компаративистика регионов России», руководитель доц. Р. М. Валиахметов; Секция «Благотворительность и социальное участие в российских регионах и постсоветском пространстве», руководитель доц. М. В. Певная, модераторы: доц. А. А. Кузьминчук и Д. В. Трынов.

В рамках конференции организованы Круглые столы: «Пространство государственного управления и гражданская культура молодёжи», модераторы: проф. Ю. Р. Вишневский и доц. А. А. Айвазян; «Экологическая безопасность в пространстве промышленных регионов», модераторы: проф. И. А. Халий и доц. Т. А. Орешкина.

Интересным событием в рамках XXI Уральских социологических чтений 15 марта стал мастер-класс профессора Костромского государственного университета, д.с.н.

В. А. Смирнова «Использование Python и R для извлечения и анализа социологических данных», на котором были рассмотрены возможности Data Science, преимущества и ограничения применения Python и R в социологических исследованиях.

Особый интерес в «Год добровольца» (2018) вызвал открытый семинар «Тенденции развития волонтерства в России», на котором директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, канд. социол. наук И. В. Мерсиянова представила самые последние результаты эмпирических исследований добровольчества, реализованных Центром в рамках мониторинга состояния гражданского общества в РФ.

В работе конференции приняли участие не только теоретики, но и практики, работающие в социальной сфере разных российских регионов, ведущие социологи, специализирующиеся на анализе региональных проблем, а также исследователи из университетов стран ближнего и дальнего зарубежья. Очные доклады участников конференции будут включены в научный сборник «Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития».

Библиографический список

Вишневский Ю. Р., Г. Е. Зборовский. 2015. Уральские социологические чтения: историко-социологическое исследование: монография / Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: УрФУ. 176 с.

СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общей редакцией Ю. Р. Вишневского; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.517

XXI Ural Sociological Readings “Social Space and Time of the Region: Problems of Sustainable Development”

Oreshkina Tatyana Anatolievna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, Institute of public administration and entrepreneurship, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

XXI Ural sociological readings “Social space and time of the region: problems of sustainable development” Information about the XXI Ural sociological readings “Social space and time of the region: problems of sustainable development”, held on March 15–16, 2018 at the Ural Federal University. The conference was attended by 387 scientists from Russia, Kazakhstan, Ukraine, Belarus and Armenia.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>